

**ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Материалы международной научно-практической конференции

Иркутск, 24 апреля 2020 г.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Байкальский государственный университет

**ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Материалы международной научно-практической конференции

Иркутск, 24 апреля 2020 г.

Иркутск
Издательство БГУ
2020

УДК 378:34(06)
ББК 74.58
П75

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Редакционная коллегия:

проф. В.В. Чуксина, доц. Е.М. Якимова (отв. ред.)

Рецензенты:

д-р юрид. наук, проф. А.А. Протасевич,
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Смирнова,
канд. юрид. наук, доц. Т.В. Приходько,
канд. экон. наук А.С. Архипкина

П75 Правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 24 апр. 2020 г. / отв. ред. Е.М. Якимова. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2020. – 181 с. – URL: lib-catalog@bgu.ru.

Представлены материалы международной научно-практической конференции «Правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: история и современность», организатором которой выступило Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Байкальский государственный университет». Статьи участников конференции посвящены актуальным проблемам и перспективам трансформации российского законодательства посредством совершенствования механизма обеспечения национальной безопасности России с учетом исторических факторов и современных реалий.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, работников органов публичной власти, а также для широкого круга читателей, проявляющих интерес к проблемам обеспечения национальной безопасности России.

УДК 378:34(06)
ББК 74.58

© Издательство БГУ, 2020

Содержание

Алексеева М.А., Пахомов Д.М. Роль суда присяжных в обеспечении национальной безопасности.....	5
Бурыкина Н.Н., Никеров Д.М. Методика противодействия идеологии терроризма в образовательных организациях Российской Федерации.....	10
Громов В.Г., Судейкина А.А. Проблемы определения лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии	14
Гурко А.К. Эффективность конфискации имущества как средства обеспечения национальной безопасности России.....	20
Евдокимов К.Н. Самодетерминация компьютерной преступности в условиях ее трансформации в технотронную преступность.....	26
Капитонова Е.А. Ограничения конституционных прав и свобод как средство обеспечения национальной безопасности	34
Комаров А.А. Перспективы реализации проекта «Ситуационный центр кибербезопасности МВД»	41
Коробейникова М.С. Некоторые особенности расследования доведения до самоубийства как элемент обеспечения национальной безопасности	46
Корякина В.С. Права человека и международный терроризм: формирование современной парадигмы	52
Кузьмичева В.Д., Никитин Д.А. Меры предупреждения изнасилований как одно из направлений поддержания должного уровня национальной безопасности государства.....	58
Микова Е.Б. Историко-правовые аспекты установления уголовной ответственности за незаконное использование документов для образования (создания, регистрации) юридического лица в отечественном законодательстве.....	63
Муравьев В.С. Права ребенка в XXI веке: к вопросу формулирования правовой позиции международного сообщества.....	70
Нефедьев Ф.С., Санина Л.В. Правовые аспекты обеспечения экономической безопасности личности в условиях цифровизации здравоохранения	77
Попова Е.К. Соотношение обеспечения прав человека и интересов национальной безопасности.....	87
Рожкова А.К. Подходы к пониманию нематериального культурного наследия в России и Китае: вопросы правового регулирования культурной безопасности	93
Романовский В.Г. К вопросу об обязанности граждан по обеспечению безопасности государства.....	99
Романовский Г.Б. Война против террора как особый правовой режим обеспечения национальной безопасности	105

Рыжова А.А., Плахтий Н.А. Административно-правовой статус субъектов, осуществляющих публично значимые функции	110
Савченко Т.И. Криминалистическое исследование гладкоствольного охотничьего оружия с мультиснарядом как средство должной квалификации в контексте реализации уголовно-правовой политики	118
Тользак А.Е. Место и роль российской адвокатуры в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.....	122
Тузкова А.А. Здоровье граждан как конституционная ценность в современном мире	129
Устинов А.Н. Регулярная законодательная «гильотина» в механизме обеспечения непротиворечивости правовой системы.....	135
Хлус А.М. Стратегия противодействия коррупции как средство обеспечения национальной безопасности.....	139
Чуксина В.В., Бондаренко О.В. Новые вызовы демократии и национальной безопасности государств в изменяющемся мире	146
Шастина А.Р. Профессионализм и компетентность служащих в аспекте обеспечения национальной безопасности	151
Шеметев А.А. Национальная безопасность и коррупция: ретроспективный анализ глобальных трендов	157
Шишина Е.А. Информационные угрозы как угроза национальной безопасности Российской Федерации: постановка проблемы	165
Якимов М.В. Особенности формирования и реализации глобальной правовой идеологии	172
Якимова Е.М., Пуляевская И.А. Публичные услуги через призму поправок в Конституцию России и распространения коронавирусной инфекции	178

РОЛЬ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье проведен анализ деятельности судов присяжных как правоохранительного органа, осуществляющего отправление правосудия и обеспечивающего национальную безопасность Российской Федерации в контексте борьбы с преступностью. Авторами научной работы были рассмотрены нормативные акты, составляющие правовую и организационную основы деятельности судов присяжных, основные полномочия и подсудность. Проанализированы мнения российских ученых о состоянии данного института в современной России и перспективах его развития. Авторы приходят к выводу о преимуществах народного правосудия, обеспечивающего одновременно реализацию национальных интересов населения и национальную безопасность Российской Федерации. Вносятся предложения по совершенствованию данного правоохранительного органа и института гражданского общества.

Ключевые слова: стратегия национальной безопасности, суды присяжных, судебная система России, участие населения в осуществлении правосудия, национальная безопасность.

M.A. Alekseeva
D.M. Pakhomov

THE ROLE OF JURIES IN ENSURING NATIONAL SECURITY

The article analyzes the activities of jury courts as a law enforcement Agency that administers justice and ensures the national safety of the Russian Federation in the context of fighting crime. The authors of the scientific work considered the normative acts that make up the legal and organizational basis for the activities of jury courts, the main powers and jurisdiction. The article analyzes the opinions of Russian scientists on the current state and prospects of development of jury courts in Russia. The authors come to the conclusion about the advantages of popular justice, which simultaneously ensures the implementation of the national interests of the population and the national security of the Russian Federation. Proposals are made to improve this law enforcement Agency and the institution of civil society.

Keywords: national security strategy, jury trials, Russian judicial system, public participation in the administration of justice, national security.

В указе Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности» понятие национальной безопасности Российской Федерации рассматривается как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором ре-

лизация конституционных прав граждан Российской Федерации, а также суверенитет и территориальная целостность страны обеспечиваются и гарантируются гражданам.

Тем самым мы можем выделить следующие основные признаки рассматриваемого понятия:

Во-первых, национальная безопасность – это состояние защищенности отдельной личности, общества в целом, а также государства от внешних агрессий.

Во-вторых, национальная безопасность характеризуется обеспечением реализации (исполнения, соблюдения, использования и др.) конституционных прав и свобод российских граждан.

В-третьих, обеспечивается защита и неприкосновенность территориальных границ Российской Федерации, а также ее независимое устойчивое социально-экономическое развитие.

В условиях глобальной интеграции, наша страна как никогда заинтересована в построении сильной системы, обеспечивающей безопасность населения. На сегодняшний день в стране действует ряд правоохранительных органов, которые способствуют укреплению суверенитета, улучшению качества жизни граждан, поддерживают целостность территориальных границ России. К таким органам относятся: Вооруженные силы, Федеральная служба безопасности, прокуратура, органы внутренних дел, суды, национальная гвардия.

Многие исследователи поднимают вопрос о соотношении понятий национальной безопасности и национальных интересов. Некоторые ученые считают, что не все органы, задействованные в обеспечении национальной безопасности, действуют в соответствии с интересами граждан России. Это довольно субъективное мнение, однако есть правоохранительные органы, которые не только действуют в соответствии с национальными интересами граждан, но и функционируют при непосредственном участии населения. Такими органами являются суды присяжных.

Суд с участием присяжных заседателей – это форма судопроизводства, при которой вопросы «факта», то есть было ли совершено правонарушение, виновен ли подсудимый в совершении данного преступления, решают граждане, не обладающие юридическим образованием, а вопросы «права», в частности квалификация преступления, назначение меры юридической ответственности, иные процессуальные аспекты относятся к компетенции профессионального судьи.

К основным признакам суда присяжных как правоохранительного института можно отнести:

Во-первых, независимость присяжных от председательствующего судьи в принятии решения.

Во-вторых, особая подсудность дел, обусловленная иными особенностями суда присяжных заседателей.

В-третьих, отсутствие у присяжных заседателей возможности ознакомления с материалами рассматриваемого дела или иными материалами, с целью недопущения формирования у присяжных предрасположенности к какой-либо из сторон процесса до начала судебного заседания.

В-четвертых, при оценке доказательств в процессе разбирательства уголовного дела присяжные руководствуются исключительно своими внутренними убеждениями, совестью, жизненным опытом и общественной моралью.

В-пятых, суды присяжных, являясь институтом гражданского общества, обеспечивают защиту прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве от произвола и злоупотребления правом со стороны судей, тем самым предупреждая различные виды преступности (коррупционную, должностную, политическую и др.) в системе правосудия [7, с. 115, 253]. Чем вносят серьезный вклад в обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

В первую очередь основными нормативными актами, составляющими правовую основу деятельности судов присяжных в Российской Федерации, являются Конституция и Уголовно-процессуальный кодекс РФ, в котором отмечены случаи, при которых подозреваемый имеет право требовать проведения судебного заседания в форме суда присяжных. Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в российской федерации» тоже входит в список документов, составляющих основу деятельности судов присяжных, поскольку в нем указаны требования, предъявляемые к присяжным, порядок и сроки составления списков кандидатов в присяжные заседатели. Это основной документ, которым руководствуется судебный департамент при Верховном Суде РФ для обеспечения деятельности этой специфической формы судебного процесса. Также мы не можем оставить без внимания такие правовые акты как: ФКЗ «О Верховном Суде РФ», ФКЗ «О Судебной системе РФ», ФКЗ «О военных судах РФ», которые без сомнения играют важную роль в фундаменте всей целостной судебной системе нашей страны.

Особая категория дел, подсудная институту присяжных заседателей установлена Уголовным кодексом РФ и включает тяжкие и особо тяжкие преступления (ч. 4, 5 ст. 15 УК РФ), а также допускает рассмотрение преступлений средней тяжести (ч. 3 ст. 294, ч. 1 ст. 299, ст. 304 УК РФ) и небольшой тяжести (ст. 297, ч. 1 ст. 301 УК РФ).

Преступления, связанные с посягательством на конституционный строй, с террористическими актами и с насильственным захватом власти, не относятся к компетенции суда присяжных с 2008 г. Данный факт объясняется тем, что данные составы преступлений, отличающиеся особой сложностью, могут рассматривать и дать правовую оценку только профессиональные судьи, обладающие юридическим образованием и имеющие возможность в силу своих знаний, профессионального опыта, детально проанализировать все материалы дела.

Несмотря на то, что в юрисдикцию суда присяжных не входят преступления, непосредственно и напрямую угрожающие национальной безопасности, данный институт судебной системы имеет немалое значение в ее обеспечении.

В п. 43 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указана среди прочих угроз дестабилизация функционирования органов государственной власти, выражающаяся кроме всего прочего в посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля, так как данные деяния могут иметь своей целью захват власти, изменение политики государства и т.д. Данный состав преступления относится к ст. 277 УК РФ, которая входит в

юрисдикцию суда с участием присяжных заседателей. Способствует защищенности национальных интересов и судебные разбирательства с участием присяжных по другим составам преступлений, прямо или косвенно влияющим на защиту, в большинстве своем, от внутренних угроз.

В научных кругах ведется множество дискуссий по поводу расширения юрисдикции суда присяжных заседателей. Часть исследователей считает, что многие составы преступлений ввиду их сложности необходимо исключить из перечня подсудных дел. Часть – что его необходимо расширить. Так, например, высказываются мнения об отнесении к подсудности присяжных составов преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 105, ст. 357 УК РФ, нарушение которых не может оставлять в стороне общественность [3, с. 55].

Таким образом, суд присяжных заседателей – важный элемент в системе обеспечения национальной безопасности, значение которого особенно велико, так как данный правоохранительный институт позволяет учитывать взгляд общества на принцип справедливости наказания за совершенное деяние, т.е. непосредственно затрагивающий его права и законные интересы в области защиты от преступных посягательств.

Следует отметить, что суд присяжных как институт гражданского общества обеспечивает справедливое рассмотрение дел, путем привнесения в отправление правосудия помимо правовых, моральных норм, что особенно важно при рассмотрении правонарушений, посягающих на национальные интересы, состояние защищенности личности, общества и государства.

Кроме того, как уже было сказано выше, одним из признаков национальной безопасности является обеспечение реализации конституционных прав и свобод граждан, что является одной из главных задач органов судебной власти и самостоятельным направлением осуществления правосудия. В свою очередь, суды присяжных гарантируют «народный» характер правосудия, напоминая государству и его должностным лицам, что источником власти в Российской Федерации является именно народ в лице обычных граждан.

Список использованной литературы

1. Алибеков М.Г. Понятие национальной безопасности / М.Г. Алибеков // Социология власти. – 2009. – № 8. – С. 110–114.
2. Бушная Н.В. Суд с участием присяжных заседателей как индикатор «здоровья общества» / Н.В. Бушная, А.А. Чуниха, И.С. Гусейнова // Наука и Школа. – 2017. – № 3. – С. 40–47.
3. Владыкина Т.А. Дискуссионные вопросы подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей / Т.А. Владыкина // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 3. – С. 53–57.
4. Конституция Российской Федерации : принята 12 дек. 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31 (4 авг.). – Ст. 4398.
5. Кот М.В. Основные признаки и особенности суда присяжных / М.В. Кот // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 2. – С. 92–96.

6. Криминология. Общая часть : учеб. для академ. бакалавриата / под общ. ред. О.С. Капинус. – Москва : Юрайт, 2016. – 303 с.

7. О стратегии национальной безопасности : указ Президента от 31.12.2015 г. № 683. – Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 22.02.2020 г.).

8. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации : федер. закон от 20.08.2004 г. № 113-ФЗ // Российская газета. – 2004. – 25 авг.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. – 2010. – 8 июня.

10. Уголовно-Процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18.12.2001 г. №174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 22 дек.

Информация об авторах

Алексеева Мария Александровна – студент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской федерации, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: alekseevamarina788@gmail.com.

Пахомов Дмитрий Михайлович – студент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской федерации, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: pakhovdm@mail.ru.

Authors

Alekseeva Maria Aleksandrovna – student, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 664022, Irkutsk, Shevtsovast., 1, e-mail: alekseevamarina788@gmail.com.

Pakhomov Dmitry Mikhailovich – student, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor of the Russian Federation, 664022, Irkutsk, Shevtsovast., 1, e-mail: pakhovdm@mail.ru.

**Н.Н. Бурькина
Д.М. Никеров**

МЕТОДИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Актуальность темы обусловлена проявлением повышенной активности террористических организаций в современном мире, и, в частности, вербовкой лиц, обучающихся в образовательных организациях, что составляет реальную угрозу национальной безопасности и подвергает опасности молодежь. В статье изложены основные положения при планировании мероприятий по предупреждению терроризма в образовательных организациях, анализируются некоторые способы противодействия идеологии терроризма в российских образовательных организациях, высказываются предложения по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: противодействие, терроризм, образовательные организации, молодое поколение.

**N.N. Burykina
D.M. Nikerov**

METHODOLOGY OF COUNTERACTING IDEOLOGY OF TERRORISM IN EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF RUSSIAN FEDERATION

The relevance of the topic is due to the increased activity of terrorist organizations in the modern world, and in particular to the recruitment of persons studying in educational organizations, which constitutes a real threat to national security and endangers young people. The article outlines the main provisions in planning measures to prevent terrorism in educational organizations, analyses some ways to counter the ideology of terrorism in Russian educational organizations, and makes proposals to improve law enforcement practices.

Keywords: combat, terrorism, educational establishments, youth.

Целью любой террористической деятельности является устрашение населения для конечного воздействия на власть для решения различных задач террористов (экономических, правовых, политических и т.п.). Обращает на себя внимание тот факт, что устрашение общества, хотя и является сугубо методом, тем не менее, является, своего рода, неотъемлемой частью «ядра» терроризма. Через устрашение изменяется сознание общества, отдельных личностей, навязывается воля преступников и т.п.

Вместе с тем, очевидно, что метод устрашения является лишь частью чего-то большего, некой общей концепции (набора идей, представлений, смыслов, различных методик и т.п.) или идеологии. Если не дать идеологии терро-

ризма проникнуть в сознание не зараженных этой «заразой» людей, то и обороты террористической деятельности, ее наступательное движение, можно существенно ограничить до условно приемлемого уровня.

Именно поэтому так важно активно противодействовать идеологии терроризма на всех уровнях государственной и управленческой деятельности.

Особую значимость эта работа приобретает в России, где существует огромное количество нерешенных проблем, могущих стать питательной средой для радикальных террористических и экстремистских идеологий. Важнейшим заслоном для идеологии терроризма, местом, где изначально прививаются социально значимые и общественно полезные представления о стране и мире, является сфера образования.

В силу геополитических особенностей, целенаправленной и последовательной политики высших органов власти Российская Федерация, на указанном поприще, является одним из мировых лидеров. Достижения и успехи России, ее роль в деятельности международных организаций, признается практически всеми авторитетными международными организациями и ведущими государствами.

Однако крайне важно замечать и признавать не только очевидные успехи и достижения, но и недостатки в работе на этом крайне важном направлении. На наш взгляд, на современном этапе, основными из них являются:

формальный подход органов власти и образования к проведению общих и индивидуальных профилактических мероприятий; низкая эффективность пропаганды в киберпространстве; незначительно количество представителей органов власти, управления и образования, способных по-настоящему грамотно и последовательно строить работу по противодействию идеологии терроризма в молодежной среде.

Необходимо отметить, что основываясь на положениях Глобальной контртеррористической стратегии Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций № A/RES/60/288, принятой в 2006 г., в Российской Федерации терроризм и экстремизм признаны одной из самых серьезных угроз международному сообществу и безопасности [4].

В развитие этого положения, помимо принятия в Российской Федерации Федерального закона от 21.07.2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», Федерального закона от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», Федерального закона от 09.02.2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», Федерального закона от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федерального закона от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федерального закона от 03.04.1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» и установления в некоторых субъектах Российской Федерации административной ответственности за неисполнение или нарушение решения органа, координирующего деятельность по профилактике терроризма, а также по минимизации и ликвидации последствий его проявлений [2], был также утвержден Президентом Российской Федерации 28.12.2018 г. № Пр-2665 «Комплексный

план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы».

Одной из ключевых задач указанного плана в современных условиях становится победа в идеологической сфере. В первую очередь, ограждение граждан от воздействия террористических идеологий [3].

Достижение поставленной цели возложено не только на региональные органы власти и правоохранительные органы, но и на образовательные организации. Согласно указанным требованиям, необходимо проведение в образовательных организациях культурно-просветительских и воспитательных мероприятий, в повестку которых должна включаться антитеррористическая тематика, что позволит добиться осознания подрастающим поколением преступной сущности терроризма [1].

При проведении культурно-просветительских и воспитательных мероприятий, важно акцентировать на теме информационного пространства, (в частности, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»), в связи с тем, что в настоящее время молодое поколение подвергается угрозам вербовки по средствам именно киберпространства. Террористы манипулируют молодым сознанием, руководствуясь отсутствием у молодых людей жизненного опыта, что сказывается на их неспособности критически подходить к информационному содержанию событий в стране и мире.

Однако, лица, на которых будет возложено проведение антитеррористических мероприятий в образовательных организациях, обязаны придерживаться определенных положений по данной теме, так как меры по профилактике и предупреждению терроризма в образовательных организациях имеют свои особенности, такие как:

- меры не должны вызывать чувства страха (неуверенности или дезадаптации к нормальному учебному процессу) вызванного описанием данного явления;
- меры не должны вызывать нездорового интереса к явлению терроризма, его адептам и носителям идеологии;
- меры не должны знакомить широкие массы обучающихся с сутью и алгоритмами работы, проводимой аппаратом оперативного штаба в регионе;
- меры не должны раскрывать другие аспекты работы правоохранительных органов в данном направлении и иные сведения, подпадающие под перечень сведений, подлежащих засекречиванию;
- меры не должны требовать специальных знаний и сложной подготовки (тактико-специальной подготовки);
- меры должны сочетаться с ранее полученными опытом, знаниями, умениями и навыками в этой области;
- меры должны быть универсальными и легко интегрироваться в учебный процесс, во все формы обучения, по всем специальностям и направлениям;
- меры должны носить «практический» оттенок, т.е. проводиться на местности и в условиях, которых обучаемый находится большую часть времени (общежитие, учебные корпуса, дорога на учебу, «родной» двор и т.д.);

– меры должны носить систематический, наступательный и целенаправленный характер.

Помимо вышеперечисленных положений, чтобы противодействие идеологии терроризма было более эффективно, необходимо воспитывать у молодого поколения определенные установки: соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, соблюдение норм законов, формирование норм социально поведения, чувство верности своей большой Родине и готовность к выполнению гражданского долга по защите ее интересов, а также уверенность в неотвратимости наказания за преступления террористической направленности.

В заключении хочется отметить, работа образовательных учреждений и организаций по противодействию идеологии терроризма в Российской Федерации – одно из ключевых направлений обеспечения национальной безопасности.

Список использованной литературы

1. Национальный антитеррористический комитет. Законодательство. Законы. – URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/zakony.html> (дата обращения: 12.01.2020 г.).

2. Национальный антитеррористический комитет. Законодательство. Указы Президента. Комплексный план противодействия идеологии терроризма на 2019–2023 годы. – URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/ukazy-prezidenta/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii.html> (дата обращения: 12.01.2020 г.).

3. Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет. Утвержден Комплексный план противодействия идеологии терроризма на 2019–2023 годы. – URL: <https://ncpti.su/news/6876> (дата обращения: 12.01.2020 г.).

4. Организация объединенных наций. A/RES/60/288. Генеральная Ассамблея. Distr.: General. 20 September 2006. Шестая Сессия. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций. – URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/60/288> (дата обращения: 12.01.2020 г.).

Информация об авторах

Бурыкина Надежда Николаевна – преподаватель, кафедра правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: BurykinaNN@bgu.ru.

Никеров Дмитрий Михайлович – старший преподаватель, кафедра правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: 009501@bgu.ru.

Authors

Burykina Nadezhda Nikolaevna – Lecturer of the Department of Legal Support of National Security, Baikal State University, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: BurykinaNN@bgu.ru.

Nikerov Dmitry Mikhailovich – Senior Lecturer of the Department of Legal Support of National Security, Baikal State University, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: 009501@bgu.ru.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЦ, ЗАНИМАЮЩИХ ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при определении статуса лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Авторами выделяются и рассматриваются характерные особенности данной категории лиц, оценивается возможность привлечения их к уголовной ответственности по статье 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Формулируются выводы в отношении необходимости совершенствования уголовного законодательства в вопросах отнесения преступников к категории лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Ключевые слова: преступная иерархия, преступное сообщество, организованная преступность, вор в законе, криминальный авторитет.

V.G. Gromov
A.A. Sudeikina

THE PROBLEM OF DETERMINING THE PERSONS HOLDING THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY

The article deals with the problems that arise when determining the status of persons who occupy the highest position in the criminal hierarchy. The authors highlight and consider the characteristic features of this category of persons, assess the possibility of bringing them to criminal responsibility under article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «Occupation of the highest position in the criminal hierarchy». Conclusions are formulated regarding the need to improve the criminal legislation in terms of assigning criminals to the category of persons who occupy the highest position in the criminal hierarchy.

Keywords: the criminal hierarchy, criminal community, organized crime, the kingpin, a crime boss.

В научной литературе под «преступной иерархией» принято понимать систему, которая определяет «структуру подчинения и взаимоотношений лиц, придерживающихся принятых в криминальной среде правил и традиций» [5, с. 60].

Данное явление присуще именно российскому, а ранее и советскому криминалитету. В мировой криминальной практике сложно найти что-либо хотя бы отдаленно похожее. Такое расслоение преступного сообщества началось еще в 30-е гг. XX в., но специфика отечественного криминального мира 90-х гг. XX в. наложила на нее серьезный отпечаток, в связи с чем система претерпела определенную трансформацию и приобрела вид, в котором она существует и по сей день.

Актуальность данной темы обусловлена, прежде всего, тем, что в феврале 2019 г. Владимир Путин внес в Государственную Думу Федерального Собрания РФ так называемый закон «крестного отца» – законопроект, согласно которому предусматривается ужесточение уголовной ответственности за участие в собраниях организаторов, руководителей или иных представителей преступных сообществ и организованных групп для совершения преступлений [14]. Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии» [11].

В юридической литературе высказываются мнения о наличии в преступной иерархии следующих основных составляющих: блатные (черные), мужики (серые), козлы (красные) и опущенные (обиженные) [2, с. 17; 8, с. 49–51]. В то же время многие авторы дополняют такую классификацию промежуточными кастами, которые на каждой «зоне» могут быть разными [1, с. 96–107]. Переход из более низкой страты в высшую крайне затруднен либо практически невозможен. В криминальных кругах такая «вертикальная мобильность» не приветствуется, и случаи такого роста имеют исключительный характер.

Особое внимание эксперты уделяют лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, т.е. «блатным». Представляется, что к данной категории могут быть причислены воры в законе, положенцы и смотрящие. Приведенный перечень, безусловно, может быть дополнен, так как данная категория является оценочной и четких критериев причисления не имеет.

«Смотрящий» – в соответствии с криминальными «понятиями», это авторитетный преступник, который назначается «положенцем» или воров в законе, управомоченный решать вопросы, входящие в компетенцию воров, и координирующий криминальную ситуацию в отдельных районах города, в колониях – в отрядах.

«Положенец» – это в криминальном мире лицо, назначаемое воров в законе и управомоченное решать вопросы в отсутствие воров от их имени (находящееся на положении вора). «Положенцы» координируют преступную деятельность на определенной территории (или в сфере деятельности) и при достижении больших заслуг в преступном мире могут претендовать на титул вора в законе.

«Вор в законе» – высшее звание в преступной иерархии, которое присваивается коллегиально на сходке воров самым авторитетным преступникам. Эти лица, по сути, являются идеологами криминального мира, хранителями уголовных традиций и проводниками криминальной философии в общество. Эти лица координируют в целом не только криминальную отрасль в стране, но и играют значительную роль во всей международной преступности.

Однако, ввиду того, что указанные статусы являются только элементами криминальной субкультуры, которые документально нигде не записаны, законодательно не могут быть закреплены, на практике возникает очень много проблем с квалификацией и сбором доказательств по вопросам отнесения таких лиц к категории иерархов.

По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, за первое полугодие 2018 г. по ч. 4 ст. 210 УК РФ был осужден 1 человек, в период с 2014

по 2017 г. – 0. Из приведенных статистических данных следует, что за период продолжительностью 4,5 года по данному составу к уголовной ответственности был привлечен лишь 1 человек, в отношении которого вынесен 1 оправдательный приговор. С учетом приведенных показателей, возникают вполне обоснованные противоречия, касательно неоднозначной практики привлечения к ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Ввиду дополнения УК РФ ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии» возникает необходимость в конкретизации функций, выполняемых лицом, имеющим такой статус в криминальном сообществе и критериев отнесения к данной категории. Отсутствие таковых может породить злоупотребление полномочиями со стороны сотрудников правоохранительных органов, с одной стороны, с другой – увеличение латентной преступности в связи со сложностью точного определения положения лица в преступном мире.

Рассмотрим критерии отнесения лица к категории «занимающих высшее положение в преступной иерархии», а также его положение и функции в преступном мире. Как было указано ранее, состав данной категории может варьироваться, но, по всей видимости, законодатель хотел уделить большее влияние такой касте как «воры в законе». Вором в законе можно считать особого опасными и авторитетными в своей среде идейного профессионального преступника, получившего данный титул на воровской сходке в результате специальной процедуры – «крещения» или «коронации», одним из условий которой является рекомендации нескольких воров в законе, уже признанных таковыми [10, с. 91]. По разным оценкам и проведенным статистическим исследованиям сотрудниками органов внутренних дел России, количество воров в законе на период с конца 2018 по 2019 г. варьируется от 410 до 432, причем, как оказалось, примерно 318 человек из них находятся на свободе, 114 заключены под стражу, 31 находятся под следствием, а 19 числятся в розыске [15]. Однако значительная часть указанных лиц проживают за границей и являются достаточно состоятельными людьми [9, с. 66].

Говоря о характерных особенностях «воров в законе», следует выделить такие черты:

- достаточный авторитет среди других воров в законе;
- наличие преступного опыта, в том числе опыта противодействия официальным властям [4];
- финансовая поддержка «коллег», находящихся в исправительных учреждениях [7];
- ведение жизни по «воровским понятиям» (отсутствие официального зарегистрированного брака, регистрации по постоянному месту жительства, а также постоянного места работы и т.д.) [6, с. 85];
- отсутствие компрометирующих материалов о взаимном контакте с властными структурами (служба в армии, прямое или косвенное сотрудничество с правоохранительными органами) [3, с. 198].

Основная сложность доказывания принадлежности лица к высшему положению в преступной иерархии, заключается в определении такого критерия, как авторитет «вора в законе», ввиду того, что одним из табу у воров в законе

является сотрудничество со следствием, в том числе и дача каких-либо показаний, что будет существенно усложнять возможность доказывания статуса данной категории лиц.

Безусловно, законодатель прав в том, что он подчеркнул особую общественную опасность, исходящую от лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, однако одной из функций данных лиц является поддержание дисциплины в преступных кругах, что позволяет им быть своего рода контролерами преступного мира, и не дает случиться хаосу и произволу. Может, данный контроль криминального сообщества необходим и будет лишь на руку государству? По нашему мнению, такой контроль может иметь место, так как воры в законе, являясь своего рода ключевыми фигурами отечественного криминального мира, во многом способствуют регулированию и координации преступных действий других лиц, что немаловажно.

Таким образом, можно констатировать, что проведенный анализ преступной иерархии современной России приводит к нескольким выводам. Во-первых, необходима точная конкретизация критериев причисления лица к категории занимающих высшее положение в преступной иерархии, так как характерные особенности, отраженные в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [12], представляются достаточно размытыми. Во-вторых, необходимо учитывать роль «воров в законе» в регулировании деятельности преступного сообщества, так как искоренение преступности (она во многом обусловлена экономическими, политическими и социальными факторами, которые за короткий промежуток времени нельзя устранить или ослабить) в принципе пока не представляется возможным, и приходится выбирать меньшее из зол.

Меньшим злом в данном случае будут являться воры в законе, которые организуют, контролируют преступную деятельность и руководят преступным миром. Из всего вышесказанного следует, что для последующего совершенствования правоприменительной практики необходимое криминологическое обоснование, так как уголовная политика любого государства должна брать за основу четкое и ясное осознание того, какие изменения в состоянии, структуре и динамике преступности могут быть достигнуты в результате совершенствования соответствующих институтов и норм [13, с. 54].

Список использованной литературы

1. Абрамкин В.Ф. Как выжить в советской тюрьме. В помощь узнику / В.Ф. Абрамкин, М.П. Казачков, М.Н. Родман, В.И. Руднев и др. – Красноярск : Агентство «Восток», 1992. – 191 с.
2. Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры / Ю.К. Александров. – Москва : Права человека, 2001. – 152 с.
3. Анисимков В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы / В.М. Анисимков. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. – 250 с.
4. Билоус Е.Н. Содержание и развитие концепции противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России (история и

современность) // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 10-летию принятия европейских пенитенциарных правил) : материалы междунар. науч.-практ. конф., Вологда, 2017 г. / Е.Н. Биллоус, С.А. Кутякин. – Вологда : Вологодский ин-т права и экономики ФСИН, 2017. – С. 26–30.

5. Годунов И.В. Организованная преступность от рассвета до заката / И.В. Годунов. – Москва : Акад. проект, 2008. – 344 с.

6. Григорьев Д.А. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? / Д.А. Григорьев, В.И. Морозов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 4. – С. 50–58.

7. Гришко А.Я. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации) / А.Я. Гришко // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 3. – С. 84–88.

8. Громов В.Г. Российская криминальная субкультура: философский аспект / В.Г. Громов // Теология. Философия. Право. – 2017. – № 2. – С. 44–57.

9. Малинин В.Б. «Воры в законе» за рубежом: история проникновения / В.Б. Малинин // American Scientific Journal. – 2017. – № 16. – С. 65–67.

10. Некрасов В.Ф. МВД России. Энциклопедия / В.Ф. Некрасов. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2002. – 623 с.

11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: Федеральный закон от 1 апреля 2019 № 46-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 14 (ч. 1). – Ст. 1459.

12. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12. – URL: <http://xn--b1azaj.xn--p1ai/2010/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N12-ot-10.06.2010.html> (дата обращения 20.02.2020 г.).

13. Побегайло Э.Ф. О криминологической обоснованности изменений в уголовный кодекс РФ / Э.Ф. Побегайло // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее : материалы науч. конф., посвящ. памяти проф. М.Д. Шаргородского (к столетию со дня рождения), 1–2 июля 2004 г., Санкт-Петербург. – Санкт-Петербург : Изд. дом СПбГУ, 2005. – С. 54–63.

14. Президент РФ внес законопроект об ужесточении наказания за создание преступных сообществ // Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации. – URL: <http://duma.gov.ru/news/29791> (дата обращения 16.02.2020 г.).

15. Статистические данные электронного ресурса «Музей истории воровского мира»: Данные системы Праймкрайм. – URL: <http://www.primecrime.ru/characters/az> (дата обращения: 16.12.2019 г.).

Информация об авторах

Громов Владимир Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор, кафедра уголовного, экологического права и криминологии, Саратовский наци-

ональный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, e-mail: gromov_vg@mail.ru.

Судейкина Ангелина Александровна – магистрант, юридический факультет, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, e-mail: sudeykina.98@mail.ru

Authors

Gromov Vladimir Gennad'evich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Department of Criminal, Environmental Law and Criminology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, 83, str. Astrakhan, Saratov, 410012, e-mail: gromov_vg@mail.ru.

Sudeikina Angelina Aleksandrovna – Master's degree in Law Faculty, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, 83, str. Astrakhan, Saratov, 410012, e-mail: sudeykina.98@mail.ru.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА КАК СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В статье характеризуется институт конфискации имущества, который предусмотрен настоящим Уголовным кодексом РФ как иная мера уголовно-правового характера. Показывается место института конфискации имущества в системе российского уголовного законодательства. Кратко анализируется эффективность конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера: насколько эффективной мерой она является, какие по этой проблеме ведутся споры, что влияет на эффективность конфискации в современной России. Проблема эффективности конфискации имущества весьма сказывается на назначении наказаний, в том числе и за преступления, которые содержат в себе коррупциогенный фактор, что влияет на уровень коррупции в России.

Ключевые слова: конфискация имущества, коррупция, национальная безопасность, Уголовный кодекс РФ, эффективность, иные меры уголовно-правового характера.

А.К. Gurko

THE EFFECTIVENESS OF CONFISCATION OF PROPERTY AS A MEANS OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

The institution of confiscation of property which is foreseen by current Criminal Code of Russian Federation is characterized in the article. The place of institution of confiscation property is shown is the system of Russian criminal law. Brief analysis shows us an effectiveness of confiscation of property as another measure of criminal law. It shows us the level of it is an effectiveness and discussion issue that has effect on effectiveness of confiscation of property in modern Russia. The problem of effectiveness of confiscation of property is highly effects on sentencing including crimes which contain a corruption factor that has effect on corruption level in Russia.

Keywords: confiscation of property, corruption, national security, Criminal Code of the Russian Federation, efficiency, other criminal measures.

Понятие «национальная безопасность» раскрыто в Указе Президента РФ: она определяется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» [7].

Национальная безопасность по своей сути включает в себя различные виды безопасности, которые предусмотрены Конституцией и законодательством Российской Федерации.

Особой проблемой, являющейся угрозой национальной безопасности Российской Федерации, представляет коррупция, борьба с которой в современной России ложится на уголовно-правовую политику, которая, как отмечает Г.В. Назаренко, далека от совершенства [5, с. 132].

Каждый из видов национальной безопасности обеспечивается определенной совокупностью приемов и способов, или средствами. Наиболее частотными методами являются уголовно-правовые средства. Одним из уголовно-правовых средств, применяемых для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, является институт конфискации имущества.

Конфискация имущества в действующем Уголовном кодексе определяется как принудительное и безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества, которое определено Уголовным кодексом [10].

С 2006 г. в Уголовном кодексе конфискация имущества находится в перечне иных мер уголовно-правового характера, а значит не входит в перечень уголовных наказаний, т.е. можно сказать, что, конфискация представляет собой институт восстановления прав, нарушенных преступными действиями и не имеет своей основной целью наказание виновного.

Конфискации имущества характерна двойственная природа. В качестве имущественного взыскания конфискация имущества содержит в себе карательный элемент, но ее основной социально-политической функцией считается предупредительная [2, с. 56].

Целесообразность нахождения конфискации имущества в Уголовном кодексе Российской Федерации до сих пор вызывает вопросы, хотя бы потому, что ей не присущи некоторые признаки иной меры уголовно-правового характера, в сравнении с принудительными мерами медицинского характера или судебным штрафом. К примеру, конфискация назначается только обвинительным приговором, что лишает возможности ее применения в случае совершения общественно-опасного деяния невменяемым лицом либо в случае смерти обвиняемого. Помимо этого, в случае освобождения по нереабилитирующим основаниям от уголовной ответственности, при том, что сам факт совершения обвиняемым деяния установлен, что рознится с признаками иной меры уголовно-правового характера, а также конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера весьма ограничивает возможность изъятия имущества и денежных средств у осужденных.

За время существования Российской Федерации конфискация имущества наиболее эффективно применялась до ее отмены 8 декабря 2003 г.: в 2000 г. конфискация имущества была назначена 20 463 человек, в 2001 г. конфискация имущества применялась в отношении 26 178 человек, в 2002 г. отмечалось определенное снижение числа приговоров, содержащих конфискацию имущества, она затронула 21 438 человек, в 2003 г. снижение применения конфиска-

ции продолжилось. Это наказание было назначено в отношении 16663 человек [9, с. 145–146].

После возвращения конфискации имущества в Уголовный кодекс в качестве иной меры уголовно-правового характера значительно сократилась ее применение судьями.

Споры об эффективности конфискации имущества как уголовно-правового средства для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации наблюдались как раньше, в Советском Союзе – при обсуждении Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик, так и в современной России – высокая активность обсуждений наблюдалась с 2003 по 2006 г., когда конфискация имущества была исключена из Уголовного кодекса. Обсуждения ведутся и по сей день.

Сторонники отмены конфискации имущества утверждают, что, во-первых, конфискация имущества нарушает право человека на собственность, кроме того противоречит имущественным интересам невиновным членов семьи осужденного, во-вторых, влечет за собой весьма неблагоприятные последствия для осужденного, в частности, когда после освобождения в виду отбывания назначенного наказания, амнистии и др. у осужденного нередко возникают материальные проблемы, что лишь повышает возможность стать на преступный путь, в-третьих, конфискация имущества также приводит к росту коррупционности среди судебных приставов.

Их противники, или сторонники конфискации имущества, считают, что, во-первых, конфискация имущества носит характер социальной справедливости, во-вторых, является весьма эффективной превентивной мерой, в особенности при борьбе с коррупцией.

В аспекте национальной безопасности конфискация является одним из наиболее эффективных средств борьбы с коррупцией, однако, исходя из данных ее применения при назначении наказания осужденным, можно говорить о не столь популярном ее применении в сравнении со временем, когда конфискация имущества была включена в перечень наказаний.

Эффективность конфискации имущества как уголовно-правового средства выражается в первую очередь в том, что буквально через год после ее отмены Российская Федерация опустилась в коррупционном рейтинге с 90 на 126 место, став даже ниже Габона, Мозамбика [1, с. 60].

Проблема реализации судьями конфискации имущества заключается в том, приданное конфискации значение иной меры уголовно-правового характера обращает ее только на имущество, которое относится только к незаконному обогащению, то есть скорее речь идет о возмещении причиненного вреда, поскольку не изымается имущество сверх незаконно добытого. Это можно назвать причиной низкой эффективности конфискации на данный момент, так как есть достаточное количество способов сокрытия незаконного дохода: вывод средств в офшоры, вложение их в строительство и др.

Многие авторы признают отсутствие института конфискации имущества в перечне наказаний как средство, делающее политику противодействия кор-

рупции крайне неэффективной, что во многом сказывается на уровне коррупции в стране [8, с. 142; 11, с. 76; 4, с. 38].

Практика применения судьями конфискации имущества к менее чем 5 % взяточников, которые совершили преступление с отягчающими обстоятельствами, свидетельствует о конфискации имущества как фактически «мертвой» норме [3, с. 267].

Эффективная борьба именно с коррупцией представляется основной целью конфискации имущества с позиций ученых, однако современное законодательство и практика применения конфискации при назначении наказаний осужденным говорит обратное: в виду ограниченности применения и нахождения в Уголовном кодексе как иной меры уголовно-правового характера конфискация представляется слабо применяемой мерой, так как ее основная цель ограничена в реализации.

Исходя из этого некоторые ученые считают, что конфискацию имущества следует восстановить в качестве дополнительного вида наказаний. В доказательство своей точки зрения они приводят следующие доводы:

1. Карательный характер конфискации в качестве меры уголовно-правового характера ниже в сравнении с уголовными наказаниями. Однако при анализе применения уголовной ответственности репрессивно-карательное воздействие конфискации в большинстве случаев является наиболее жесткой, высокой.

2. В сравнении с принудительными мерами медицинского характера законодатель не говорит о целях наказания конфискации, что дает повод утверждать о совпадении уголовного наказания и конфискации имущества [1, с. 222].

3. Понятие конфискации не претерпело существенных изменений после восстановления в качестве иной меры уголовно-правового характера.

4. Ограничение оснований применения также является нехарактерным для конфискации имущества на правах иной меры уголовно-правового характера, так как для принудительных мер медицинского характера в Уголовном кодексе отсутствуют конкретные основания применения.

Конфискация имущества в качестве уголовного наказания вплоть до ее отмены федеральным законом в 2003 г. устанавливалась исключительно за совершение из корыстных побуждений тяжких и особо тяжких преступлений, и лишь в случаях, которые были предусмотрены соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса. Неэффективность конфискации имущества и ее несостоятельность как иной меры уголовно-правового характера значительно сказывается на коррупционной ситуации в стране. Как вид наказания конфискация имущества может являться более эффективной мерой по борьбе с коррупционным фактором, так как она выступает весомой мерой, после применения которой имущества, добытого преступным путем, не остается, исходя из чего мотив коррупции теряет смысл. В таком аспекте конфискация имущества будет являться одной из основных состоятельных и эффективных мер борьбы с коррупциогенным фактором в современной России.

Итак, можно сделать такие выводы:

1) конфискация имущества на сегодняшний день является малоэффективной мерой, в частности, в борьбе с коррупцией;

2) рациональнее для законодателя пересмотреть свою позицию относительно конфискации имущества, которая имеет с наказанием больше сходств, нежели различий;

3) необходимость проведения реформирования конфискации имущества в Уголовном кодексе Российской Федерации как основного средства борьбы с коррупцией вызвано существующими путями обхода конфискации;

4) причиной неприменения конфискации для борьбы с преступностью, прежде всего, является неудовлетворительное законодательное регулирование этой меры [6, с. 235].

Проблемы института конфискации будет возможно устранить в связи с ее переходом в перечень уголовных наказаний, а также пересмотра ее применения, что позволит повысить уровень обеспечения национальной безопасности, поскольку усилит уголовно-правовой потенциал борьбы с коррупционными проявлениями.

Список использованной литературы

1. Анникова Н.Н. Правовое регулирование конфискации имущества / Н.Н. Анникова // Территория науки. – 2013. – № 2. – С. 217–225.

2. Безбородов Д.А. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, признаки и виды : учеб. пособие / Д.А. Безбородов, А.В. Зарубин. – Санкт-Петербург : Санкт-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, 2015. – 80 с.

3. Казакова В.А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции / В.А. Казакова, С.М. Иншаков // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – № 3. – Т. 14. – С. 263–268.

4. Козин С.С. Коррупционная преступность. Конфискация имущества как эффективный способ борьбы с коррупцией / С.С. Козин // Вестник современных исследований. – 2019. – № 3.16. – С. 37–39.

5. Назаренко Г.В. Политика противодействия коррупции уголовно-правовыми средствами / Г.В. Назаренко // Среднерусский вестник общественный наук. – 2015. – № 6. – Т. 10. – С. 129–134.

6. Николаев К.Д. Конфискация имущества / К.Д. Николаев, Д.Н. Васильев // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2014. – № 12. – С. 234–237.

7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.03.2020 г.).

8. Ситникова А.И. Антикоррупционное противодействие как средство обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / А.И. Ситникова // Государственно-правовое и социальное развитие современного общества: теоретические и практические аспекты : науч.-практ. конф., 01–02 февр. 2018 г. – Грозный : Чечен. гос. ун-т, 2018. – С. 139–144.

9. Толков Д.В. Проблемные аспекты определения места конфискации имущества в системе действующего уголовного законодательства / Д.В. Толков // Человек: преступление и наказание. – 2010. – № 2. – С. 60–63.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 14.03.2020 г.).

11. Шевелева С.В. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера / С.В. Шевелева // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 3. – С. 73–84.

Информация об авторе

Гурко Алексей Константинович – студент, Иркутский юридический университет (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ), 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: gurkoak@mail.ru.

Author

Gurko Aleksey Konstantinovich – student, Irkutsk law Institute (branch) of Academy of Prosecutor General of the Russian Federation, 1, Shevtsova str., Irkutsk, 664035, e-mail: gurkoak@mail.ru.

САМОДЕТЕРМИНАЦИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ТЕХНОТРОННУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ

Статья посвящена современной компьютерной преступности в России, в условиях ее трансформации в технотронную преступность. Автором выдвигается тезис, что одной из причин рассматриваемого вида преступности является процесс ее самодетерминации. Сделан вывод, что самодетерминация компьютерной преступности выступает также одним из качественных признаков данного негативного социального явления, который требует серьезного исследования в силу того, что не только представляется основным свойством указанной преступности, а также проявляется в роли базового фактора ее дальнейшего генезиса и трансформации в технотронную преступность. В работе формулируется понятие «самодетерминация компьютерной преступности» и предлагается классификация причин, условий, обстоятельств, определяющих данный криминальный процесс.

Ключевые слова: детерминанты, интернет-преступность, информационная преступность, киберпреступность, компьютерная преступность, самодетерминация, технотронная преступность.

K.N. Evdokimov

SELF-DETERMINATION OF COMPUTER CRIME IN THE CONDITIONS OF ITS TRANSFORMATION INTO TECHNOTRONIC CRIME

The article is devoted to modern computer crime in Russia, under the conditions of its transformation into technotronic crime. The author puts forward the thesis that one of the reasons for this type of crime is the process of its self-determination. It is concluded that computer crime is also one of the qualitative features of this negative social phenomenon, which requires serious research due to the fact that it is not only the main property of this crime, but also manifests itself as a basic factor in its further Genesis and transformation into Technotronic crime. The paper formulates the concept of «self-determination of computer crime» and offers a classification of the causes, conditions, and circumstances that determine this criminal process.

Keyword: determinants, Internet crime, information crime, cybercrime, computer crime, self-determination, technotronic crime.

В настоящее время компьютерная преступность в различных своих проявлениях (интернет-преступность, информационная преступность, киберпреступность, преступность в сфере высоких технологий) выступает угрозой не

только национальной безопасности Российской Федерации, но и является вызовом всему мировому сообществу.

Материальный ущерб, причиненный данным видом высокотехнологичной преступности, колоссален по своим масштабам.

Так, если в 2015 г. ущерб экономике России от киберпреступности превысил 200 млрд р. (по результатам совместного исследования Фонда развития интернет-инициатив (ФРИИ) и международных компаний Group-IB, Microsoft), что составило 0,25 % от ВВП Российской Федерации [17], то уже в 2018 г. ущерб российской экономике от киберугроз составил более 1,1 трлн р. [14], а в 2019 г. около 2,5 трлн р. (по оценкам аналитиков службы кибербезопасности ПАО Сбербанк). Предполагаемый экономический ущерб Российской Федерации от кибератак в 2020 г. оценивается в 3,5–3,6 трлн р. [13].

Нельзя не отметить и динамику роста компьютерных преступлений в России. По данным ГИАЦ МВД России, если в 2018 г. было зарегистрировано 174 674 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, то в 2019 г. зафиксировано уже 294 409 подобных деяний. Также отмечается увеличение количества зарегистрированных преступлений в сфере компьютерной информации, предусмотренных ст. 272–274¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (в 2018 г. – 2 500 преступлений в сфере компьютерной информации, в 2019 г. – 2 883 преступлений) [15].

Таким образом, статистические сведения, мнения и отчеты экспертов, материалы судебной практики и другие эмпирические данные подтверждают серьезность угрозы российскому обществу, исходящей от компьютерной преступности.

Между тем следует отметить, что, в настоящий момент, мы можем вести речь о завершении процесса трансформации традиционной компьютерной преступности в новый вид высокотехнологичной преступности – технотронную преступность, представляющую собой систему взаимосвязанных и образующих единую целостность общественно опасных деяний, совершенных с использованием компьютерных, информационно-телекоммуникационных, когнитивных, космических, робототехнических и иных высоких технологий [7, с. 46–49; 8, с. 56–58].

В криминологической науке самодетерминация преступности рассматривается как ее способность к самовоспроизводству, выступая одним из системных качеств преступности и представляя собой обусловленность последней присущими ей внутренними репродуктивными свойствами, которые проявляются при наличии благоприятной внешней среды [1, с. 380; 5, с. 6; 11, с. 142].

Анализ научной литературы [2; 3; 4; 9; 10; 12] позволяет сделать вывод, что процесс самодетерминация характерен как для существования и развития преступности в целом, так и для генезиса отдельных ее видов (коррупционной преступности, организованной преступности, рецидивной преступности и др.).

Не является, по нашему мнению, исключением и компьютерная преступность, в условиях ее трансформации в технотронную преступность. В научных работах мы встречаем упоминание о самодетерминации как причине и условии

возникновения, развития «Интернет-преступности» [6, с. 184, 189], либо факторе, детерминирующем «киберпреступность» [16, с. 113].

Понятие «компьютерная преступность», автор полагает возможным рассматривать в широком и узком смыслах.

В авторском понимании, компьютерная преступность в широком смысле представляет собой противоправное и негативное социальное явление, возникшее в результате использования людьми ИТ-технологий (вредоносных компьютерных программ, сетей инфицированных компьютерных устройств (ботнетов), анонимных мессенджеров, децентрализованных информационно-коммуникационных сетей; Интернета вещей, криптовалют и т.д.) в корыстных, политических и иных преступных целях, что приводит к наступлению общественно опасных последствий.

В свою очередь, компьютерная преступность в узком смысле является совокупностью преступлений совершенных лицами на определенной территории за определенный период времени, где основным объектом преступного посягательства выступают конкретные общественные отношения в сфере компьютерной информации и информационно-коммуникационных технологий, безопасного функционирования средств поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения, защиты компьютерной информации, где компьютерная информация, компьютерные сети, информационно-телекоммуникационные сети; средства создания, хранения, обработки, передачи компьютерной информации являются не только предметом преступного посягательства, но и используются в качестве средства и (или) орудия совершения преступления.

С учетом авторской позиции о дуалистическом подходе к определению понятия «компьютерная преступность» и на основе анализа научных работ по вопросу о самодетерминации преступности, полагаем, что понятие «самодетерминация преступности» также следует рассматривать в узком и широком смыслах.

Самодетерминация компьютерной преступности в широком смысле, по нашему мнению, будет выступать системным и качественным признаком компьютерной преступности как противоправного и негативного социального явления, наравне с такими ее признаками как высокотехнологичность, латентность, организованность, профессиональный характер, транснациональность, трансграничность и др.

Например, высокотехнологический характер компьютерной преступности, в условиях ее трансформации в технотронную преступность, позволяет крэкерам, фрикерам, вирусмейкерам и другим технотронным преступникам использовать последние достижения ИТ-технологий (криптовалюту, интернет вещей, новые компьютерные устройства и программное обеспечение, социальные и информационные сети, мессенджеры) не только для совершения преступных деяний, но и на их основе создавать новые орудия и средства (вредоносные компьютерные программы, компьютерные вирусы, «botnet», анонимные мессенджеры, децентрализованные информационно-коммуникативные сети и т.д.), способы совершения (например, хищения денежных средств со счетов финансовых организаций через межбанковскую банковскую систему передачи информации и платежей SWIFT, либо целенаправленные ART-атаки на системы

защиты информационных систем крупных компаний и др.) преступлений, т.е. самовоспроизводить (самодетерминировать) на основе высоких технологий и уже совершенных преступлений, новые общественно опасные деяния.

В свою очередь «самодетерминация компьютерной преступности» в узком смысле, с нашей точки зрения, представляет собой один из основных факторов (причин, условий, обстоятельств и т.д.) возникновения, существования и развития компьютерной преступности, в условиях ее трансформации в техно-криминальную преступность, который носит комплексный характер и направлен на «воспроизводство» новых компьютерных преступлений.

При этом «самодетерминацию компьютерной преступности» в узком смысле, следует рассматривать как один из основных факторов возникновения, существования и развития компьютерной преступности не только в России, но и в зарубежных странах.

Кроме того, придерживаемся научной позиции, что «самодетерминация компьютерной преступности» в узком смысле является сложным и комплексным фактором преступности, включающим в себя различные причины, условия, обстоятельства для воспроизводства компьютерных преступлений.

Например, существование организованной преступности является одной из таких причин, которая оказывает непосредственное влияние на самодетерминацию компьютерной преступности. В последние годы отмечается рост количества компьютерных преступлений, требующих тщательной подготовки и организации при их совершении (например, хищения денежных средств в особо крупных размерах с банковских счетов, либо из банкоматов и платежных терминалов; массированные DDoS-атаки на сайты органов власти, крупных компаний и мультимедиа; целенаправленные ART-атаки на системы защиты информационных систем организаций с последующим хищением баз данных и сведений, составляющих коммерческую тайну).

В результате преступный доход организованных групп идет как на содержание компьютерных преступников, так и на финансирование (самовоспроизводство) совершения новых преступлений, т.е. самодетерминацию компьютерной преступности.

Профессиональная преступность, ее существование и развитие в хакерской среде, является другим прямым фактором самодетерминации компьютерной преступности.

В частности, лица, совершающие компьютерные преступления: обладают преступной специализацией, не совершая иных видов преступных деяний; получают преступный доход (прибыль) в результате преступной деятельности; имеют необходимые знания, умения, навыки в сфере IT-технологий для совершения преступления; придерживаются определенных правил, «законов», понятий и терминологии, позволяющих им общаться, обмениваться опытом и находить единомышленников.

При этом большинство профессиональных компьютерных преступников (вирусмейкеры, крэкеры, кардеры, майнеры, фриеры и др.) не останавливаются на достигнутом, а совершают и ведут подготовку новых общественно опасных деяний, используя свои профессиональные навыки.

Тем самым, компьютерные преступники не утрачивают, а наоборот, совершенствуют способности к созданию новых орудий, средств, способов совершения преступных деяний и в результате своей профессиональной деятельности оказывают влияние на самовоспроизводство (самодетерминацию) компьютерной преступности.

Наконец, непосредственным (прямым) фактором самодетерминации компьютерной преступности является криминальная субкультура компьютерных преступников.

Как уже говорилось выше компьютерные преступники, являясь профессиональными преступниками, обладают специальными знаниями, навыками, умениями; используют технический понятийно-терминологический аппарат, профессиональный «жаргон» и др.

Между тем, они обладают своеобразной идеологией, специфичными правилами поведения и общения, традициями и другими социальными нормами, которые в совокупности образуют определенную криминальную субкультуру.

Следует обратить внимание, что это не полный перечень криминальных факторов, влияющих на процесс самодетерминации компьютерной преступности.

Поэтому для более полной криминологической оценки рассматриваемого процесса, полагаем возможным, существующие причины, условия, обстоятельства самодетерминации компьютерной преступности, как фактор ее генезиса и последующей трансформации в технотронную преступность, классифицировать по видам, а именно:

1) по способу воздействия:

– на прямые, т.е. непосредственно оказывающие влияние на процесс самовоспроизводства компьютерных преступлений (существование организованной, профессиональной преступности, противоправное использование IT-технологий для совершения преступлений других видов, латентность компьютерных преступлений, криминальная субкультура компьютерных преступников и др.);

– косвенные, действующие опосредовано на самодетерминацию компьютерной преступности (всеобщая информатизация современного общества, развитие высоких технологий, деятельность СМИ, недостатки национального законодательства и др.);

2) по направленности действия:

– на внешние (например, использование глобальных информационно-телекоммуникационных сетей и мессенджеров, промышленного интернета, интернета вещей, дистанционных банковских услуг, криптовалют, электронной коммерции, применение облачных и туманных вычислений, т.е. всеобщая информатизация систем связи, коммерции и логистики, цифровизация экономики, применение искусственного интеллекта в различных социальных сферах);

– внутренние (например, криминальная субкультура компьютерных преступников, национальное уголовное законодательство, уровень благосостояния граждан);

3) в зависимости от уровня воздействия:

- на международные (международная организованная преступность, трансграничная преступность, транснациональная преступность, недостатки международного уголовного права);
- национальные (уровень информатизации общества, правовая аномия общества, безразличное отношение общества к компьютерным преступникам);
- региональные (рецидивная преступность, региональная экономика и инфраструктура);
- местные (пенитенциарная преступность, «теневая юстиция», комфортность проживания в населенных пунктах и доступность информационно-телекоммуникационных услуг для местных жителей);

4) по социальным сферам:

- на политические (политическая преступность, влияние хактивистских движений на политический строй и партийную систему, особенности избирательного процесса, симбиоз хакерского сообщества с государственными разведывательными и контрразведывательными службами, и т.д.);
- экономические (экономическая преступность, уровень цифровизации экономики, доступность дистанционных банковских и финансовых услуг, использование электронных средств платежа, в том числе криптовалют; интернет-коммерция);
- научно-технические (существующая система научных и образовательных учреждений, технопарков, высокотехнологических производств по разработке программного обеспечения; производства чипов и микросхем, сборки компьютерных устройств, рынок инновационных продуктов в сфере использования IT-технологий);
- социально-бытовые (социальные сети, интернет вещей, детские электронные гаджеты и др.);
- образовательно-культурные (уровень технической образованности общества, уровень правовой культуры общества, существование различных криминальных субкультур и идеологий);
- юридические (особенности национального законодательства, недостатки судебной и пенитенциарной системы, уровень индивидуального и общественного правосознания, уровень правовой защищенности и доступности юридических (правоохранительных) услуг для граждан);

5) по кругу лиц:

- на общие (корыстная преступность, увеличение количества компьютерных пользователей, пользователей социальных сетей, получателей информационно-коммуникационных услуг);
- групповые (организованная преступность, профессиональная преступность, преступность несовершеннолетних, женская преступность);
- индивидуальные (пол, возраст, образование, технические навыки, индивидуальное правосознание, преступная специализация компьютерного преступника: вирусмейкер, крэкер, майнер, кардер и т.д.).

В результате исследования, автор приходит к выводу, что самодетерминация компьютерной преступности как способность автономно репродуцировать в

социальной среде компьютерные преступления, является одной из основных детерминант ее генезиса и трансформации в технотронную преступность.

Для нейтрализации данной детерминанты компьютерной преступности, необходима разработка и реализация целого комплекса мер политического, правового, экономического, научно-технического, образовательного, культурного и иного характера. При этом эффективное применение указанных мер, представляется возможным только при тесном взаимодействии государственных правоохранительных органов и негосударственных правозащитных организаций, с активным участием других институтов гражданского общества (средств массовой информации, научных и образовательных учреждений, органов местного самоуправления, союзов (ассоциаций) промышленников и предпринимателей, волонтерских движений и др.).

Список использованной литературы

1. Бочкарева Е.В. Организованная преступность как форма самодетерминации преступности / Е.В. Бочкарева // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1 (98). – С. 156–162.
2. Бочкарева Е.В. Самодетерминация преступности: понятие и формы / Е.В. Бочкарева // Бизнес. Образование. Право. Вестник волгоградского института бизнеса. – 2019. – № 1 (46). – С. 379–383.
3. Бочкарева Е.В. К вопросу о формах самодетерминации преступности / Е.В. Бочкарева // Вестник ЧелГУ. Сер. : Право. – 2017. – Т. 2. – № 4. – С. 70–74.
4. Гукасов Д.С. Противодействие организованной преступности: криминологические аспекты / Д.С. Гукасов // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 5. – С. 274–276.
5. Долгова А.И. Преступность в России: статистика и реалии / А.И. Долгова и др. // Преступность, статистика, закон. – Москва : Криминолог. ассоц., 1997. – 224 с.
6. Дремлюга Р.И. Интернет-преступность : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.И. Дремлюга. – Владивосток, 2007. – 248 с.
7. Евдокимов К.Н. Вредоносные компьютерные программы как орудие и средство совершения преступлений: онтологические и гносеологические аспекты / К.Н. Евдокимов // Российская юстиция. – 2020. – № 3. – С. 56–58.
8. Евдокимов К.Н. Особенности государственно-правового регулирования информационных отношений в современном обществе / К.Н. Евдокимов // Теория государства и права. – 2019. – № 1. – С. 44–51.
9. Королева М.В. Коррупция как фактор самодетерминации преступности / М.В. Королева // Состояние противодействия коррупции и направления совершенствования борьбы с ней : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Москва, 2015. – С. 71–78.
10. Королева М.В. Криминологическая оценка современной рецидивной преступности в России / М.В. Королева // Российский криминологический взгляд. – 2015. – № 1. – С. 125–130.

11. Макаров В.В. Криминологическое исследование самодетерминации преступности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.В. Макаров. – Москва, 2014. – 183 с.

12. Макаров В.В. Самодетерминация преступности посредством ее организованных форм / В.В. Макаров // Поволжский педагогический поиск (научный журнал). – 2013. – № 4 (6). – С. 142–144.

13. Сбербанк оценил ущерб экономике России от кибератак в 2019 г. в 2,5 трлн рублей. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4226302> (дата обращения: 09.04.2020 г.).

14. Сбербанк прогнозирует ущерб экономике России от киберугроз в 2018 г. в 1,1 трлн рублей. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3676752> (дата обращения: 09.04.2020 г.).

15. Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, выявленных и предварительно расследованных субъектами регистрации. МВД РФ. – URL: <http://mvd.ru> (дата обращения: 09.04.2020 г.).

16. Тропина Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т.Л. Тропина. – Владивосток, 2005. – 235 с.

17. Ущерб экономике России от киберпреступности превысил 200 млрд рублей. – URL: <http://ria.ru/economy/20160413/1409855094.html#ixzz45jCApNtn> (дата обращения: 09.04.2020 г.).

Информация об авторе

Евдокимов Константин Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: kons-evdokimov@yandex.ru.

Author

Evdokimov Konstantin Nikolaevich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of state and legal disciplines, Irkutsk law Institute (branch) University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, 1, Shevtsova str., Irkutsk, 664035, e-mail: kons-evdokimov@yandex.ru.

ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аргументируется значение ограничений конституционных прав и свобод личности в системе мер обеспечения национальной безопасности. Приводится авторская классификация таких ограничений, предусматривающая деление их на три вида: 1) непосредственно конституционные ограничения прав и свобод; 2) конституционализированные ограничения; 3) чрезвычайные ограничения. Проведен анализ правовых оснований и пределов введения каждого вида ограничений. Сделан вывод о наличии в законодательстве пробелов правового регулирования чрезвычайных ограничений в условиях режима контртеррористической операции. Предложены способы устранения данных пробелов. Исследована практика Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека по ряду вопросов, связанных с введением ограничений конституционных прав и свобод личности.

Ключевые слова: национальная безопасность, ограничения конституционных прав и свобод, право собраний, режим контртеррористической операции.

Е.А. Kapitonova

RESTRICTIONS ON CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS AS A MEANS OF ENSURING NATIONAL SECURITY

The author argues for the importance of restrictions on constitutional rights and freedoms of individuals in the system of measures to ensure national security. The author's classification of such restrictions provides for their division into three types: 1) directly constitutional restrictions of rights and freedoms; 2) constitutionalized restrictions; 3) extraordinary restrictions. The analysis of legal grounds and limits of each type of restrictions is carried out. It is concluded that there are gaps in the legislation for the legal regulation of emergency restrictions in the conditions of the counter-terrorist operation regime. Ways to eliminate these gaps are suggested. The practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights on a number of issues related to the introduction of restrictions on constitutional rights and freedoms of the individual has been studied.

Keywords: national security, restrictions on constitutional rights and freedoms, the right of assembly, and the counter-terrorism operation regime.

Обеспечение национальной безопасности является одной из важнейших задач, стоящих перед всеми государствами мира, поскольку ее выполнение призвано защитить жизненно важные интересы общества и отдельных его членов от разного рода внешних и внутренних угроз. Перечень направлений этой деятельности обширен и вряд ли поддается точному исчислению, поскольку

включает в себя меры, имеющие отношение к различным сферам жизнедеятельности социума и государства – от гарантий территориальной целостности и суверенитета страны до улучшения здоровья нации и контроля экологической обстановки. Средства реализации данной задачи также разнообразны. Одним из них являются ограничения конституционных прав и свобод личности, направленные на формирование границ допустимого поведения, внутри которых субъект будет свободен в своих поступках, не нарушая права других лиц и не создавая угрозы национальной безопасности. Анализ такого рода ограничений, а также выявление проблем их правового регулирования являются предметом анализа настоящей статьи.

Предусмотренные в Конституции РФ ограничения прав и свобод, по мнению автора настоящей статьи, можно разделить в целях их систематизации на три группы.

1) Непосредственно конституционные ограничения прав и свобод.

В данную группу входят те ограничения, которые прямо предусмотрены Конституцией РФ. При этом не имеет значения, что их точный объем, основания и условия действия могут быть установлены иными нормативными актами. Достаточно того, что Основной Закон упоминает возможность их введения и примерно очерчивает их фактическое основание. Все они в дальнейшем получают более детальное закрепление в отраслевом законодательстве, однако первичным правовым основанием возможности их введения служит конкретное положение Конституции РФ.

Примером подобных ограничений может служить общеобязательный запрет, предусмотренный ч. 5 ст. 13 Конституции РФ, который ограничивает идеологическое и политическое разнообразие, свободу совести и свободу объединений в части создания и деятельности общественных объединений, цели и действия которых противоречат интересам национальной безопасности (в том числе направлены на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение целостности РФ, создание вооруженных формирований и т.д.).

2) Конституционализированные ограничения прав и свобод.

Наименование данного типа ограничений основано на идее В.И. Крусса о конституционализации права (предопределенности направления развития национального права содержанием конституционных норм) [4]. Такого рода ограничения сами по себе не предусмотрены Конституцией РФ, но ею предполагается возможность их введения.

Анализ положений части 3 статьи 55 Основного Закона дает возможность установить следующие условия введения конституционализированных ограничений:

- цель введения ограничений – защита конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства;
- пределы ограничений – не превышающие объема минимально необходимых мер, которые выражены в нормообразующей формуле «только в той мере, в какой это необходимо»;
- юридическое основание – обязательное принятие федерального закона, регулирующего данный вопрос.

Главной проблемой, связанной с такого рода ограничениями, служит необходимость адекватного соблюдения установленных условий при их введении. Практика показывает, что контроль над соответствием содержания новых законодательных инициатив букве и духу Конституции не всегда отвечает требованиям общепризнанных международных принципов и норм в том виде, в каком их понимает западный мир.

Так, большое количество споров порождает ограничение свободы собраний в виде установленной обязанности заранее подавать уведомление о проведении публичного мероприятия (в соответствии с Федеральным законом от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»). Конституционный Суд РФ признает эти меры в целом соответствующими Конституции (например, Определение КС РФ от 7 июля 2016 г. № 1428-О), однако практика Европейского Суда по правам человека не во всем согласна с порядком реализации данных положений.

В частности, ЕСПЧ устанавливал, что отказ в согласовании места или времени собрания является вмешательством в право на свободу собраний, а организация митинга без предварительного разрешения необязательно оправдывает такое вмешательство. В тех случаях, когда митингующие не прибегают к насилию, властям государства важно проявить определенную степень терпимости к мирным выступлениям, если только свобода собраний, которую гарантирует статья 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не лишится при этом всякого смысла [3].

Кроме того, недопустимо чрезмерное применение силы сотрудниками правоохранительных органов в отношении митингующих в ходе их разгона по причине незаконного проведения мероприятия, поскольку это нарушает ст. 3 и 11 Конвенции (методы, применяемые для усмирения протестующих, удержания их в конкретном месте и разгона демонстрации, являются важным фактором при оценке пропорциональности вмешательства государства в процесс реализации лицом принадлежащего ему права на мирные собрания) [2].

3) Чрезвычайные ограничения прав и свобод.

В отличие от конституционализированных ограничений, применяемых в рамках общего правового режима, чрезвычайные ограничения имеют место в период действия особого правового режима, а потому основания и порядок их введения имеют существенные отличия.

В целом, Конституция РФ следует букве международно-правовых актов и едва ли не дословно повторяет их положения в этой части. Анализ содержания статьи 56 Основного закона дает возможность установить следующие условия введения чрезвычайных ограничений:

– цель – обеспечение безопасности граждан и защита конституционного строя;

– пределы – территориальные (действие исключительно на территории, на которой объявлено чрезвычайное положение); темпоральные (обязательное указание пределов и срока действия вводимых ограничений) и сущностные (исключение возможности ограничить права и свободы, перечисленные в части 3 статьи 56 Конституции РФ);

– юридическое основание – федеральный конституционный закон, регулирующий данный вопрос.

В.В. Лапаева обоснованно обращает внимание на разницу подходов Конституции РФ к двум упомянутым в ней видам ограничений, называя ее «дефектом конституционного текста» [5, с. 14–16]. Основной закон допускает введение чрезвычайных ограничений только на заранее оговоренный срок и в четко установленных пределах, однако в условиях действия общего правового режима дает возможность вводить конституционализированные ограничения в отношении любых прав и свобод без указания каких-либо временных рамок. Подобная ситуация воспринимается как проявление некоторой несправедливости, поскольку складывается ощущение, что больший круг более серьезных по сути ограничений можно ввести нормативным актом более низкого юридического уровня (федеральный, а не федеральный конституционный закон).

Думается, что В.В. Лапаева верно установила и причину данной проблемы – не вполне корректный перенос текста международно-правовых актов в положения российской Конституции. Международные нормы (п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [1], п. 1 ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [7]) предусматривают возможность отступления от соблюдения декларируемых ими обязательств в оговоренных случаях при соблюдении ряда условий. Фактически речь в данной ситуации идет не об ограничении, а об отмене конкретных прав и свобод. Использование в тексте Конституции РФ более мягкого термина «ограничение» привело к тому, что оно стало употребляться в двух разных контекстах, подразумевающих различные подходы к правовому регулированию и создающих в результате обманчивое представление о несправедливости.

Устранение данного недостатка путем внесения изменений в Конституцию было бы удачным решением проблемы, но осуществить его довольно затруднительно (пересмотр положений главы 2 производится в соответствии со статьей 135 Конституции РФ и подразумевает сложную процедуру, включающую созыв Конституционного Собрания). Более простым и не менее эффективным решением может стать принятие федерального конституционного закона «Об особых правовых режимах», который заодно позволил бы решить ряд иных проблем, связанных с возможностью введения чрезвычайных ограничений прав и свобод [9].

Анализ действующего законодательства показывает, что в настоящее время в России существует возможность действия трех типов особых правовых режимов – чрезвычайное положение, военное положение и режим контртеррористической операции (хотя некоторые ученые трактуют их перечень ограничительно, включая в него только то, что является особым правовым режимом по букве, но не по духу закона, т.е. исключают из их числа режим КТО [8]).

Как верно отмечает В.А. Лебедев, в российской Конституции отсутствует упоминание ограничений прав и свобод граждан в условиях военного положения, что, однако, не означает, что подобное в принципе невозможно [6]. Статья 87 Основного закона предусматривает условия и порядок введения военного положения и устанавливает необходимость определения соответствующего

режима федеральным конституционным законом. Все это позволяет предположить, что в ситуации введения на территории страны или в отдельных ее местностях военного положения ограничения прав и свобод личности допустимы – при условии соблюдения положений статей 55 и 56 Конституции. Перечень возможных ограничений содержится в статьях 7 и 8 Федерального конституционного закона «О военном положении».

Что касается режима контртеррористической операции, то его правовое регулирование вызывает несколько вопросов, которые ни разу не становились предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ.

Во-первых, возможные при КТО ограничения (ст. 11 Федерального закона «О противодействии терроризму») по своему характеру и объемам должны быть признаны весьма существенными и в этом смысле практически идентичны ограничениям прав и свобод, характерным для чрезвычайного положения (ст. 11 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ). Это дает возможность констатировать, что имеется в виду скорее умаление конкретных прав и свобод, а не их ограничение, что переводит данную ситуацию под регулирование статьи 56, а не статьи 55 Конституции РФ (как случай отступления от соблюдения принятых на себя международных обязательств при чрезвычайных обстоятельствах). В то же время порядок введения режима контртеррористической операции значительно проще того, что предусмотрен в отношении ЧП. Если чрезвычайное положение вводится высшим должностным лицом государства (Президентом РФ), сопровождается обязательным сообщением обеим палатам российского парламента и утверждается Советом Федерации Федерального Собрания РФ, то режим КТО может быть объявлен единолично руководителем ФСБ России или даже иным уполномоченным им лицом. Более того, данное должностное лицо не обязано ставить об этом в известность высшие органы власти страны. Уведомление Президента РФ, председателей палат Федерального Собрания и Правительства РФ, а также Генерального прокурора РФ предусмотрено только в случае, когда для проведения КТО «требуются значительные силы и средства и она охватывает территорию, на которой проживает значительное число людей» (ч. 3 ст. 12 Закона о противодействии терроризму). Подобные размытые формулировки, носящие сугубо оценочный характер, оставляют возможность для широкого усмотрения толкующих их должностных лиц [10].

Во-вторых, в соответствии с требованиями пункта 3 статьи 15 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, статья 37 Закона о чрезвычайном положении предусматривает порядок уведомления и информирования Организации Объединенных Наций и Совета Европы о введении чрезвычайного положения и прекращении периода его действия. В отношении режима контртеррористической операции обязанность уведомлять международные организации законом не предусмотрена.

Третьей проблемой является то, что хотя часть 1 статьи 56 Конституции РФ предусматривает необходимость заранее, еще в момент принятия соответствующего решения, определять срок действия вводимых ограничений прав и свобод человека, в Законе о противодействии терроризму отсутствуют нормы,

устанавливающие такую обязанность. Срок введения чрезвычайного положения на всей территории России не может превышать 30 суток, а при введении его в отдельных местностях – 60 суток (ст. 9 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ). Эти сроки могут продляться в установленном порядке, но всегда точно определены. Режим контртеррористической операции со всеми его ограничениями вводится на неопределенный срок – до того момента, пока уполномоченное лицо не сочтет, что КТО можно считать завершенной, и не примет соответствующее решение. При учете, что контртеррористическая операция в Чеченской республике в свое время длилась более 9 лет, столь длительное ограничение прав и свобод вне рамок международных обязательств и требований Конституции РФ вряд ли может быть признано допустимым, поскольку не соответствует ни букве, ни духу декларируемых ими ценностей.

Для устранения выявленных недостатков и противоречий в правовом регулировании ограничений прав и свобод человека в условиях КТО необходимо, по нашему мнению, сделать следующее:

1) Принять отдельный федеральный конституционный закон, посвященный особым правовым режимам (чрезвычайное положение, военное положение и режим контртеррористической операции).

Единый для подобных случаев нормативный акт способен обеспечить унификацию подходов в решении этих вопросов, соответствие Конституции РФ и четкое выделение как общих порядка и условий введения исключительного правового режима, так и особенностей каждого из его видов.

2) Четко прописать в законе порядок уведомления высших должностных лиц государственной власти о проведении контртеррористической операции на определенной территории и связанных с ней ограничениях.

При этом следует не ограничивать подобные случаи невнятными оценочными критериями, а прописать их применительно к любому случаю введения режима КТО. При проведении краткосрочной (например, продолжительностью до 3 дней) контртеррористической операции в рамках одного субъекта РФ допустимо заменить уведомление федеральных должностных лиц на высших должностных лиц соответствующего субъекта.

3) Установить в законе обязанность МИД РФ ставить в известность международные организации об отступлениях от обязательств, принятых на себя в соответствии с международными правовыми актами (в том числе уведомлять ООН и Совет Европы о самом факте введения режима КТО и его причинах, о связанных с ним ограничениях прав и свобод человека и гражданина, о территориальных и временных пределах их введения).

4) Предусмотреть в законе предельную продолжительность периода КТО с возможностью ее дальнейшего продления либо, по необходимости, перевода в режим чрезвычайного положения с меньшим объемом ограничений прав и свобод граждан.

Реализация приведенных в настоящей статье предложений по внесению изменений в законодательство способно устранить пробелы в действующих правовых нормах и, как следствие, повысить эффективность действия ограни-

чений конституционных прав и свобод как средства обеспечения национальной безопасности.

Список использованной литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10.12.1948 г.). – URL: <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights> (дата обращения: 28.03.2020 г.).
2. Дело «Анненков и другие (Annenkov and Others) против Российской Федерации» : постановление Европейского Суда по правам человека от 25.07.2017 г. (жалоба № 31475/10) // Российская хроника Европейского Суда. – 2018. – № 2.
3. Дело «Лашманкин и другие (Lashmankin and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 57818/09 и 14 других) : постановление Европейского Суда по правам человека от 07.02.2017 г. // Российская хроника Европейского Суда. – 2018. – № 1.
4. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории / В.И. Крусс. – М. : Юр. норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 240 с.
5. Лапаева В.В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) / В.В. Лапаева // Журнал российского права. – 2005. – № 7. – С. 13–23.
6. Лебедев В.А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина / В.А. Лебедев // Lex Russica. – 2017. – № 1. – С. 130–139.
7. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 г.). – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 28.03.2020 г.).
8. Пчелинцев С.В. Ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов: методология, теория, практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С.В. Пчелинцев. – Москва, 2006. – 53 с.
9. Романовский Г.Б. Правовая политика в сфере противодействия терроризму / Г.Б. Романовский // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 1. – С. 28–32.
10. Романовский Г.Б. Правовые основы противодействия терроризму: правозащитный аспект / Г.Б. Романовский // Гражданин и право. – 2017. – № 12. – С. 50–60.

Информация об авторе

Капитонова Елена Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, e-mail : e-kapitonova@yandex.ru.

Author

Kapitonova Elena Anatolyevna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Chair of Criminal Law, Penza State University, 40, Krasnaya str., Penza, 440026, e-mail: e-kapitonova@yandex.ru.

А.А. Комаров

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «СИТУАЦИОННЫЙ ЦЕНТР КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ МВД»

В работе решается ряд задач, связанных с обеспечением научной обоснованности ряда инициатив МВД РФ по созданию информационного ресурса правоохранительной направленности. В тезисном виде сформулировано несколько рекомендаций организационно-технического плана, основанных на изучении зарубежного опыта и социологических наблюдений за компьютерной преступностью в Российской Федерации в интервале 2012–2019 гг.

Ключевые слова: Интернет, криминология, преступность, мошенничество, виктимизация, предупреждение.

A.A. Komarov

CYBERCRIME INTERNET-CENTER BY THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION: MEANS AND GOALS

This work contains several theses on a new initiative of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: «Situational Center for Cyber Security». The basis of these statements are our studies of foreign analogues and our own sociological observations. The results are given below.

Keywords: Internet, criminology, crime, fraud, victimization, crime prevention.

В 2019 г. средствами массовой информации было распространено сообщение о начале работ по созданию ситуационного центра кибербезопасности, у истоков которого стоят сразу четыре «ведомства»: Министерство внутренних дел, Федеральная служба безопасности, Центральный банк и Роскомнадзор. Из официальных заявлений по данному поводу достоверно известно лишь то, что владельцем потенциального информационного ресурса правоохранительной направленности станет МВД, а разработчиком АНО «Цифровая экономика». Функциональная часть данного проекта пока очерчена для общественности не столь явно, хотя нацелена именно на пользователей Интернет.

Примеры зарубежных аналогов существуют, предоставляя в наше [исследователей] распоряжение объективные данные о состоянии преступности. Полагаем, что сущностное наполнение отечественного проекта может быть реализовано не хуже.

Из-за относительной закрытости проекта, существуют риски того, что надлежащий опыт США, Великобритании, Германии и ряда других передовых (в информационном отношении) стран не будет воспринят и переработан правильно. Также не совсем очевидна реакция «потенциального бенефициара» – интернет-пользователя на существование такого ресурса.

Всемерно поддерживая необходимость подобного начинания, мы имеем возможность данной публикацией дать несколько рекомендаций по повышению его практической и научно-исследовательской привлекательности.

Прежде систематизируем представления о потенциальных возможностях таких правоохранных информационных ресурсов с учетом зарубежного опыта.

1. Одним из достоинств подобных ресурсов является их доступность и простота. Американский «Internet Crime Complaint Center» на своей главной странице позволяет скачать несколько брошюр (в формате файла .pdf) виктимологической направленности и информацию для сотрудничества с организацией, а также обеспечивает возможность незамедлительно перейти к заполнению формы жалобы. Поскольку данный сайт имеет стандарт разметки HTML4 на котором отсутствуют какие-либо сложные элементы вэб-страниц, то доступ к нему может быть осуществлен даже с компьютера конца 90-х гг. и со всех известных типов мобильных компьютеров (включая современные «телефоны»). Более новые стандарты разметки (HTML5 вместе с CSS3) позволяют делать с точки зрения маркетинга более привлекательные сайты, но и более ресурсоемкие. Примером тому может послужить сайт самой АНО «Цифровая экономика». На наш взгляд при проектировании дизайна и элементов управления следует учитывать, что человек, обращающийся сюда, стремится удовлетворить не столько свое «эстетическое любопытство», сколько получить помощь как можно быстрее.

2. Наличие аналитического материала и качество его обобщения. Подобные информационные ресурсы давно превратились в гигантские базы данных, содержащие сведения, полезные в научных целях. Вот только вопрос качества аналитической работы стоит там как никогда остро. Исполняя роль фильтра, сквозь который осуществляются сношения с официальными органами власти, такие организации, как правило, не имеют в своем составе квалифицированных криминологов. И весь этот огромный объем информации, остается невостребованным, бесполезным в деле борьбы с преступностью.

Не осознавая этого, легко повторить подобную ошибку и в организации отечественного центра, когда сбором и первичной обработкой информации для МВД будут заниматься представители частно-государственного партнерства на аутсорсинге за немалые бюджетные средства.

3. Прокуратура РФ является «главным оператором» уголовной статистики, субъектом надзора и более всех правоохранных органов заинтересована в «контрольных цифрах» жертв преступлений. Но при этом она как бы не имеет своих интересов в этом деле? Такое положение вещей недопустимо. Данные подобных ресурсов позволяют перепроверять и дополнять результаты виктимологических опросов населения. Напомним, что в соответствии с отечественным законодательством о профилактике правонарушений в России также подразумевается наличие мониторинга и учета жертв преступлений. Victim Services Division – так называются в США специальные отделы министерств и ведомств юстиции штатов, занимающиеся проблемами виктимизации. Иногда они входят в структуру региональных прокуратур непосредственно. Они орга-

низируют (на грантовой основе) и курируют работу со всеми общественными организациями, помогающими жертвам преступлений. Это позволяет осуществлять эффективную коллаборацию правоохранительных усилий, когда представители Internet Crime Complaint Center по поводу преступлений перенаправляют сообщения непосредственно ФБР; оказывают юридическое сопровождение по получению страховки; передают сведения об ущербе (цене преступности) в юстицию, а та осуществляет контроль и выделяет бюджетные средства по результатам их деятельности. Поэтому прокуратура должна обозначить свой интерес в деле объединения возможностей ГАС «Правовая статистика» и портала кибербезопасности, чтобы задать параметры системы мониторинга правонарушений в Российской Федерации.

Во вторую очередь необходимо сказать о «нужности» такого проекта в общественном восприятии глазами среднестатистического российского пользователя Интернет, чему могут поспособствовать отдельные результаты нашего длящегося социологического наблюдения.

1. На протяжении последних десяти лет интернет-пользователи проявляют устойчивый интерес к данной теме. На прямой вопрос о необходимости информационного ресурса, который бы аккумулировал усилия интернет-сообщества и правоохранительных органов, мы получили три основных варианта ответа, сведенных в таблице.

Результаты опроса

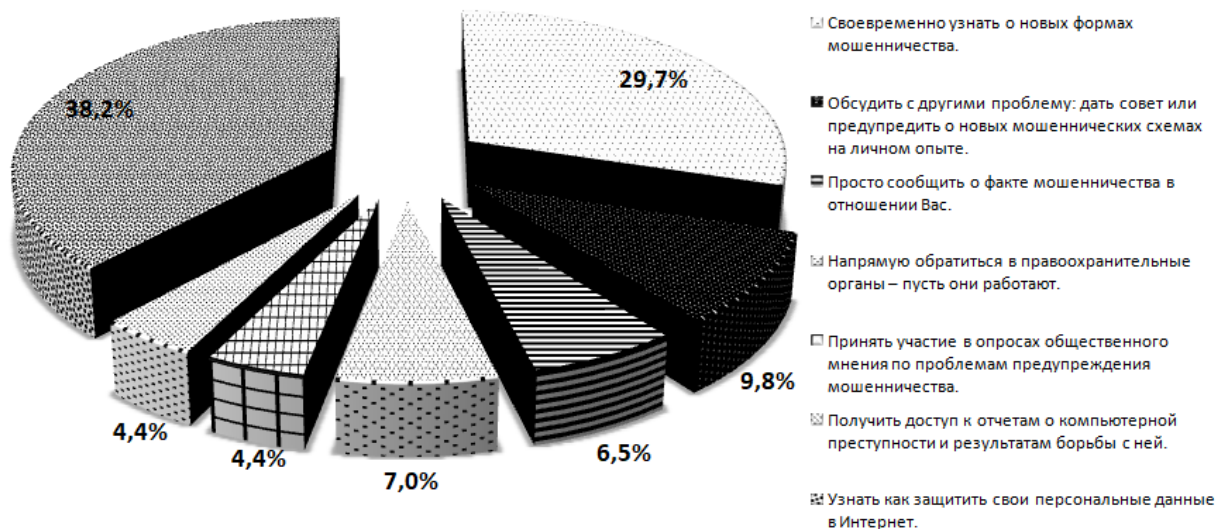
Отношение интернет-пользователей к portalу в целом			
Варианты реакции	2019 г.	2016 г.	2013 г.
Положительно, %	64	62	54
Отрицательно, %	17	17	24
Безразлично, %	19	21	21
Сумма ответов	844	1 113	716

Представленные данные имеют следующие особенности: порядка 10 % респондентов дали свободный ответ на данный вопрос и в таблице их ответы не представлены. Предмет нашего научного интереса также мог сказаться на конечном результате, поскольку формулировка вопроса была связана с виктимизацией от мошенничества, т.е. не всех компьютерных преступлений. Положительная реакция в контексте означает, что пользователи не только формально заинтересованы в такой форме связи общественности с правоохранительными органами, но хотя бы единожды собираются посетить такой ресурс в личных целях. Отрицательная реакция состоит в том, что пользователи выказали незаинтересованность (отсутствие личной потребности) в существовании такого ресурса и не собираются посещать его когда-либо. Безразличная реакция в первую очередь указывает на отсутствие интереса к вопросам компьютерной преступности и виктимизации, а также на отсутствие необходимости посещать его в непонятных для себя целях.

2. Вместе с тем была изучена и структура упомянутого выше «личного интереса». Наглядно она представлена в виде секторной диаграммы, на которой

варианты ответов, приведенные в легенде сверху вниз, следует читать на рисунке справа налево.

Структура интересов пользователей потенциального портала кибербезопасности

Секторная диаграмма

Наиболее интересны для пользователей два вопроса: новые формы мошенничества и защита персональных данных; что косвенно свидетельствует об «успехах» виктимологической профилактики, благодаря освещению СМИ преимущественно двух вышеприведенных проблем. Вместе с тем возможность обратиться за защитой своих прав и законных интересов видит не так много пользователей.

3. Если задать вопрос об отношении пользователей к возможности обращения за помощью в правоохранительные органы напрямую через портал кибербезопасности, то абсолютное большинство не исключает ее для себя. Далее приведем средние значения за весь период наблюдений. Порядка 55 % людей намерены обратиться за помощью безусловно; еще 23 % только в том случае, если дальнейшее общение с сотрудниками правоохранительных органов будет протекать дистанционно; и 22 % не намерены использовать данный портал для обращений.

Более любопытно распределены ответы в зависимости от факта виктимизации (мошенничество, совершенное посредством Интернет). По вышеприведенным вариантам ответа, в 2019 г., мнения 577 пользователей-«нежертв» и 267 реальных жертв разделились. Удельный вес внутри собственных групп (жертв и «нежертв») почти одинаков у лиц, ратующих за безусловное обращение через портал кибербезопасности при наличии такой возможности. Однако, среди жертв выше на десять процентных пунктов удельный вес тех, кто готов общаться с сотрудниками в дистанционном формате и на пять процентных пунктов снижено нежелание связываться с сотрудниками правоохранительных органов вовсе. Данные обобщающие показатели свидетельствуют о «более трез-

вой» оценке реальных жертв (по-видимому, оценивавшими перспективы и последствия своего обращения за помощью в правоохранительные органы по поводу мошенничества), когда акцент смещается на пять процентных пунктов с «безусловной готовности» на «дистанционный формат».

Подытоживая сказанное, заметим, что за отсутствием системной поддержки жертв преступлений в Российской Федерации; недостаточно хорошо реализованной аналитической функции и недоступности первичных данных (или хотя бы сводок) во всех зарубежных аналогах, сама функция по подаче и обработке заявлений на правонарушения в сети Интернет может быть реализована с гораздо меньшими затратами. У МВД существует свой сайт, на который можно добавить более удобную и функциональную страницу по подаче обращений. Несколько лет существует и мобильное приложение МВД, которое способно обрести эту новую функцию с очередным обновлением. Аналитику может осуществить ВНИИ МВД, соответствующие центры которого лишь обрадуются еще одному источнику независимому информации. Таким образом, те задачи, что возлагает МВД на этот ресурс, решаются силами самого министерства.

Не совсем очевидно, какой интерес проявляет к данному ресурсу ФСБ, самостоятельно создав в 2018 г. Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам с аналогичными целями и задачами. Вместе с тем отсутствие Прокуратуры РФ в числе заинтересованных сторон, указывает на утрату целостности системы субъектов предупреждения преступности и рассогласованности их действий в деле борьбы с компьютерной преступностью на территории Российской Федерации.

Информация об авторе

Комаров Антон Анатольевич – доцент кафедры Уголовного права и процесса Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6, e-mail: reise83@mail.ru.

Author

Komarov Anton Anatolevich – Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure in the Siberian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 630102, Novosibirsk, Nizhegorodskaya street, 6, e-mail: reise83@mail.ru.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В данной статье исследуются особенности расследования преступлений, связанных с доведением до самоубийства, так как данная категория дел является одной из самых сложных с точки зрения установления криминалистически значимых фактов. В статье с позиции криминалистики анализируются способы доведения до самоубийства, рассматривается необходимый порядок действий в ходе осмотра места происшествия, а также возможные способы сокрытия следов преступления виновными лицами, обосновывается необходимость применения результатов таких экспертиз, как компьютерно-техническая, компьютерно-сетевая, судебно-психологическая, приводятся материалы судебной практики.

Ключевые слова: самоубийство, расследование доведения до самоубийства, криминалистическая тактика, криминалистическая методика.

M.S. Korobeynikova

SOME FEATURES OF THE INVESTIGATION OF SUICIDE AS AN ELEMENT OF NATIONAL SECURITY

This article examines the features of investigating crimes related to suicide, since this category of cases is one of the most difficult from the point of view of establishing criminally significant facts. The article analyzes the mandatory elements of the objective side of bringing to suicide, namely threats, abuse, systematic humiliation of human dignity, considers the necessary procedure for examining the scene of the incident, as well as possible ways to hide the traces of the crime by the perpetrators, justifies the need to apply the results of such examinations as computer-technical, computer-network, forensic psychological, and provides materials of judicial practice.

Keywords: suicide, investigation of leading to suicide, forensic tactics, forensic methodology.

Самоубийство является частью объективной стороны целого ряда преступлений. Объективная сторона преступления – это «внешнее выражение процесса преступного посягательства. Ее образуют признаки, характеризующие сам по себе акт волевого поведения человека, протекающего в объективном мире: деяние (действие или бездействие), общественно опасные последствия, причинная связь между деянием и общественно опасными последствиями, способ, место, время, обстановка, орудия и средства совершения преступления [8, с. 62]». Для правильного и эффективного расследования, установления всех необходи-

мых фактов по преступным деяниям, связанным с совершением потерпевшим самоубийства необходим соответствующий информационно-методологический комплекс [7, с. 81]. Остановимся на некоторых особенностях методики расследования доведения до самоубийства, запрещенного ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ).

Доведение до самоубийства может быть осуществлено только способами, прямо указанными в диспозиции ч. 1 ст. 110 УК РФ: угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства. Они могут носить как обязательный, так и факультативный характер. Под обязательным характером понимается воздействия на сознание и психику. Факультативный характер проявляется в нарушении телесной неприкосновенности потерпевшего, при этом данные действия одновременно наносят урон и по психике жертвы [11, с. 44]. Об этом необходимо помнить при построении методики расследования данного преступления, так как в ходе предварительного расследования должны быть изучены жизненные обстоятельства потерпевшего, окружение, с которым он контактировал.

Так, если в адрес потерпевшего высказывались угрозы следует устанавливать их характер, способ доведения до лица, совершившего самоубийство, а также лицо, от которого они поступали. При этом необходимо иметь в виду, что угроза может быть направлена как к самому лицу, так и к его близким, носить самый разнообразный характер, к примеру, угроза лишения жизни или нанесение вреда здоровью, имуществу, распространения данных, который потерпевший предпочел оставить без разглашения, лишением места работы, расторжением брака, лишения места жительства, средств необходимых для поддержания жизнедеятельности [1, с. 92] и др.

При установлении наличия в действиях обвиняемого жестокого обращения по отношению к потерпевшему лицу, большое значение имеет учет того факта, что понятие жестокости носит выраженный субъективный характер и может в свою очередь оцениваться как: периодические побои, избиения, причинения вреда здоровью различной степени тяжести или нанесение иных телесных повреждений, понуждение к изнурительному труду либо к выполнению лишней тяжелой работы, издевательства, оскорбления, несправедливые публичные порицания, лишение пищи, воды, одежды, жилья, тепла, работы либо отстранение от нее [1, с. 100] и др.

При систематическом унижении человеческого достоинства, под которым может пониматься цинизм по отношению к потерпевшему, оскорбления, заведомо ложные, порочащие честь и достоинство потерпевшего высказывания в его адрес, частые насмешки, высмеивание каких-либо недостатков, издевательства, хулиганство, истязание, травля, грубое обращение, лишение заслуженных наград или необоснованной критике [1, с. 124] и др., помимо установления вышеперечисленных фактов надлежит также выяснять, кто из окружения потерпевшего знал о таком воздействии на него и принимал ли он попытки к сокрытию данной информации [6].

При поступлении информации о возможном самоубийстве необходимо в первую очередь провести осмотр места происшествия. Надлежит установить

факт самостоятельного лишения потерпевшим себя жизни при доведении до самоубийства, исключив версии, связанные с убийством или несчастным случаем. Например, при повешении в первую очередь важно акцентировать внимание на наличие или отсутствие подставки, служащей опорой потерпевшему, если она имеется, то необходимо выявить следы вдавления в настилающую поверхность. При осмотре поверхности одежды и обуви потерпевшего фиксируется наличие на них вещества с поверхности, находящейся под трупом. Осматривая непосредственно труп потерпевшего нужно обращать внимание на то, имеются ли на теле какие-либо ссадины или кровоподтеки, так как при повешении человек в конвульсиях непроизвольно наносит себе увечья. Также, при осмотре трупа, должны быть описаны такие особенности, как наличие или отсутствие на руках трупа веществ, указывающих на то, что потерпевший сам закрепил петлю, следы непроизвольного выделения мочи, дефекации и эякуляции, характерные для смерти от механической асфиксии, странгуляционная борозда [2, с. 4].

К моменту прибытия следователя на место происшествия некоторые детали могут быть намеренно скрыты заинтересованными лицами, поэтому в ходе осмотра необходимо особое внимание уделять более ярким, по сравнению с окружающей средой, местам, а также влажным следам, которые могли образоваться в результате затирания или застирывания поверхностей. Желательно вместе с этим организовать поиск различных средств и орудий, используемых при уборке помещений, таких как губки, тряпки, щетки, так как с их помощью вероятней всего и происходило уничтожение следов.

Для обнаружения давних следов крови, которые могут свидетельствовать о жестоком обращении с потерпевшим, необходимо осмотреть труднодоступные места в помещении, где проживало лицо, покончившее с собой, такие места (например, части мебели, прилегающие к стенам), как правило, редко подвергаются уборке.

По возможности необходимо проводить опрос соседей, узнавать слышали ли они шум или крики незадолго до совершения самоубийства потерпевшим, знают ли, кто находился с ним в это время [5], а также известна ли им какая-либо информация, касающаяся жизненных обстоятельств потерпевшего, которые могли бы привести к самостоятельному лишению им себя жизни.

Криминалистически значимую информацию об обстоятельствах жизни потерпевшего можно обнаружить на различных информационных носителях, таких как компьютерная техника или средства мобильной связи. С помощью данных приспособлений потерпевший мог делиться событиями, происходившими в его жизни с иными лицами посредством сети «Интернет», либо хранить какие-либо сведения, относящиеся к совершенному преступлению, в том числе различные фотографии или сообщения, путем которых в адрес потерпевшего могли поступать угрозы. Там же потерпевший может оставить предсмертную записку.

Так, по одному из дел несовершеннолетняя потерпевшая, которая была доведена своим отцом до покушения на самоубийство в результате жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства перед по-

пыткой суицида оставила прощальное сообщение своей лучшей подруге в социальной сети «ВКонтакте», где помимо этого в качестве причины было названо применявшееся к ней насилие со стороны родителя. При этом из текста переписки усматривалось, что потерпевшая находилась в подавленном состоянии и высказывала намерение покончить жизнь самоубийством путем прыжка с шестнадцатипятиэтажного дома [10].

До приезда сотрудников правоохранительных органов субъекты преступления могут уничтожать изобличающую их информацию, в этом случае необходимо проводить и компьютерно-техническую экспертизу для восстановления и исследования удаленных материалов [5].

Следует также проводить компьютерно-техническую экспертизу мобильных телефонов, по результатам которой возможно установление входящих и исходящих вызовов в определенный период времени, наличие различных мультимедийных файлов на устройстве, наличие данных о действиях пользователя в сети «Интернет».

В ходе судебной компьютерно-сетевой экспертизы по делам о самоубийствах устанавливаются следы работы определенного компьютерного средства в сети «Интернет»; электронные адреса, по которым производился доступ с конкретного компьютерного средства; сообщения, полученные и (или) отправленные по электронной почте [3].

Для выявления наличия причинно-следственной связи между действиями виновного лица и эмоциональным состоянием жертвы до этапа совершения суицида назначается посмертная судебно-психологическая экспертиза. Проведение данного вида экспертиз является одной из самых непростых задач, встающих перед экспертами, так как отсутствует субъект исследования, то есть сам потерпевший в связи с чем невозможно непосредственно получить необходимые данные, кроме того оценка обстоятельств событий носит ретроспективный характер [4, с. 107]. Назначая посмертную психолого-психиатрическую экспертизу, эксперту необходимо представить протоколы допросов, медицинские документы, характеристики с мест учебы или работы, результаты творческой деятельности потерпевшего, например, стихи, сочинения, рисунки, письма, также эксперту вручаются гаджеты, принадлежавшие потерпевшему с паролями от аккаунтов в социальных сетях [3], психологическая аутопсия (анализ предсмертных записок) также является важной составляющей экспертизы. В результате проведенного исследования формируется определенный личностный портрет потерпевшего, который позволяет говорить об особенностях его характера, установках на будущее, и других признаках, относящихся обстоятельствам дела [4, с. 108].

Например, в процессе расследования одного из дел заключение посмертной комплексной судебно-психолого-психиатрической экспертизы на основании данных анамнеза и показаний свидетелей показало, что в период, предшествующий смерти, потерпевшая находилась в психическом состоянии, предрасполагающем к самоубийству. Согласно показаниям свидетелей, она неоднократно высказывала мысли о суицидальных намерениях: «скорее умереть», «надоело уже так жить», одна из свидетелей сообщила, что потерпевшая одна-

жды «подняла глаза вверх на уровне 3-4 этажа дома и сказала: «выпрыгнуть бы из окошка и не мучаться от такой жизни». На основании предоставленных материалов, эксперты пришли к выводу, что социальная позиция личности погибшей характеризовалась конформностью, исполнительностью, отсутствием выраженной склонности к проявлению инициативы и доминированию, тенденцией к просоциальному поведению в сочетании с потребностью поддержания социального статуса, ориентацией на общепринятые нормы поведения. Указанные индивидуально-психологические особенности сами по себе (изолированно от ситуации) не могли спровоцировать принятие потерпевшей решения на лишение себя жизни. Однако в сочетании с особенностями данной длительной психотравмирующей ситуации (издевательства, унижение, моральное давление, оскорбления, вымогательство денежных сумм), указанные особенности способствовали нарастанию у потерпевшей депрессивных тенденций, сузили возможности выбора, ограничили ее в возможности найти адекватный способ реагирования в сложившейся ситуации, в результате чего могло возникнуть суицидальное намерение [9].

Таким образом, расследование дел, связанных с доведением до самоубийства, представляется сложной задачей. Могут возникать различные трудности при установлении элементов части объективной стороны, предусмотренных диспозицией ч. 1 ст. 110 УК РФ: угроз в адрес потерпевшего, жестокого с ним обращения или систематического унижения человеческого достоинства. Поэтому важно правильно понимать, что из себя представляет каждый элемент, образующий объективную сторону доведения до самоубийства, а также избирать правильные методы для исследования всех значимых фактов по делу, начиная с осмотра места происшествия. Кроме того, по делам данной категории особую значимость представляют такие экспертизы как компьютерно-техническая и посмертная комплексная судебно-психолого-психиатрическая.

Список использованной литературы

1. Агафонов А.В. Уголовно-правовая характеристика доведения до самоубийства / А.В. Агафонов // Уголовная ответственность за доведение до самоубийства А.В. Агафонов. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – Гл. 2. – 208 с.
2. Бурданова В.С. Расследование доведения до самоубийства : учеб. пособие / В.С. Бурданова. – Санкт-Петербург : СПБЮИ Генеральной прокуратуры РФ, 2001. – 56 с.
3. Ильин Н.Н. Назначение судебных экспертиз при расследовании суицидов несовершеннолетних, совершенных с помощью сети интернет / Н.Н. Ильин. – Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
4. Ильина В.А. Судебно-психологическая экспертиза по факту самоубийства / В.А. Ильина // Вопросы судопроизводства и криминалистики. – 2016. – № 2 (73). – С. 106–114.
5. Карагодин В.Н. Расследование умышленных преступлений против жизни, половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних / В.Н. Карагодин. – Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

6. Карпович В.Ю. Взаимодействие криминалистики и суицидологии: разработка методики расследования преступлений, связанных с доведением до самоубийства / В.Ю. Карпович, Д.Д. Осипов // Синергия наук: сайт. – 2018. – № 29. – URL: <http://synergy-journal.ru/archive/article3400> (дата обращения: 22.03.2020 г.).

7. Лисовецкий А.Л. Суицидология и криминалистика: пути взаимодействия / А.Л. Лисовецкий, Л.В. Бертовский, В.М. Поздняков // Суицидология. – 2018. – № 1 (30). – С. 81–86.

8. Никулин С.И. Объективная сторона преступления / С.И. Никулин // Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2007. – 704 с.

9. Приговор Ленинского районного суда г. Краснодара от 16.05.2019 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UTEdQXqKjrdu> (дата обращения: 22.03.2020 г.).

10. Приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 29.09.2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6yhIfTd8DhYR> (дата обращения: 22.03.2020 г.).

11. Серова Е.Б. К вопросу об обстоятельствах, подлежащих исследованию и доказыванию по делам о преступлениях, связанных с доведением до самоубийства / Е.Б. Серова // Криминалистика. – 2017. – № 2 (21). – С. 43–48.

Информация об авторе

Коробейникова Мария Сергеевна – студентка 4-го курса Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: korobejnikova.mar@gmail.com.

Author

Korobeynikova Maria Sergeevna – student, the University of the Prosecution of Russian Federation (Irkutsk branch), 664035, Irkutsk, Shevtsova str., 1, e-mail: korobejnikova.mar@gmail.com.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ: ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ*

Терроризм является главной угрозой всего мирового сообщества. К терроризму подвергаются все больше стран независимо от их политического положения тем самым негативно влияя на их внутригосударственные процессы. В статье рассматриваются вопросы, связанные с возникновением терроризма и его влияние на международном масштабе, изучением содержания понятия «терроризм», выявлением основных целей терроризма, изучением террористических действий, нарушающие права человека. Сделан вывод о том, что необходимо создать более универсальное понятие «терроризм» для эффективной защиты прав человека от терроризма, что поможет не усовершенствовать понятийный аппарат, но и повысить унифицированность правоприменительной практики.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, права человека, угроза, устрашение, посягательство.

V.S. Koryakina

HUMAN RIGHTS AND INTERNATIONAL TERRORISM: SHAPING A MODERN PARADIGM

Terrorism is the main threat to the entire world co-society. To terrorism more and more countries irrespective of their political situation thereby are exposed having negative effect on their interstate processes. The article deals with issues related to the emergence of terrorism and its impact on the international scale, the study of the content of the concept of terrorism, the identification of the main purposes of terrorism and the study of terrorist acts that violate human rights. It was concluded that a more universal concept of «terrorism» should be created to effectively protect human rights from terrorism, which would help not to improve the conceptual apparatus, but also to increase the uniformity of law enforcement practices.

Keywords: terrorism, terrorist act, human rights, threat, intimidation, assault.

В настоящее время на мировой практике все больше сталкиваются с угрозой террористических актов, это может быть связано с психологическим воздействием на общество; давлением противника; необходимостью материальной помощи своим семьям; созданием образа «мученика», поддерживаемого религиозную идеологию; большой урон противнику.

* Работа отмечена на Всероссийском конкурсе студенческих научных работ (эссе) – 2020 «Права человека и гражданина: что нас ждет в XXI веке?».

Актуальность исследования международного терроризма довольно существенна. Так, несмотря на эффективность противодействия терроризму и объединение усилий всего мирового сообщества, террористическая угроза все же растет. Объясняется это непрерывными террористическими актами, которые совершаются по всему миру. Терроризм превратился в одну из глобальных проблем, которая оказывает влияние на общественно-политическую обстановку, его распространение увеличивает число совершенных преступлений, связанных с террористической деятельностью, например, киберпреступность [см., 7].

Терроризм является глобальной угрозой всему человечеству. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма определяет террористические акты как преступные и не имеющие оправдания все акты, методы и практику терроризма, констатирует, что терроризм ставит под угрозу дружественные отношения между государствами и народами и угрожает территориальной целостности и безопасности государств. В Российской Федерации с 2010 по 2017 г. было зарегистрировано 1 871 террористических актов.

Терроризм прямо угрожает безопасности людей, уносит жизни невинных, не позволяет людям чувствовать себя свободными, создавая обстановку страха; нарушает демократические основы общества, ставит под угрозу международные отношения, отрицательно влияет на внутреннюю политику государства, угрожает территориальной целостности.

Можно говорить о следующих основных тенденциях функционирования терроризма как явления:

- попытка вмешательства во внутренние дела государств;
- создание крупных террористических группировок;
- увеличение количества террористических актов;
- стремление террористической деятельности завладеть оружием;
- мощная подготовка и разработка новых методов террористической деятельности.

К основным факторам распространения террористических актов является:

- межэтнические и иные противоречия;
- недостаточная эффективность государственных органов по противостоянию терроризму;
- недостаточность контроля по распространению идей, связанных с пропагандой насилия и жестокости;
- недостаточно эффективное противодействие с организованной преступностью.

Относительно возникновения терроризма существуют различные подходы. Так, Н.Н. Афанасьев и В.С. Шукшин считают, что «терроризм возник одновременно с возникновением цивилизации и является ее атрибутом, став в Новейшее время элементом насилия, применяемого для достижения тех или иных политических, экономических или социальных целей» [1, с. 8]. Также они полагают, что терроризм прошел пять этапов:

1 этап – эпоха зарождения терроризма (середина XIX в.). В указанный период сформировалась идеология терроризма, возникли первые террористические организации.

2 этап – эпоха классического терроризма (первое десятилетие XX в.). В этой эпохе были разработаны методы, стратегии и тактики террористической деятельности (массовые убийства политических деятелей, взрывание бомб в общественных местах и т.д.).

3 этап – переходная эпоха терроризма (начало 20-х – конец 50-х гг.). Данный этап делился на две стадии: на первой стадии терроризм нес лишь преимущественно индивидуальные или групповые политические вызовы государственной власти, на второй стадии терроризм переходит от индивидуальных к групповым разновидностям, возникают новые формы террористической деятельности (захват заложников и т.п.).

4 этап – 60–80-е гг. На этом этапе терроризм стал глобальной проблемой международной политики: создаются крупные террористические организации, усиливаются тактика жестокости, применяемые на общество; оказывается большее давление на политику.

5 этап – современный терроризм. Терроризм является системной составляющей в глобализации мирового пространства.

Некоторые авторы относят возникновение терроризма в эпоху французской Реформации (XVI – начало XVII вв.); а другие же считают, что терроризм возник с начала XIX в. В истории России «терроризм XIX столетия открывает революционная организация «Народная воля», которая ставила своей задачей передачу политической власти народу и использовала метод политических убийств, чтобы расшатать и ослабить российское самодержавие» [2, с. 15].

Таким образом, такое разнообразие мнений связано с тем, что отсутствует единый нормативный подход в понимании терроризма, в том числе в историческом ключе.

Что касается определения, то «попытка зафиксировать понятие «терроризм» была предпринята в 1937 г. в проекте международной Конвенции о предупреждении терроризма и наказании за него разработанном по инициативе Лиги Наций» [4, с. 100], однако Конвенция не вступила в силу.

С образованием Организации Объединенных Наций в выработке и правовой трактовке понятия принадлежит ООН. В 1972 г. был создан Специальный комитет по международному терроризму Генеральной Ассамблеей ООН, который был преобразован в Специальный комитет по терроризму. Совет Безопасности ООН учредил Контртеррористический комитет в 2001 г. Задача этих специализированных органов основывается на технической помощи государствам в противодействии терроризму, а также в разработке понятия «терроризм». Однако в документах понятие «терроризм» толкуется по-разному. Причинами тому являются отсутствие общих подходов к толкованию основных содержательных терминов. Таким образом, до сих пор не выработано универсальное определение категории «терроризм».

Парадокс заключается в том, что если на региональном уровне дается определение терроризма, то в документах глобального характера такое определение отсутствует. Так, Договор о сотрудничестве государств Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 г. устанавливает: терроризм как уголовно наказуемое деяние, совершенное в целях нарушения

общественной безопасности, оказания влияния на принятие решений органами власти, устрашения населения, проявляющееся в виде:

- насилия или угрозы по отношению физических и юридических лиц;
- причинения имущественного ущерба;
- посягательства на жизнь политического деятеля, совершенного для завершения его политической деятельности;
- нападения на представителя зарубежной страны или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой;
- иных деяний, подпадающих под понятие террористических в соответствии с национальным законодательством сторон, а также иными общепризнанными международно-правовыми актами, направленными на борьбу с терроризмом.

Не выработано универсальное определение и в научном сообществе. В частности, М.С. Назаркин дает определение терроризма «как умышленное уничтожение, повреждение, захват какого-либо объекта, включая физических лиц, либо иные насильственные действия в отношении них или угрозу совершения таких действий. Указанные действия сопровождаются одновременным выдвиганием политических, экономических или иных социально значимых требований» [5, с. 36]. Н.Я. Лазарев под терроризмом понимает «политику и практику экстремистского воздействия, основанного на применении незаконного насилия, обусловленного особым видом мессианства, имеющим свою идеологию и генерирующим агрессию» [3, с. 16]. Таким образом, отсутствует единая дефиниция терроризма.

Представляется, что для разработки наиболее универсального определения необходимо отличить терроризм от террористического акта. Можно сказать, что терроризм – это форма проявления насилия, направленная на устрашение, а что касается террористического акта, то согласно ст. 3 Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» под террористическим актом понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях. Таким образом, можно сказать, что террористический акт – это инструмент терроризма, характеристика деяния человека, а терроризм – социально-политическое явление.

Что касается цели террористических актов, то «основной формой террористического акта выступает убийство в целях устрашения. И если ранее основными целями выступали общественные и политические деятели, то сейчас гибнут обычные (если так можно выразиться) граждане. Главные задачи современных террористов – достигнуть наибольшего количества жертв и придать своей акции максимальную общественную огласку» [6, с. 51]. Таким образом к основным целям терроризма можно отнести уничтожение внутривнутриполитического

порядка страны; подрыв демократии; дезорганизацию государственных органов; подрыв международных отношений, которые осуществляются лишением жизни многих людей.

Отметим, что многие хотят, чтобы виновники несли точно такую же участь как лишение жизни, однако глобальная проблема с терроризмом должна быть решена с уважением прав человека и законности. Для этого необходимо предпринять контртеррористические стратегии, которые помогли бы в предотвращении террористических актов, способствовали оперативному расследованию и привлечению виновных к ответственности.

В российском законодательстве уделяется большое внимание защите прав человека от террористической угрозы. Права человека, безусловно, являются универсальными ценностями, которые защищаются и гарантируются государственной защитой. Каждый человек имеет право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, которая устанавливается в Конституции РФ и Всеобщей декларацией прав человека 1948 г., а в ст. 5 запрещается жестокое обращение с людьми. Право на жизнь является важнейшим, неотъемлемым правом человека. Оно прописано в Конституции РФ (ст. 20), а также в международных актах. Государство охраняет права и свободы человека и гражданина, а значит принимает все необходимые меры по предотвращению террористических актов, направленных на лишение жизни людей. Поэтому в первую очередь предусматриваются такие принципы как защита основных прав и свобод человека и гражданина и приоритет защиты прав и интересов лиц, подвергающихся террористической опасности (ст. 2 Федерального закона от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»). При осуществлении террористических актов эти права нарушаются непосредственным образом, люди гибнут, лишаются свободы, нарушают их право на физическую неприкосновенность, уничтожаются их имущества и т.д. Это прямая связь терроризма с нарушением прав человека.

Завершая данное исследование отметим, что государства обязаны защищать права человека, для исполнения данного обязательства необходимо создать эффективные контртеррористические меры. Проблема в том, что в настоящее время отсутствует универсальное определение понятия «терроризм» в международных политико-правовых актах, поэтому необходимо наличие единой трактовки данного понятия для эффективной борьбы с терроризмом.

Список использованной литературы

1. Афанасьев Н.Н. Исторические корни терроризма / Н.Н. Афанасьев, В.С. Шукшин. – Москва, 2002. – 157 с.
2. Богмацера Э.В. Терроризм: истоки, понятие, угрозы / Э.В. Богмацера, И.Е. Ильичев // Теория и история права и государства. – 2018. – № 3. – С. 12–29.
3. Лазарев Н.Я. Терроризм как социально-политическое явление: истоки, формы и динамика развития в современных условиях : автореф. дис. ... канд. полит. Наук : 23.00.01 / Н.Я. Лазарев. – Москва, 2007. – 27 с.
4. Нигматуллин Р.В. К истории сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом / Р.В. Нигматуллин // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2005. – № 1. – С. 108–115.

5. Назаркин М.С. Криминологическая характеристика и предупреждение терроризма : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.С. Назаркин. – Москва, 1998. – 197 с.

6. Романовский В.Г. Право человека на жизнь и противодействие терроризму: «Дело Беслана» / В.Г. Романовский // Вестник уральского юридического института МВД России. – 2018. – №3. – С. 51–56.

7. Смирнова И.Г. Киберпреступность: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ / И.Г. Смирнова, К.Н. Евдокимов, О.А. Егерова и др. ; под науч. ред. И.Г. Смирнова. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 312 с.

Информация об авторе

Корякина Валерия Сергеевна – студентка, кафедра правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: lera_koryakina_ser@mail.ru.

Author

Koryakina Valeriya Sergeevna – student, the Chair of Legal Support of National Security, Baikal State University, 11 Lenin str., Irkutsk region, 664003, Russia, e-mail: lera_koryakina_ser@mail.ru.

**МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ИЗНАСИЛОВАНИЙ КАК ОДНО
ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДДЕРЖАНИЯ ДОЛЖНОГО УРОВНЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА**

Национальная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Изнасилование является преступлением против половой свободы и неприкосновенности личности, последствия которого негативно сказываются на общепризнанных нормах морали и нравственности, что в конечном итоге приводит к подрыву авторитета государства, как правоохранительной структуры. Гражданское население чувствует свою незащищенность и теряет веру в правосудие, что указывает на существенное влияние изнасилований на национальную безопасность РФ. В данной статье рассмотрены меры профилактики изнасилований и показана актуальность данной темы в настоящее время.

Ключевые слова: изнасилование, меры предупреждения, половая свобода, половая неприкосновенность.

**V.D. Kuzmicheva
D.A. Nikitin****MEASURES TO PREVENT RAPE AS PART OF THE MAINTENANCE
OF THE NATIONAL SECURITY OF THE STATE**

National security of the Russian Federation is a condition of security of the personality, society and the state from internal and external threats at which realization of constitutional laws and freedoms of citizens of the Russian Federation, worthy quality and level of their life, the sovereignty, independence, the state and territorial integrity, sustainable social and economic development of the Russian Federation are provided. Rape is a crime against sexual freedom and inviolability of the personality which consequences negatively affect the universally recognized norms of morals and moral that finally leads to undermining authority of the state, as law-enforcement structure. The civilian population feels the vulnerability and loses faith in justice that points to essential influence of rapes on national safety of the Russian Federation. In this article measures of prevention of rapes are considered and relevance of this subject is shown now.

Keywords: rape, prevention measures, sexual freedom, sexual inviolability.

Изнасилование – одно из самых тяжких преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Это преступление влечет за собой тяжкие последствия для психического и физического здоровья потерпевшей, отрицательно воздействуют на потомство, понижает культурный уровень, распространяя в обществе разврат и циничное отношение к женщине. В системе ценностей любого общества здоровье, достоинство, свобода и честь человека имеют наивысшую ценность. В Конституции РФ закреплено право каждого гражданина на свободу и личную неприкосновенность, которая включает в себя половую свободу и половую неприкосновенность. В правовом государстве никто не в праве ущемлять законные интересы других лиц.

Половая свобода понимается как право взрослого человека выбирать партнера для удовлетворения сексуальных потребностей и форму их удовлетворения. А половая неприкосновенность трактуется как запрет на вступление в половые связи с несовершеннолетними и малолетними. При этом сексуальные отношения являются неотъемлемой частью жизни человека. Регуляторами этих отношений являются нормы морали. Опосредованно на них влияют нормы семейного права, которые реализуются как в брачных, так и внебрачных отношениях. Уголовное право не представляет собой позитивного регулятора сексуальных отношений, оно только устанавливает запреты на определенные деяния, противоречащие принципам половой морали и естественным правилам человеческого общежития.

Согласно УК РФ, изнасилование – это половое сношение с применением насилия, либо угрозой его применения к потерпевшей, или другим лицам, или с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Изнасилование представляет собой преступное деяние с особой общественной опасностью, так как по УК РФ ч. 1 ст. 131 входит в категорию тяжких преступлений [5].

В отличие от других категорий преступлений предупреждение половых преступлений, в частности изнасилований, достаточно специфичный и трудоемкий процесс. Одна из главных причин этого в том, что мотивы половых преступлений носят интимный характер, большая часть из них не попадает в зону охвата сознания индивида и не до конца им контролируется. Они прочно взаимосвязаны с глубинными переживаниями, которые зачастую имеют огромную значимость, с межличностными отношениями, содержание и смысл которых не всегда ясен.

Именно из-за этого на первый план выходит повышенное внимание к человеку, попытка понять противоречивость и сложность его внутреннего мира, увеличение возможностей реализации его личностных интересов и потребностей (в основном, потребности к самоутверждению) в различных сферах жизнедеятельности, сознание улучшенных условий труда и отдых, оказание психологической и психотерапевтической помощи с купе с увеличением эффективности воспитательной работы (главным образом, индивидуальной) [1, с. 34].

Еще один важный аспект – нравственное и половое воспитание. Особенно актуально для детей и подростков. Такое нравственное воспитание должно ориентировать воспитуемых на уважение и равноправие партнеров в сфере сексуального общения.

Перестройка отношений к человеку, максимальное удовлетворение его потребностей, улучшение сферы воспитательной работы требует больших экономических затрат. Но социально-экономические меры, в особенности меры производственного характера, не могут сами по себе привести к успехам в борьбе с изнасилованиями [4, с. 52].

Вместе с воспитательным воздействием необходимо обеспечение общественного правопорядка. Почти все исследователи в области предупреждения насильственной преступности говорят о важности предупреждения злоупотребления спиртными напитками, так как состояние алкогольного опьянения относится к одному из внутренних условий, которое способствует совершению изнасилований. Оно не только снижает барьер моральных ограничений, определяющих его внутренние переживания, но и не социализированные потребности. Например, преступники тотально-самоутверждающегося типа чаще всего совершают изнасилования в состоянии алкогольного опьянения. Женщины же легче становятся жертвой в состоянии опьянения, во многих случаях, провоцируя преступника своим поведением.

Предупреждение безнравственного поведения определенных групп лиц. Это направление актуально на современном этапе жизни общества, так как некоторые представители современной молодежи утратили привычные нравственные ориентиры, и данная форма проведения досуга получает все большее распространение. Примером этому могут быть беспорядочные половые связи, вечеринки малознакомых людей с употреблением алкоголя или наркотических веществ. В такой ситуации женщины легче становятся жертвами преступных посягательств, они не оказывают сопротивление, а если и оказывают – то оно воспринимается как кокетство. Правоохранительные органы при поддержке общественности должны выявлять лиц, организующих подобные мероприятия, которые ведут сами такой образ жизни и вовлекают в него других, а также лиц, которые предоставляют помещения для подобных целей. Необходимо применять к таким лицам меры воспитательного воздействия, а при наличии оснований – административно-правового воздействия.

Также необходимо проводить профилактику неосторожного и безнравственного поведения лиц женского пола. Не только из-за возможности функционирования вышеописанных компаний. Под данные меры должны попасть и те женщины, которые возвращаются поздно, либо по безлюдной территории домой, либо на работу. Немаловажно в таких местах обеспечивать охрану порядка и силами правоохранительных органов, но зачастую это не представляется возможным. Но подобные мероприятия сократят число преступлений, совершенных «охотящимся» типом преступника.

Обеспечение правопорядка в тех местах и в то время, когда совершение изнасилований наиболее вероятно – еще один пункт мер профилактики. Наиболее опасными местами являются недостроенные, разрушенные, нежилые строения, окраины города, парки, скверы, рощи и т.п. в особенно опасное вечернее и ночное время. Такие мероприятия не только сократят число изнасилований, но и других преступлений против личности.

Также необходимо своевременно выявлять лиц, кто скорее всего может совершить изнасилования. В эту категорию попадают не только ранее судимые за подобные преступления. Лица, которые проявляют особый интерес к малолетним, несовершеннолетним девочкам, грубо престающие в общественных местах к лицам женского пола так же попадают в эту группу. Выявление лиц с вменяемых лиц с психическими аномалиями, главным образом олигофренов. Необходимо прибегнуть к помощи психиатров для изучения их поведения и наличия у них сексуальных нарушений [3, с. 90].

В целом проблемы профилактики преступлений, которые совершены психически больными личностями весьма актуальна, но выходит за рамки криминологии, которая занимается вменяемыми индивидами. При этом эту проблему невозможно решить только специалистами в области медицины и сотрудниками правоохранительных органов. Помощь криминологии тут необходима, так как она имеет достаточно опыта в области разработки профилактических мер. При этом, обычно преступные действия со стороны психически нездоровых лиц отличаются исключительной силой, жестокостью и тяжкими последствиями.

Медицинский аспект в этой связи включает в себя так же предупреждение нарушений и в пренатальном периоде, а именно профилактику стрессовых ситуаций у беременных; раннюю диагностику психических расстройств и надлежащее лечение; выявление и медико-психологическую коррекцию искажений психосексуального развития на ранних этапах.

Профилактируя лиц с сексопатологическими особенностями, необходимо уделить большое внимание микросоциальному окружению, главным образом семье. Нравственное неблагополучие в семье может создать почву дальнейшего неправильного развития половых расстройств, формирования психопатического склада характера. Адекватные социально-педагогические мероприятия, которые предусматривают привитие моральных норм, являются предпосылкой сексуальноприемлемого поведения, даже у лиц с психической и сексуальной патологией [2, с. 25].

Зачастую преступник совершает не одно, а несколько преступлений, особенно характерно для «охотящегося» и «сценарийного» типа. Здесь важное предупредительное воздействие оказывает своевременное выявление виновных.

Безнаказанность включает в себе и другую опасность. Лица, совершающие групповые изнасилования, не привлеченные к ответственности за ранее совершенные преступления, привлекают к занятию преступной деятельностью и других лиц. Особенно это характерно для молодых лиц. Каждое следующее преступление более циничное, жестокое и опасное. Преступники таким образом бросают вызов существующим устоям общества.

Длительная безнаказанность отрицательно сказывается не только на женщинах, но и в целом на населении района, где совершаются преступления. При этом быстрое раскрытие преступлений, совершенных «охотящимся» и «сценарийным» типом на практике вызывает трудности. Проще выявить и предупредить преступления, совершаемые молодежными группами антиобщественной направленности, либо такие преступления, которые совершены в ме-

стах, где ранее уже совершались подобные преступления. Серийность некоторых изнасилований связана с недостаточностью использования научных достижений в области изучения личности преступника.

Так же профилактическую роль играют и судебные процессы. Суд должен показать отрицательные стороны поведения всех лиц, не только обвиняемых, которые раскрывают мотивы, которые побудили преступника на совершение преступления. Если преступником является несовершеннолетний, то необходим допрос всех лиц, ответственных за его воспитание.

Некоторые материалы могут быть опубликованы в СМИ, но без излишних подробностей, которые могут нанести вред участникам процесса. Такие публикации должны носить поучительный характер.

Список использованной литературы

1. Баумштейн А.Б. Некоторые проблемы привлечения к уголовной ответственности за преступления, связанные с половой неприкосновенностью несовершеннолетних / А.Б. Баумштейн // Новый юридический журнал. – 2012. – № 1. – С. 167–170.

2. Борзенков Г.К. Ответственность за преступления против половой свободы / Г.К. Борзенков // Российская юстиция. – 2009. – № 8. – С. 23–26.

3. Журавлева Ю.В. Основы виктимологической профилактики изнасилований: монография / Ю.В. Журавлева. – Москва : РПА Минюста России, 2010. – 145 с.

4. Сальников В.П. Криминология и профилактика преступлений : учеб. пособие / В.П. Сальников. – Санкт-Петербург : Университет, 2006. – 224 с.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 18.02.2020 г.) // СЗ РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

Информация об авторе

Кузьмичева Владислава Дмитриевна – магистрант, кафедра уголовного права и криминологии, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: swag2804@gmail.com.

Никитин Дмитрий Александрович – студент, кафедра правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: nikitinD228@gmail.com.

Authors

Kuzmicheva Vladislava Dmitriyevna – undergraduate student, Chair of Criminal Law and Criminology, Baikal State University, 664003, Irkutsk, Lenin St., 11, e-mail: swag2804@gmail.com.

Nikitin Dmitry Aleksandrovich – student, Chair of Legal Support of National Security, Baikal State University, 664003, Irkutsk, Lenin St., 11, e-mail: nikitinD228@gmail.com.

**ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ (СОЗДАНИЯ, РЕГИСТРАЦИИ)
ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

В статье анализируются исторические предпосылки криминализации преступлений в сфере экономической деятельности, в частности, установление уголовной ответственности за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица. Приводится классификация исторических периодов развития норм отечественного законодательства об уголовной ответственности за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизацию) юридического лица. Определены тенденции правового регулирования в современном российском уголовном законодательстве и оценена эффективность законодательного подхода при установлении ответственности за незаконное использование документов для образования юридического лица. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования уголовно-правовых норм в предпринимательской сфере, направленных на охрану и защиту экономических интересов частных лиц и экономической безопасности государства.

Ключевые слова: национальная безопасность, экономическая безопасность, уголовная ответственность, незаконное создание юридического лица.

Е.В. Mikova

**HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE CRIMINALIZATION
OF THE UNLAWFUL USE OF DOCUMENTS FOR FORMATION
(CREATION, REGISTRATION) OF LEGAL ENTITY
IN DOMESTIC LEGISLATION**

In the article analyses the historical prerequisites for the criminalization of crimes in the sphere of economic activity, in particular the establishment of criminal liability for the illegal use of documents for the formation (creation, reorganization) of a legal entity. The classification of historical periods of development of norms of domestic legislation on criminal liability for illegal use of documents for formation (creation, reorganization) of a legal entity is given. Trends in legal regulation in modern Russian criminal legislation have been identified and the effectiveness of the legislative approach in establishing liability for the illegal use of documents for the formation of a legal entity has been assessed. The conclusion was reached that it was necessary to further improve the criminal law norms in the business sphere aimed at protecting and protecting the economic interests of individuals and the economic security of the State.

Keywords: national security, economic security, criminal liability, illegal establishment of a legal entity.

В 2011 г. в Уголовном кодексе Российской Федерации появилась статья 173.2, закрепляющая уголовную ответственность за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица. Несмотря на то обстоятельство, что преступление, закрепленное в ст. 173.2 УК РФ, относится к категории преступлений небольшой тяжести, общественная опасность деяния велика, поскольку посягает на общественные отношения в сфере охраны и защиты легальной экономической деятельности, а сами действия по незаконному использованию документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица являются предпосылкой для последующих нарушений экономических интересов личности, общества и государства.

Велико количество лиц, в отношении которых вынесен обвинительный приговор за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица. «В 2018 году по статье 173.2 УК РФ были привлечены к уголовной ответственности 1 326 человек» [4], что сопоставимо по количеству лиц, признанных виновными в совершении квалифицированного убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ), насильственных действий сексуального характера (ч. 4 ст. 132 УК РФ), разбоя (ч. 2 ст. 162 УК РФ).

Анализируя вопрос возникновения уголовной ответственности за использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица, следует отметить, что современная экономика России во многом унаследовала черты экономической деятельности, сформированной как в дореволюционное, так и в советское время. Поэтому при исследовании исторических аспектов формирования уголовной ответственности за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица необходимо ориентироваться на весь опыт уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере создания коммерческих организаций.

Экономические преступления, в силу своего всепроникающего характера, подрывают полноценное функционирование рыночных структур, снижают предпринимательскую активность, создают угрозу экономической безопасности государства. В частности, преступления, связанные с деятельностью юридических лиц, являясь одним из элементов экономической преступности, наносят ущерб контрагентам, государству, являются наиболее сложными в следственной и судебной практике. Таким образом, для полноценного понимания сущности уголовной ответственности за незаконное использование документов для образования (создания, регистрации) юридического лица важно проследить исторические особенности возникновения, законодательного развития и совершенствования указанного правового института в отечественном законодательстве.

Основная правоприменительная проблема содержания уголовной ответственности за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица в Российской Федерации связана с подходом законодателя к определению понятия юридического лица и обще-

ственной опасности использования юридических лиц для достижения различных преступных целей.

В зависимости от целей уголовно-правовой политики государства на том или ином этапе исторического развития, изменялось представление о сущности уголовно-наказуемых деяний в экономической сфере. И если на первоначальном этапе зарождения государства наказуемым был обман торговца или покупателя, то в дальнейшем, наказуемой становилась процедура включения участника торговых отношений в работу рынка при наличии нарушений в допуске к такой деятельности.

Со времен Киевской Руси, в силу особого территориального положения, наличия обширных ресурсов и достаточного количества сопредельных государств, торговля играла далеко не последнюю роль в развитии и укреплении государства. Новое сословие купечества способствовало развитию товарно-денежных отношений, формированию рынка, представлению государства в отношениях с другими странами.

Конечно, ни о каком нормативном закреплении требований к статусу «первых предпринимателей» речи не шло. Однако первые попытки купцов в установлении внешнеэкономической и внутриэкономической деятельности приносили свои результаты: формировался национальный рынок, возникала система хозяйственных связей по обмену и купле-продаже товарами между различными частями страны, стали приниматься первые правовые документы, регулирующие торгово-экономические отношения (Торговый устав 1653 г., Новоторговый устав 1667 г.). Появление мануфактур, артелей, товариществ требовало от государства принятия норм и правил регулирования таких отношений, а также закрепление ответственности за нарушения.

Первые упоминания об уголовной ответственности за незаконное образование компаний можно встретить в ст. 1636 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., где ответственность наступала за открытие какого-либо торгового общества, товарищества или компании без разрешения правительства или без соблюдения предписанных законом правил» [2, с. 27].

Дальнейшее развитие учения об уголовной ответственности, в том числе за «торговые преступления», уже не имело поступательного движения. Результаты социалистической революции привели к серьезным изменениям в законодательстве советского периода. Изменилось правовое регулирование хозяйственных отношений, в основу которых был положен административно-хозяйственный тип регулирования экономических отношений. С этого периода в отечественном уголовном законодательстве происходит закрепление ответственности за «хозяйственные преступления».

Однако, УК РСФСР 1922 г. еще не знал ответственности за создание юридического лица, поскольку и само понятие отсутствовало. Уголовный кодекс ограничивался указанием на «предпринимателя» как специального субъекта уголовной ответственности. Административно-командное регулирование прочно внедрялось в советскую действительность, поглощало любые проявления «частного предпринимательства», которое само по себе становилась вне закона и социалистического понятия о развитом обществе.

В дальнейшем, уже в полноценном советском государстве, в ст. 153 УК РСФСР 1960 г. была установлена уголовная ответственность за «частнопредпринимательскую деятельность», под которой понималась деятельность физических лиц с использованием государственных, кооперативных или иных общественных форм осуществления экономической деятельности. Также уголовная ответственность устанавливалась за коммерческое посредничество, которое, как предполагалось законодателем, осуществляется частными лицами в виде промысла или в целях обогащения.

Как видно, прямого указания на образование или использование документов для образования какой-либо формы осуществления предпринимательской деятельности УК РСФСР 1960 г. не предусмотрено. Но, и «частнопредпринимательская деятельность» фактически была под государственным запретом. Любое проявление торговой инициативы физических лиц каралось весьма строго. Все это объясняется спецификой хозяйственных отношений советского государства, что проявилось прямо противоположно после 1991 г.

Исследование историко-правовых факторов установления уголовной ответственности за экономические преступления, на примере норм отечественного законодательства, позволяет выделить этапы, характеризующие специфические особенности криминализации как предпринимательских преступлений в целом, так и отдельного преступного деяния в виде предоставления или использования документов для образования юридического лица без намерения осуществлять легальную экономическую деятельность:

- дореволюционный период характеризовался наступлением уголовной ответственности за нарушение требований государственных органов к ведению деятельности торговых и промышленных обществ, осуществлявших свою деятельность в форме товариществ, артелей. Сведения о наступлении ответственности за предоставление лжедокументов для осуществления экономической деятельности в дореволюционном законодательстве отсутствуют;

- советский период отличался уголовным наказанием за деятельность частных предпринимателей, использующих возможности рынка для личного обогащения. Здесь важен был субъект преступления, а не процедура включения его в экономическую деятельность, что исключало наступление уголовной ответственности за предоставление ложных документов для образования субъекта предпринимательской деятельности;

- постсоветский период известен привлечением к уголовной ответственности за лжепредпринимательство, основной целью которого был уход от налогов, формирование благоприятных условий для получения кредитных средств, личное обогащение. Российский бизнес развивался стремительно и хаотично, подчас незаконно и жестоко. Наступление уголовной ответственности за лжепредпринимательство определялось корыстными намерениями виновного лица. Однако, об ответственности за использование документов для регистрации фирм, не имеющих намерения осуществлять реальную экономическую деятельность, говорить было преждевременно;

- современный период характеризуется наступлением уголовной ответственности за преступления в сфере экономики в зависимости от способа со-

вершения преступления, при презюмировании корыстного интереса. На этом этапе законодатель посчитал важным и приоритетным исключить преступное влияние, оказываемое на различные сектора экономики, путем установления уголовной ответственности за незаконную процедуру регистрации юридических лиц.

Таким образом, в настоящее время, в период развития товарно-денежных отношений, укрупнения частного сектора экономики, появления новых возможностей финансово-экономической реализации, установление действенных уголовно-правовых механизмов защиты общественных отношений, связанных с регулированием экономики, в том числе на основе предыдущего отечественного опыта, является приоритетным направлением уголовно-правовой политики государства.

Первым законопроектом, предусматривающим уголовную ответственность за незаконное предоставление или использование документов для образования (создания, регистрации) юридического лица явился законопроект, представленный на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Правительством Российской Федерации.

В первоначальной редакции законопроекта предлагалось внести в текст Уголовного кодекса Российской Федерации статью 173.1 с наименованием «Образование коммерческой организации в целях совершения преступлений». В рамках данной статьи предлагалось криминализовать: образование (создание, реорганизацию) коммерческой организации; приобретение документа, удостоверяющего личность, а равно склонение к предоставлению такого документа для образования (создания, реорганизации) коммерческой организации; предоставление документа, удостоверяющего личность, а равно выдача доверенности для образования (создания, реорганизации) коммерческой организации. Обязательным признаком субъективной стороны деяний являлась цель совершения преступления: совершение одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями, другими сделками с денежными средствами или иным имуществом.

В соответствии с текстом Пояснительной записки к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» «указанные составы преступлений являются специальными по отношению к преступлениям, предусмотренным статьями 324 «Приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград», 325 «Похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия» УК РФ» [3].

В ходе рассмотрения представленного законопроекта в первом чтении возникла необходимость выделить две статьи в Уголовном кодексе Российской Федерации, тем самым разделить уголовную ответственность за незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ) и за незаконное использование документов для образования (создания, организации) юридического лица (ст. 173.2 УК РФ).

В окончательной редакции, принятой в третьем чтении Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в ст. 173.2 УК РФ было предусмотрено две части и Примечание. Часть 1 предусматривала уголовную ответственность за предоставление документа, удостоверяющего личность, или выдачу доверенности. Часть 2 предусматривала уголовную ответственность за приобретение документа, удостоверяющего личность, или использование незаконно полученных персональных данных. Обязательным признаком преступления в диспозиции ч. 1 и 2 ст. 173.2 УК РФ являлась цель совершения преступления – образование юридического лица, деятельность которого была направлена на совершение иного экономического преступления.

После поступления текста, принятого Государственной Думой Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, правовое управление подготовило заключение о соответствии текста законопроекта действующему федеральному законодательству, в том числе положениям о правах и свободах человека и гражданина. Правовые последствия принятия Федерального закона, по мнению правового управления аппарата СФ ФС РФ, заключались «в регламентации правоотношений по защите собственности от преступных посягательств, в установлении законной возможности для привлечения к уголовной ответственности лица (лиц) с момента незаконного образования юридического лица» [1].

В 2015 г. статья 173.2 УК РФ претерпела изменения. При аналогичных, в редакции статьи 2011 г., действиях, образующих объективную сторону преступления – предоставление документа, удостоверяющего личность, или выдача доверенности (ч. 1), приобретение документа, удостоверяющего личность, или использование персональных данных, полученных незаконным путем (ч. 2) – изменилась цель совершения преступления. В настоящее время уголовная ответственность для виновного лица наступает только в том случае, если будет установлено, что документы предоставлялись, приобретались для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице. В Примечании к ст. 173.2 УК РФ раскрыто понятие «приобретение документа, удостоверяющего личность». При этом понятие «поставного лица» Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит.

На практике сотрудники правоохранительных органов под «подставными лицами» понимают физических лиц, участвующих в создании юридического лица для совершения экономических преступлений, без намерения осуществлять легальную экономическую, предпринимательскую деятельность. Такие юридические лица характеризуются наличием «номинального» директора (подставное лицо), не обладающего реальными распорядительными, контрольными, хозяйственными полномочиями, проведение торговых операций осуществляется исключительно с целью создания видимости деятельности организации, существуют такие юридические лица, как правило, непродолжительный период времени. Вред от деятельности юридических лиц, зарегистрированных на «подставных лиц» исчисляется миллиардами рублей, что влечет нарушение экономических интересов личности, общества и государства.

Безусловно, для правоприменителя было бы полезно, не только закрепление в Примечании к ст. 173.2 УК РФ понятия «приобретение документа», но и понятия «подставного лица». Такая мера исключила бы ошибки квалификации на стадии предварительного расследования и способствовала «работе» нормы в сфере защиты легальной экономической деятельности.

Таким образом, принятие соответствующих изменений о криминализации незаконного использования (предоставления, приобретения) документов для образования (создания, регистрации) юридического лица явилось вполне обоснованным и необходимым решением законодателя, поскольку общественные отношения в сфере охраны и защиты экономической деятельности в целом, и собственности, в частности, требуют повышенного правового внимания. Установление уголовной ответственности за подобные деяния исключает массовое создание, так называемых «фирм-однодневок», «помоек», подрывающих легальную экономическую деятельность полноправных участников рынка, а также формирует определенное правовое сознание для лиц, стремящихся к «легкому» заработку, под угрозой привлечения к уголовной ответственности и соответствующего наказания.

Список использованной литературы

1. Заключение правового управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», принятому Государственной Думой 22 ноября 2011 года. – URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/497961-5> (дата обращения 20.03.2020 г.).

2. Ильина М.Г. Уголовно-правовые аспекты незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Г. Ильина. – Омск, 2016. – 186 с.

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Пояснительная записка к проекту федерального закона. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/497961-5> (дата обращения 20.03.2020 г.)

4. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК. URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 20.03.2020 г.)

Информация об авторе

Микова Ева Борисовна – старший преподаватель, кафедра правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: eva-mikova@mail.ru.

Author

Mikova Eva Borisovna – senior lecturer, Chair of Legal Support of National Security, Baikal State University, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, eva-mikova@mail.ru.

ПРАВА РЕБЕНКА В XXI ВЕКЕ: К ВОПРОСУ ФОРМУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА*

Ребенок это существо, нуждающееся во всесторонней поддержке со стороны не только семьи, также общества и государства. В текущий период современной жизни, тема вопроса о правах ребенка исследуется многими профессиональными юристами, которые стараются найти научные подходы к урегулированию всех тех недостатков, имеющих место в законодательстве и непосредственно влияющих на интересы ребенка. Данная статья посвящена одной из актуальных государственно-правовых проблем России. В ней представлены все аргументы, позволяющие удостовериться в актуальности указанной темы, а также и перспективе дальнейшего ее исследования.

Ключевые слова: право, детство, ребенок, права ребенка, защита прав ребенка.

V.S. Muravyev

THE RIGHTS OF THE CHILD IN THE TWENTY-FIRST CENTURY: TOWARDS THE FORMULATION OF THE LEGAL POSITION OF THE INTERNATIONAL COMMUNITY

The child was a creature that needed the full support of not only the family but also society and the State. In the current period of modern life, the issue of the rights of the child is being explored by many professional lawyers who try to find scientific approaches to resolving all those shortcomings that occur in the legislation and directly affect the interests of the child. This article is devoted to one of the current state-legal problems of Russia. It presents all arguments that make sure that the topic is relevant, as well as the prospect of further study.

Keywords: right, childhood, child, rights of the child, protection of the rights of the child.

Международные правовые акты, гражданский и семейный кодексы Российской Федерации по состоянию на текущий период времени не регламентируют точного суждения в отношении самого понятия «ребенок». Кроме этого не определяют и отрезок времени, с которого государство приступает к защите его прав и свобод. Исходя из более подробного рассмотрения действующей нормативной литературы, можно прийти к заключению о том, что Декларация прав ребенка 1959 г. делает акцент лишь только тот фактор, с которого существо будет являться ребенком. В частности, во вводной части данной Декларации

* Работа отмечена на Всероссийском конкурсе студенческих научных работ (эссе) – 2020 «Права человека и гражданина: что нас ждет в XXI веке?».

ции отражено: «Принимая во внимание, что ребенок, ввиду его физической и умственной неопытности, пребывает в стадии необходимости специальной охраны и заботы, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения...».

Статья 1 Конвенции о правах ребенка 1989 г. сформулировала, что таковым представляется каждое человеческое существо до достижения им восемнадцати летнего возраста, если по закону, применимому к этому ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее.

На самом деле, если абстрагироваться от всех менее значимых тем по поводу прав ребенка в целом, то сразу становится понятно, что дети – это генофонд нации, от которого зависит будущее нашей страны. Как бы ни хотелось это признавать, но время летит неуловимо быстро, и за это время, родители должны не только постараться вложить в ребенка все самое хорошее, доброе, воспитать и дать соответствующее образование, но при этом не забывать о соответствующих правах, некоторые из которых, их сын или дочь, приобретают с первых дней своей жизни. Об этом цитирует пункт 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации, где сформулировано, что: «Основные права и свободы человека и гражданина неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения».

В этой взаимосвязи также участвует и государство, оно играет немаловажную роль, в полной мере стараясь обеспечить защиту прав и интересов ребенка. Так как оно понимает, что дети, которые выросли в этом государстве, которое сохраняло их права, защищало их интересы, не будут стремиться уехать и навсегда покинуть свою страну, а наоборот останутся, приобретут соответствующие профессии высшего или среднего профессионального образования, трудоустроятся и будут стараться улучшить благосостояние своего государства [3, с. 192].

Здесь следует акцентировать внимание, на правовом статусе ребенка. Который представляет собой элемент особой важности. Смысл такового статуса заключается в том, что через его совокупность можно более точно установить, проанализировать весь спектр связей в рассматриваемой сфере детства и определить показатель их правовой упорядоченности.

Многие нормативно-правовые акты, регламентирующие правовое положение детей, регулирующие правовой статус ребенка, несогласованны, противоречивы. Тем не менее интерес ученых к проблеме реализации прав ребенка подтверждает ее актуальность. Доказывается необходимость разрешения противоречий для создания эффективной системы защиты и поощрения прав ребенка; изучения отличительных признаков прав ребенка как несовершеннолетнего члена семьи [1].

В нашей стране основными правовыми актами, координирующими права детей, выступают акты различного уровня [см., 4]: международные акты (например, Конвенция о правах ребенка 1989 г., которая устанавливает тридцать восемь прав, в том числе ряд прав, связанных с процессом получения образования); акты федерального уровня (в частности, Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»); акты органов государственной власти субъектов РФ и органов

местного самоуправления; локальные акты (например, уставы дошкольного образовательного учреждения, школы).

Исходя из истории создания документов закрепляющих права ребенка, также следует отметить период действия первой Декларации о правах ребенка. Озвученный международный акт был подготовлен неправительственной организацией в 1923 г. «Международным союзом спасения детей», и утвержден Ассамблеей Лиги Наций в 1924 г. городе Женеве. Целью конференции являлось привлечение ее участников не только к защите прав детства, но и к повышению качества благосостояния.

Также в 1948 г. на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН, принята Всеобщая декларация прав человека. В положениях названного документа, и в Международных пактах 1966 г., которые непосредственно затрагивали права человека, главный акцент делался и на права младшего поколения. Так закреплена формулировка «Дети являются объектом особой защиты».

20 ноября 1959 г. главным органом Организации Объединенных Наций происходит принятие Декларации о правах ребенка. Структура этого международного правового акта состояла из преамбулы и 10 принципов, сформулировавших общепризнанные меры поведения тех, кто отвечает за осуществление всей полноты прав детей. Названным актом было провозглашено: «человечество обязано давать ребенку лучшее, что оно имеет».

В дополнение 1979 год был провозглашен Генеральной Ассамблеей ООН, как Международный год детей. Данное объявление было совершенно в честь двадцатилетия принятия Декларации прав ребенка. В ознаменование грядущего события, был предложен перечень правовых инициатив. Самым примечательным было предложение выдвинутое Польшей в 1978 г. Ей было предложено проанализировать в Комиссии по правам человека ООН проект Конвенции о правах ребенка. Именно польский профессор-международник А. Лопатка являлся основоположником и автором данного проекта. Разработка текста правового акта осуществлялась 10 лет и в конечном итоге была закончена в 1989 г., ровным счетом через 30 лет после принятия Декларации о правах ребенка.

Фундаментальная основа заключалась в том, чтобы разработать такой документ о правах детей, который бы имел обязательную силу для государств – участников. Непосредственно таким международным правовым актом явилась Конвенция о правах ребенка принятая 20 ноября 1989 г. Страны – участники, которые подписали данный документ, приняли на себя правовую ответственность за действия в отношении детей. Перед государствами этого соглашения, стояла задача переработать свое законодательство, а именно должна была исключаться противоречивость их правовых актов с положениями Конвенции.

В ходе научной разработки Конвенции и после ее принятия, Генеральной Ассамблеей ООН были организованы рабочие группы, среди участников которых были организации, органы и специализированные учреждения ООН, в их функции входило привлечение внимания разных слоев общества и распространение информации о Конвенции, имеющей глобальное значение для осуществления прав человека – прав детей. На сегодняшний день в Конвенции участвуют сто девяносто три государства, включая Российскую Федерацию. Следует

добавить, что 25 мая 2000 г. к Конвенции были приняты два Факультативных протокола, подписанные более чем 150 странами мира.

11 июля 1990 г. на региональном уровне была принята Африканская хартия прав и благосостояния ребенка, вступившая в силу 29 ноября 1999 г., в которой участвуют 46 государств-членов Африканского союза.

В рамках исполнительного органа Конвенции был создан Комитет по правам ребенка, его функцией является рассмотрение направляемых один раз в пять лет докладов от государств, а также он имеет право издавать замечания общего порядка (общий комментарий, замечание общего характера). Учитывая большой объем представляемых периодических докладов, в рамках Комитета с 2010 г. организована работа двух палат, каждая из которых представлена девятью экспертами рассматривающих представленные доклады.

Текст третьего Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка Генеральная Ассамблея ООН приняла 19 декабря 2011 г., он упорядочил процедуру сообщений. Также он наделил Комитет по правам ребенка компетенцией получать индивидуальные и межгосударственные сообщения о нарушениях международно-правовых обязательств Конвенции и первых двух Факультативных протоколов к ней. В 2012 г. названный протокол открыт для подписания. 14 апреля 2014 г. Протокол вступил в силу с преимуществом в подписании в десять стран-участниц. Российская Федерация по состоянию на 1 декабря 2014 г. не участвовала в этом Протоколе. По состоянию на сентябрь 2016 г. в третьем протоколе участвуют 28 стран.

Права ребенка – это права человека, непосредственно те которые действуют для всех равным образом, безотносительно от пола, расы, национальности, языка, происхождения, и иных обстоятельств. В случаях, когда встает вопрос о правах ребенка, то под ними трактуют общечеловеческое право. Ребенок во многом обусловлен такими же правами, что и взрослый. Учитывая, что непосредственно права человека делают нас людьми. Любому ребенку обязательно знать, что ему дозволено, в связи с тем, что с юридической точки зрения, до достижения восемнадцатилетнего возраста у ребенка еще недостаточно жизненного опыта и самостоятельности для самозащиты своих прав.

В целях более подробного изложения материала, предлагаю обсудить непосредственно положение о праве ребенка выражать свое мнение при решении тех семейных проблем, которые затрагивают его интересы, а также быть заслушанным в ходе судебного или административного разбирательства. Именно этот вопрос важен к рассмотрению, потому что ребенок полностью зависит от взрослых, т.е. самостоятельно защитить себя он не способен. Очень часто это проявляется в социальном плане, а именно не застрахованность ребенка от систематического проявления агрессии со стороны взрослых. Получается, что ребенок очень уязвим, так как неблагонадежное отношение взрослых по отношению к детям, зачастую встречается в семьях.

В частности, ребенку дается возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, предметом рассмотрения которых затронуты личные интересы ребенка, однако законом, устанавливается предел достижения возраста ребенка, с наступления которого он мо-

жет быть заслушан в обязательном порядке. Такой нормой служит статья 57 Семейного кодекса РФ, постановляющая: «Ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам...».

Хотелось обратить внимание на формирующийся дисбаланс, складывающийся в связи с юридической важностью мнения ребенка при вынесении судом и органами опеки и попечительства сформулированных решений и возраста ребенка, по достижению которого он самостоятельно может сформулировать свое мнение по поводу тех вопросов, связанных с его интересами.

Во-первых, в правоприменительной базе в текущее время не раскрыт вопрос, каким образом же установить истинное мнение ребенка. Многие понимают, что зачастую мнение ребенка складывается за счет позиции родителя, с которым он проживает и который способен оказать на него психологическое давление, после чего во время рассмотрения судом вопроса о ребенке, то навязанное мнение родителем будет выдаваться за мнение самого ребенка. При постановке вопросов ребенку суду важно определить, не является ли мнение ребенка следствием воздействия на него заинтересованных лиц, осознает ли он свои собственные интересы при выражении своего мнения, как он его обосновывает и другие сложившиеся факты. Здесь нельзя исключать норму закона о том, что все эти опросы ребенка проводятся в присутствии педагога с учетом возраста и развития ребенка, в непринужденной обстановке, не допускающей влияния на него близких родственников.

Во-вторых, при постановке судебного акта по рассматриваемому делу, где должно быть учтено мнение ребенка, суд в большинстве дел действует опосредованно, поскольку во многих случаях за основу принимается заключение вынесенное органами опеки и попечительства, тем самым, допускается противоречие статье 12 Конвенции о правах ребенка, статье 57 СК РФ о праве ребенка выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Кроме того, опосредованное выяснение мнения ребенка нарушает требование ст. 67 ГПК РФ о непосредственном исследовании судом имеющихся в деле доказательств [1].

В-третьих, возникает вопрос по поводу возрастного ограничения прав ребенка, то есть, если ребенок к рассмотрению дела не достиг возраста 10 лет, но при этом, он обладает способностью выражать свои взгляды на интересующие вопросы, связанные с его правами. Ребенок обязан быть заслушан, если у суда возникнет такое мнение.

Возможность выражать свою точку зрения дана ребенку на основании того, что он имеет полное право принимать участие в решении тех семейных вопросов, касающихся непосредственно его жизни, то есть он может донести свое мнение до своих членов семьи по любому вопросу, который затрагивает его интересы.

Подводя итог, изучив права ребенка с помощью нормативно правовых актов, указанных мною выше, представляется, что основными и более актуальными являются: право ребенка жить и воспитываться в семье; право ребенка на общение с родителями и другими родственниками; право ребенка на защиту; право ребенка выражать свое мнение; имущественное право ребенка.

Все дети, и в отдельности каждый из них имеет право: на имя и на приобретение гражданства; право знать своих родителей и право на их заботу; жить без разлуки со своими родителями, за редкими случаями, когда компетентные органы, посредством судебного акта, определяют, что такое разлучение допустимо для сохранения прав и интересов ребенка; формулировать свои личностные взгляды по всем направлениям, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка проецируется особое внимание; незаурядно выражать свое мнение; это право определяет свободу искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода; на свободу мышления, совести и отношения к религии; на свободу ассоциаций и независимость мирных собраний.

Определенно, ни один ребенок не должен быть объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, или незаконного посягательства на его честь и репутацию.

Признавая самостоятельным субъектом права ребенка, мы должны обеспечить ему, такие условия жизни, в которых будет расти, и развиваться самостоятельная личность, в которых будут соблюдаться его права, свободы, и тем самым будет происходить защита детей от тех негативных факторов, которые пагубно влияют на их физическое и духовное развитие.

Действующие нормативно-правовые акты также стараются регулировать семейные отношения, то есть исходят из необходимости укрепления семьи, в стенах которой будет формироваться становление личности. В этой связи, если ребенок с самого детства будет знать свои права, то ему удастся осуществить все цели, которые он для себя выделит в качестве основных, несмотря на то, испытывал ли он в детстве какие-либо трудности или нет. Из чего следует вывод, что права ребенка должны защищать его от жестокого отношения со стороны тех людей, которые относятся к нему пренебрежительно и не уважают его права, именно эти действия могут привести к замкнутости и неуверенности несовершеннолетнего ребенка и в дальнейшем повлиять на образ мыслей и действий общества в целом [6, с. 55].

Список использованной литературы

1. Максимович Л.Б. Право ребенка выражать свое мнение: содержание и границы / Л.Б. Максимович // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 6. – С. 4–6.
2. Осипова Т.В. Актуальность проблемы прав ребенка и его защиты / Т.В. Осипова, Ж.Г. Почивалова, О.В. Коляда // Вестник Южно-Уральского Государственного Университета. – 2018. – Т. 10. – № 4. – С. 6–14.
3. Приходько Т.В. Действие прав человека в форме субъективных прав / Т.В. Приходько // Актуальные проблемы теории и практики правотворчества и

правоприменения (к 20-летию юридического образования в БГУЭП). – Иркутск, 2015. – С. 191–194.

4. Статья по правам ребенка от 16 августа 2016 г. – URL: <https://minjust.ru/ru/press/news/statya-po-pravam-rebenka> (дата обращения 17.04.2020 г.).

5. Татаринцева Е.А. Субъектный состав правоотношений по фактическому воспитанию ребенка в свете требований международных стандартов / Е.А. Татаринцева // Семейное и жилищное право. – 2017. – № 3. – С. 18–22.

6. Чуксина В.В. Глобализация, права человека и обязанности государства / В.В. Чуксина // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2010. – № 6. – С. 55.

Информация об авторе

Муравьев Владислав Сергеевич – студент, кафедра правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: muravevvs@mail.ru.

Author

Muravyov Vladislav Sergeevich – student, Department of Legal Support of National Security, Baikal State University, Irkutsk, Lenin Str., 11, e-mail: muravevvs@mail.ru.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Целью работы является исследование правовых аспектов обеспечения экономической безопасности личности в условиях цифровизации сферы здравоохранения, в том числе выявление проблем и основных источников угроз в данной области. Авторами проанализированы нормативно-правовые документы, в которых законодательно закреплены системы понятий, процессов принятия решений по информатизации и цифровизации здравоохранения. Показаны тенденции, отражающие состояние системы здравоохранения Иркутской области и выделены угрозы, препятствующие ее цифровизации на уровне региона. Приведен перечень мер по цифровизации здравоохранения, которые запланированы для выполнения на региональном уровне. Показано, что информатизация российского здравоохранения не предусматривает методов общественного контроля российского здравоохранения.

Ключевые слова: экономическая безопасность, экономическая безопасность личности, цифровизация, информатизация, здравоохранение, Иркутская область.

F.S. Nefediev
L.V. Sanina

LEGAL ASPECTS OF SECURITY ECONOMIC SECURITY PERSONALITY IN THE CONDITIONS OF DIGITAL HEALTHCARE

The aim of the work is to study the legal aspects of ensuring the economic security of a person in the context of digitalization of the healthcare sector, including the identification of problems and the main sources of threats in this area. The authors analyzed the regulatory documents in which the system of concepts, decision-making processes on the informatization and digitalization of health care are legislatively fixed. Trends are shown that reflect the state of the healthcare system of the Irkutsk region and threats are identified that impede its digitalization at the regional level. A list of health digitalization measures that are planned to be implemented at the regional level is provided. It is shown that informatization of Russian healthcare does not provide for methods of public control of Russian healthcare.

Keywords: economic security, economic security of an individual, digitalization, informatization, healthcare, Irkutsk region.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что здоровье всегда являлось главной человеческой ценностью. На его сохранение, поддержание и в

случае необходимости лечение человек готов тратить значительные средства, поскольку от этого зависит его существование. В условиях пандемии, которую мы переживаем, очевидно, что на такие составляющие национальной безопасности как обороноспособность и экономическая безопасность страны значительное влияние оказывает эффективность и «боеготовность» системы здравоохранения.

Поскольку обеспечение национальной и экономической безопасности государства это функции, прежде всего, государственных органов управления, то стала очевидной необходимость принятия экстренных мер для поддержания работы учреждений здравоохранения, особенно в сельской местности. Вне форс-мажорных обстоятельств эффективность лечения во многом зависит от профилактической работы, правильной постановки диагнозов, подобранных лекарственных средств, необходимых для выздоровления или поддержания состояния. Зачастую это значительные затраты, которые влияют на экономическую безопасность личности, но не всегда дают оздоровительный эффект.

Под экономической безопасностью личности исследователями понимается состояние, при котором личности гарантируются законные права и свободы, в том числе и в сфере здравоохранения и защита личных жизненных интересов от рисков и угроз [3, с. 132; 12, с. 55]. Можно говорить о том, что экономическая безопасность личности предполагает разработку и реализацию мер, направленных на обеспечение жизни граждан образованием, занятостью, информацией, защитой личных сбережений, благоприятными экологическими условиями и медицинским обслуживанием в системе здравоохранения страны.

В настоящее время перед системами здравоохранения во многих странах остро встал ряд вопросов, касающихся старения населения и высокой, имеющей тенденцию постоянного роста стоимости медицинской помощи. По мнению ряда экспертов, цифровое преобразование отрасли здравоохранения является эффективным требованием при решении данной проблемы, но не панацеей от всех проблем здравоохранения, поскольку традиционно человек свое здоровье не может доверить новому, пусть дорогостоящему и умному оборудованию [2; 4–6]. Необходим эмоциональный и интеллектуальный контакт с лечащим врачом. В то же время применение таких технологий, как: автоматизация операционных алгоритмов, процессов и протоколов диагностики и лечения, применение статистических методов анализа на основе клинических показателей пациентов, использование инструментов телемедицины, внедрение сбора данных о работе медицинских учреждений в электронном виде, внедрение онлайн и мобильных приложений может помочь врачам обеспечить население более качественным медицинским обслуживанием [1; 10; 13].

9 мая 2017 г. Президент РФ указом № 203 утвердил «Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.», где закрепил понятие «цифровая экономика», т.е. хозяйственную деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудо-

вания, хранения, продажи, доставки товаров и услуг. Приказом Минкомсвязи РФ № 120 от 16.03.2017 г. «О создании межведомственной рабочей группы при Министерстве связи и массовых коммуникаций РФ по подготовке проекта программы «Цифровая экономика» была создана рабочая группа. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает на период до 2025 г. 8 направлений работы и преследует основную цель – переход на качественно новый уровень использования информационных технологий во всех отраслях социально-экономической деятельности, в том числе в цифровом здравоохранении. Перед цифровым здравоохранением, в свою очередь поставлены три основные задачи: 1) создание новых способов документации, баз данных о пациентах, доступа к этим данным; 2) применение информационных систем для лечения пациентов и внедрение телемедицины (т.е. дистанционное наблюдение за здоровьем пациента, проведение телемедицинских консультаций – востребованное в условиях пандемии); 3) применение математических методов и искусственного интеллекта для обработки медицинских данных.

Основные общественные и экономические эффекты от цифровизации здравоохранения должны состоять в предотвращении и снижении потерь трудовых ресурсов страны, находящихся в зависимости от заболеваемости населения, временной утраты трудоспособности граждан, уровня необоснованной летальности и сокращения сроков острых и хронических заболеваний. В настоящее время принято несколько различных нормативно-правовых актов, в которых указано, какие меры нужно предпринять в части цифровизации здравоохранения (табл. 1).

Таблица 1

Перечень и краткая характеристика основных нормативно-правовых актов, затрагивающих цифровизацию здравоохранения

Документ	Характеристика
Приказ Минздравсоцразвития России от 28.04.2011 г. № 364 «Об утверждении Концепции создания единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения» в редакции Приказа Минздравсоцразвития России от 12.04.2012 г. № 348	Определяет цель, принципы, архитектуру и этапы создания единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (далее – ЕГИСЗ), механизм управления и ресурсного обеспечения ее создания и сопровождения, а также ожидаемый социально-экономический эффект
Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения», утв. постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 294, в редакции постановлений Правительства РФ от 31.03.2017 г. № 394 г. и от 07.05.2017 г. № 539	Предполагает улучшение здоровья населения и показателей деятельности организаций здравоохранения на основе постоянной модернизации технологической базы отрасли, развития медицинской науки и образования, улучшения кадрового состава, внедрения информационных технологий и современных стандартов управления
План мероприятий (Дорожная карта) по развитию Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения, утв. Постановлением Правительства от 01.04.2016 г. № 559-р	Направлен на повышение результативности деятельности контрольно-надзорных органов, в том числе посредством внедрения риск-ориентированного подхода для организации и при осуществлении данного вида деятельности

Документ	Характеристика
Концепция региональной информатизации, утв. распоряжением Председателя Правительства РФ Д.А. Медведевым от 29.12.2014 г. № 2769-р	Устанавливает основные цели и направления деятельности по использованию информационно-коммуникационных технологий в субъектах Российской Федерации
Приоритетный проект «Совершенствование процессов организации медицинской помощи на основе внедрения информационных технологий» («Электронное здравоохранение»), утв. Председателем Правительства РФ Д.А. Медведевым, протокол от 25.10.2016 г. № 9	Ставит задачей обеспечение в учреждениях здравоохранения ведения медицинской документации в электронном виде и интеграцию с ЕГИСЗ для реализации электронных услуг в личном кабинете пациента «Мое здоровье» на едином портале государственных услуг
Паспорт национального проекта «Здравоохранение», утв. решением президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24.12.2018 г.	Включает федеральный проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ)». Запланировано к 2024 г. внедрение системы автоматизированного управления льготным лекарственным обеспечением и выписки электронных рецептов. В личном кабинете пациента «Мое здоровье» будут доступны запись к врачу и на диспансеризацию, подача заявления на полис, медицинские документы независимо от региона, где находится пациент, будет внедрен юридически значимый электронный документооборот и пр.
Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490	Предполагает использование технологий искусственного интеллекта в сфере здравоохранения, в том числе для профилактических обследований, диагностики на основе анализа изображений, прогнозирования возникновения и развития заболеваний, подбора оптимальных дозировок лекарственных препаратов, сокращения угроз пандемий, автоматизации и точности хирургических вмешательств

Документы, перечисленные в табл. 1 были созданы в разное время и под влиянием отличающихся приоритетов, поэтому может получиться так, что, осуществляя мероприятия информатизации по одному из документов будет проигнорирован или нарушен другой, который также никто не отменял. Проанализировав эти нормативные документы, мы разделяя мнение С.П. Ковалева, П.В. Сорокалетова, приходим к выводу, что «...у регулятора здравоохранения в настоящее время нет ясного понимания принципов и современных способов использования преимуществ цифровых технологий. Методы общественного контроля в ЕГИСЗ не предусмотрены, модели контроля и регулирования системы российского здравоохранения во многом остаются заложниками бумажного документооборота и слабо соотносятся с современными научными парадигмами в области управления сложными социально-экономическими системами» [8].

Можно выделить основные перспективные проекты, оказывающие влияние на обеспечение экономической безопасности личности в сфере здравоохранения (табл. 2).

Таблица 2

Перспективные проекты цифрового здравоохранения

Проект	Основные цели
Искусственный интеллект	Повышение точности диагностики; повышение скорости разработки и выпуска новых лекарств; анализ взаимосвязи между методами профилактики или лечения и результатами лечения пациентов
Система поддержки принятия врачебных решений	Информационное сопровождение врача при обследовании пациента, снижение допущения врачебных ошибок, повышение качества оказываемой медицинской помощи
Электронный документооборот в здравоохранении	Автоматизация процессов управления медицинским учреждением и предоставления медицинских услуг; обеспечение медицинского персонала сертификатами ключей проверки электронных подписей, необходимыми для ведения медицинской документации в электронной форме
Портал «Мое здоровье»	Запись на прием к врачу онлайн; получение проверки ОМС; возможность просмотра электронной медицинской карты; вызов врача на дом
Проект «Создание единого цифрового контура»	Рост эффективности функционирования системы здравоохранения путем создания механизмов взаимодействия медицинских организаций на основе ЕГИСЗ и внедрения цифровых технологий и платформенных решений, формирующих единый цифровой контур здравоохранения

Ниже приведен перечень мероприятий, которые необходимо выполнить на региональном уровне и каким руководящим документом они предусмотрены (табл. 3).

Таблица 3

Перечень мероприятий по цифровизации здравоохранения, запланированных для выполнения на региональном уровне

Перечень мероприятий	Концепция создания ЕГИСЗ	Госпрограмма «Развитие здравоохранения»	Дорожная карта развития ЕГИСЗ	Электронное здравоохранение	Концепция региональной информатизации
1	2	3	4	5	6
Оснащение МО компьютерной техникой					
Развитие каналов связи, подключение МО к сети Интернет, подключение региональных сегментов к федеральному ЦОДу					
Ведение юридически значимого электронного документооборота, использование электронной подписи					
Запись к врачу через Интернет					

Перечень мероприятий	Концепция создания ЕСГИЗ	Госпрограмма «Развитие здравоохранения»	Дорожная карта развития ЕГИСЗ	Электронное здравоохранение	Концепция региональной информатизации
1	2	3	4	5	6
Внедрение систем поддержки принятия врачебных решений, создание и внедрение экспертных систем					
Внедрение автоматизированных рабочих мест врача, ведение электронной медицинской карты (ЭМК), комплексная автоматизация МО					
Автоматизация лекарственного обеспечения, внедрение электронных рецептов					
Автоматизированный контроль качества медицинской помощи, поддержка медицинских стандартов					
Автоматизация диагностического оборудования, создание сервисов для хранения результатов диагностического обследования					
Телемедицина, дистанционные медицинские консультации					
Стимулирование внедрения медицинских информационных систем (МИС) в деятельности МО					
Автоматизация скорой медицинской помощи и внедрение ГЛОНАСС					
Интеграция с федеральными сервисами ЕГИСЗ и другими федеральными ИС					

Ключевыми задачами для сферы здравоохранения Иркутской области является предупреждение заболеваний, увеличение продолжительности жизни населения, а также избавление от страданий, вызванных различными болезнями. Показатели заболеваемости и смертности дают возможность оценить качество и эффективность работы системы здравоохранения, определить ведущие заболевания, влекущие к инвалидности и смертельным исходам и приоритетные направления для выделения резервов. Рассмотрим основные проблемы, наблюдающиеся в системе здравоохранения Иркутской области.

Работа по оптимизации и реорганизации медицинских организаций Иркутской области привела к их сокращению за 18 лет на 60 %. В Иркутской области имеются труднодоступные для своевременного оказания медицинской помощи районы. Около 1 200 населенных пунктов, в которых постоянно проживают люди, расположена в более чем 20 км от медицинских организаций. Зимняя дорога к некоторым из них доступна 4–5 месяцев в году, в остальное

время для оказания экстренной медицинской помощи используется авиация, ее востребованность ежегодно увеличивается.

Устаревшая материально-техническая база медицинских организаций, которая нуждается по санитарно-эпидемиологическими требованиями и порядками оснащения в модернизации.

Чрезмерная загруженность поликлиник областного центра, которые преимущественно расположены в приспособленных зданиях и помещениях. По типовым проектам в г. Иркутске построены 11 % поликлиник.

Высокая смертность людей трудоспособного возраста, при этом смертность мужчин в 3,3 раза превышает смертность женщин трудоспособного возраста. Чаще других в причинах смертности фигурируют болезни системы кровообращения, новообразования, несчастные случаи, травмы, отравления.

Уровень общей заболеваемости населения Иркутской области превышает российский показатель на 16 %, показатель первичной заболеваемости – на 27 % (ведущее место занимают болезни органов дыхания, системы кровообращения и костно-мышечной системы).

В регионе высокие показатели ВИЧ-инфицированных, заболевших туберкулезом, употребляющих алкоголь и спиртосодержащие вещества.

Снижение численности населения и рождаемости, что иллюстрирует табл. 4.

Таблица 4

Динамика демографических показателей Иркутской области в 2008–2020 гг.

Годы	Все население, чел.	Родившихся, чел.	Умерших, чел.	Естественный прирост (убыль), чел.	Коэффициент естественного прироста на 1 000 чел. населения
2008	2 455 410	37 548	35 359	2 189	0,89
2009	2 448 287	38 073	34 898	3 175	1,30
2010	2 440 391	36 935	35 105	1 830	0,75
2011	2 427 954	37 110	33 910	3 200	1,32
2012	2 424 355	38 555	33 639	4 916	2,03
2013	2 422 026	37 908	33 033	4 875	2,01
2014	2 418 348	36 856	33 127	3 729	1,54
2015	2 414 913	36 904	32 903	4 001	1,66
2016	2 412 800	35 579	32 332	3 247	1,35
2017	2 408 901	32 253	31 032	1 221	0,51
2018	2 404 195	30 847	31 369	–522	–0,22
2019	2 397 763	28 258	31 553	–3 295	–1,37
2020 (прогноз)	2 391 193	27 243	31 574	–4 331	–1,81

Источник: составлено по данным [11].

Низкая обеспеченность медицинскими работниками, прежде всего, врачами в районах региона (в г. Иркутск не более 60 %), при этом квалификация врачей в области снижается [7]. Недостаточную укомплектованность врачебными кадрами можно увязать с введением порядков оказания медицинской по-

мощи и дефицитом медицинских кадров (приток в отрасль молодых специалистов незначительный из-за недостаточного уровня материальных и профессиональных перспектив работы в системе здравоохранения). Поэтому врачам приходится работать с повышенной нагрузкой, не на одну ставку, отчего качество медицинской помощи не становится лучше.

Таким образом, угрозы цифровизации здравоохранения Иркутской области следующие:

- неэффективное использование недостаточного финансирования государственной системы здравоохранения на всех уровнях управления сферой здравоохранения;

- чрезмерная загруженность и недостаточная квалификация медицинских кадров в работе с новыми технологиями оказания врачебной помощи, особенно в сельской местности;

- сокращение первичного звена здравоохранения и несовершенная и устаревшая инфраструктура действующих учреждений, оказывающих медицинскую помощь населению региона.

При этом система государственного управления, ставя перед собой цели и выделяя на них значительные ресурсы, зачастую не сопровождает их четкими и своевременными решениями, составляющими основу механизмов реализации любого проекта. На наш взгляд необходим не только государственный, но и общественный контроль за объемом и качеством оказываемых медицинских услуг, несоответствием достигнутых результатов расходам. Отдельного внимания заслуживают вопросы обеспечения защиты данных пациентов, каналов учреждений здравоохранения и передаваемой информации. Часть информации, попадающая под защиту по федеральному закону № 152-ФЗ от 27.07.2006 г. «О персональных данных» естественно не может быть раскрыта публично. Для осуществления общественного контроля это не потребует, поскольку цифровые технологии способны «обезличивать» данные, переводя их из категории электронной карты конкретного пациента в категорию абстрактной статистической единицы. Так, например, возможно на основе статистической информации составлять карты, показывающие уровень внутрибольничных инфекций или смертельных случаев из-за медицинских ошибок [8; 9]. На сегодняшний день, большая часть информации, содержащихся в отчетах учреждений здравоохранения носит ведомственный и закрытый характер, что в определенной степени лишает пациента права выбора места лечения.

Изучив угрозы, можно говорить о необходимости трансформации методов управления в системе здравоохранения для соответствия меняющимся внешним условиям и повышения качества жизни населения региона. Такая задача, в свою очередь позволит людям, живущим в Сибири и на Дальнем Востоке делать выбор в пользу сохранения места проживания в данных регионах, обеспечивая геополитические интересы страны, отражающиеся на национальной безопасности российского государства.

Стоит отметить, что существующее качество оказания медицинских услуг значительно отражается на уровне экономической безопасности личности, поскольку на постановку диагноза и лечение, к сожалению, порой неэффективное,

пациентам приходится тратить значительные средства. Многие эксперты, пациенты, да и сами врачи отмечают, что сегодня здравоохранение иногда больше похоже на бизнес, когда недобросовестные «лекари» зарабатывают на проблемах со здоровьем простых людей, особенно тяжелобольных, дискредитируя профессию, людей в белых халатах, дававших клятву Гиппократата. С другой стороны, не приходится надеяться на альтруизм медиков, ведь они также должны жить и работать, обеспечивая в свою очередь экономическую безопасность своей личности и права на достойную оплату своего квалифицированного труда, поэтому государственное регулирование данной сферы призвано достичь баланса интересов как врачей, так и пациентов.

Список использованной литературы

1. Автоматизация медицинских организаций и сервисы для здравоохранения // Комплексные медицинские информационные системы : офиц. сайт. – URL: <http://www.kmis.ru> (дата обращения: 30.03.2020 г.).
2. Березной А.В. «Цифровая революция» и инновационные бизнес-модели в здравоохранении: глобальные тренды и российские реалии / А.В. Березной, Р.Т. Сайгитов // Вестник РАМН. – 2016. – № 71 (3). – С. 200–213.
3. Богомолов В.А. Введение в специальность «Экономическая безопасность» : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» / В.А. Богомолов. – Москва : Юнити-Дана, 2015. – 279 с.
4. Воронцов И.М. Здоровье. Опыт разработки и обоснование применения автоматизированных систем для мониторинга и скринирующей диагностики нарушений здоровья / И.М. Воронцов, В.В. Шаповалов, Ю.М. Шерстюк. – Санкт-Петербург : ООО «ИПК «Коста»Б, 2016. – 432 с.
5. Гусев А.В. Рынок медицинских информационных систем: обзор, изменения, тренды / А.В. Гусев // Врач и информационные технологии. – 2017. – № 3. – С. 5–15.
6. Егоров Н.В. Диагностические информационно-экспертные системы / Н.В. Егоров, А.Г. Карпов. – Москва : Вильямс, 2016. – 220 с.
7. Кадровая обеспеченность медицинских организаций Иркутской области // Газета Иркутск : офиц. сайт. – Иркутск, 2020. – URL: <https://www.gazetairkutsk.ru/health/kadrovaya-obespechennost-meditsinskih-organizatsij-irkutskoj-oblasti> (дата обращения: 25.03.2020 г.).
8. Ковалев С.П. Реализация государственного контроля и регулирования здравоохранения при переходе к цифровой экономике / С.П. Ковалев, П.В. Сороколетов // Управленческое консультирование. – 2018. – № 4. – С. 25–30.
9. Котиков П.Е. Некоторые аспекты обеспечения безопасности медицинских данных в системах их хранения / П.Е. Котиков, А.А. Тихомирова // Педиатр. – 2017. – № 22. – С. 165–170.
10. Лясников Н.В. Цифровые технологии в здравоохранении как инновационный вектор развития отрасли: телемедицина / Н.В. Лясников, Ш.Б. Хамбазаров // Креативная экономика. – 2017. – Т. 11. – № 11. – С. 1231–1240.

11. Министерство здравоохранения Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <https://www.gosminzdrav.ru> (дата обращения: 29.03.2020 г.).

12. Орехов В.И. Экономическая безопасность современной России в условиях кризиса / В.И. Орехов, Т.Р. Орехова, О.В. Карагодина ; под науч. ред. Т.Р. Ореховой. – Москва : Инфра-М, 2014. – 105 с.

13. Радченко С.В. Информационные технологии поддержки принятия врачебных решений / С.В. Радченко // Информационные технологии в здравоохранении. – 2018. – № 3. – С. 13–14.

14. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области : офиц. сайт. – URL: <http://irkutskstat.gks.ru> (дата обращения 15.03.2020 г.).

Информация об авторах

Нефедьев Федор Сергеевич – студент, кафедры мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: fedyabest1@mail.ru.

Санина Людмила Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент, кафедры мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: glv2010@yandex.ru.

Authors

Nefedyev Fedor Sergeevich – student, Chair of World Economy and Economic Security, Baikal State University, 11, Lenin str., Irkutsk, e-mail: fedyabest1@mail.ru.

Sanina Lyudmila Valerievna – PhD in Economics, Associate Professor, Chair of World Economy and Economic Security, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, e-mail: glv2010@yandex.ru.

СООТНОШЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ИНТЕРЕСОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматривается соотношение обеспечения прав человека и интересов национальной безопасности. Исследуются нормативные акты различных государств, закрепляющие положения, касающиеся этих вопросов. Автор изучает соотношение понятий «национальная безопасность», «право на безопасность» и «права человека». Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия оппозиционной деятельности и интересов национальной безопасности. Для этого анализируются положения конституций зарубежных государств, закрепляющие институт цензуры. Автор исследует соотношение соблюдения прав иностранных граждан и национальной безопасности. В условиях террористической угрозы рассматриваются проблемы обеспечения безопасности и возможности изменения законодательства в интересах национальной безопасности, анализируются решения ЕСПЧ.

Ключевые слова: национальная безопасность, права человека, право на безопасность, цензура, иностранные граждане, терроризм.

Е.К. Popova

THE RELATIONSHIP BETWEEN RESPECT FOR HUMAN RIGHTS AND THE NATIONAL SECURITY INTERESTS

The article presents the relationship of human rights and the national security interests. It explores the regulatory acts of different countries, fixing the provision about these issues. The author studies the correlation of the concepts of «national security», «the right to security» and «human rights». Particular attention is paid to the interaction of the opposition activities and the national security interests. To do this, the article analyzes the provisions of foreign constitutions, fixing the institution of censorship. The author explores the relationship between respect for the rights of foreign citizens and national security. In the context of the terrorist threat, it considers the problems of ensuring security and the possibility of changing legislation in the national security interests, analyzes the decisions of the ECHR.

Keywords: national security, human rights, the right to security, censorship, foreign citizens, terrorism.

Вопросы национальной безопасности сохраняют свою актуальность с момента образования первых государств и остаются в числе основных в современном мире. Угрозы безопасности приобретают новые формы. Для их предотвращения требуются комплексные меры и системный подход. Решение проблем обеспечения национальной безопасности и соблюдение прав и свобод че-

ловека является одним из основных интересов любой цивилизованного государства.

Однако в современных реалиях все более явным становится противоречие между созданием условий национальной безопасности и обеспечение личной безопасности человека, включая его права и свободы. Цель государств – найти баланс между интересами национальной безопасности и защитой прав человека. Для реализации этой цели необходимо руководствоваться принципом разумной достаточности, т.е. государство должно использовать такие средства, которые позволяют достичь цели с наименьшим ограничением прав [7].

Ряд международных конвенций, которые ратифицированы, в том числе и в РФ, устанавливают общепризнанные и универсальные права, которыми обладает любой человек, вне зависимости от его пола, национальности, религиозных убеждений и т.п. Следовательно, соблюдение и обеспечение этих прав является не только делом одной конкретной страны, но и всех государств-участников, вступивших в данные международные договоры.

Проанализировав российское законодательство, можно сделать вывод, что национальная безопасность и права и свободы человека тесно связаны между собой. Так, политика национальной безопасности, в широком смысле, служит для охраны прав и свобод, потому что, в свою очередь, права и свободы человека являются одним из объектов данной политики.

Одна из основных проблем проявляется в несовершенстве юридических механизмов, которые призваны служить для реализации самих прав и гарантий их защиты.

Право на безопасность не направлено на получение материального блага, поэтому его реализация обладает своей спецификой.

Данное право состоит из следующих элементов:

- возможности действовать для обеспечения собственной безопасности;
- иметь соответствующий уровень жизни, обеспечиваемый правом на безопасность;
- гарантий безопасности от незаконных действий других лиц и публичных органов;
- возможность прибегнуть к защите своего права, обеспечиваемого государственным принуждением.

Механизм обеспечения прав личности в системе национальной безопасности призван обеспечить качественное состояние личности, чувствующей себя в безопасности, как на территории Российской Федерации, так и находясь за ее пределами [4, с. 410].

Так как любое право может быть ограничено в интересах обеспечения национальной безопасности, то основная сложность заключается в том, чтобы определить, где проходит грань между дозволенным отступлением от соблюдения прав и злоупотреблением этим дозволением.

В этом контексте интересен вопрос, может ли быть оправдана борьба с оппозиционной деятельностью в целях обеспечения национальной безопасности?

Конституции многих демократических стран, в том числе и Российской Федерации, закрепляют равенство прав и свобод человека и гражданина, идео-

логический и политический плюрализм. И не в одной из них не содержится прямого ограничения прав и свобод субъектов оппозиционной деятельности. Однако косвенных средств для борьбы с данными субъектами вполне достаточно, в частности, подобные нормы обычно носят оценочный характер и включают в себя различные субъективные критерии [6, с. 31].

Институт цензуры получает все больше не только неофициальное, но и официальное закрепление. Об этом свидетельствует, например, появление статей об оскорблении чувств верующих и внесение поправок в КоАП, устанавливающих ответственность за неуважительное высказывание о власти в публичных местах. О формальном характере критики говорит и развитая среди журналистов практика самоцензуры [3].

И в самих конституциях демократических государств наряду с закреплением свободного выражения своих идей и взглядов регламентируются и ситуации, когда это право может быть ограничено. Так, Конституции Мальты и Лихтенштейна устанавливают, что свобода выражения мнений ограничивается из соображений соблюдения нравственности, охраны общественного здоровья, обороны страны, защиты неприкосновенности парламентариев, охраны общественного порядка, территориальной целостности страны, защиты репутации или прав других людей, предотвращения раскрытия доверительно полученной информации, поддержания авторитета и независимости судов. Конституция Доминики добавляет пункт об общественном спокойствии и общественной безопасности и порядке, а Конституция ФРГ предусматривает ограничения прав в интересах защиты демократического строя.

В Норвегии явное не подчинение устоям религии и морали является условием, при котором возможно ограничение свободы прессы. Конституция Японии предусматривает, что в целях охраны морали может быть ограничено право на получение и распространение информации. В Италии даже избирательные права могут ограничиваться вследствие недостойного поведения, что является оценочной конструкцией, применяющейся на усмотрение органов, обладающих властными полномочиями. А на активное избирательное право Дании в отдельных случаях может влиять мнение общественности.

Вопросы национальной безопасности тесно связаны с соблюдением прав иностранных граждан.

Российское законодательство в области миграционной политики претерпевает достаточно частые изменения, а его нормы закреплены в достаточном количестве нормативно-правовых актов, что свидетельствует о его некодифицированном характере.

С.Ю. Андрейцо и Р.Б. Булатов считают, что развитию такого законодательства будут способствовать меры антидискриминационной направленности, совершенствование концепции миграционной политики, изменение двухуровневой системы предоставления статуса беженцев, закрепление различных категорий иностранных работников, введение таких понятий как «член семьи иностранного гражданина», «вынужденная миграция» и т.п., закрепление дополнительных мер по противодействию торговле людьми [1, с. 43].

Также следует обратить внимание на проблемы применения административной и уголовной ответственности за нарушения в области миграции. Несмотря на то, что для работодателей, принимающих на работу незаконных мигрантов, предусмотрены законом серьезные штрафы, как показывает практика, зачастую санкции применяются только в отношении иностранных работников.

Вопросы соотношения обеспечения прав человека и интересов национальной безопасности решает в своей деятельности и Европейский Суд по правам человека. Подход ЕСПЧ индивидуален в каждом отдельном случае и зависит также и от обстановки складывающейся в мире. Это можно проследить на примере являющейся актуальной угрозы международного терроризма и принятых в ряде стран Европы запрет на ношение хиджаба и паранджи. Так, в 2014 г. по делу *S.A.S. v. France* Суд принял решение, что в данном случае общественный интерес, который заключается в позволении мирно уживаться разным религиям, в законах Франции соблюдается. ЕСПЧ отметил, что данное законодательство призвано обеспечить и защитить взаимодействие индивидуума и общества, толерантность и широкие взгляды.

Однако позиция ЕСПЧ до 11 сентября 2001 г. отличалась, можно прийти к этому выводу, проанализировав решение по делу *ArslanvsTurkey*. Тогда Суд постановил, что секуляризм не может накладываться ограничения на проявление религиозных чувств, в частности, на ношение определенной одежды в общественных местах.

Однако стоит отметить, что любое постановление ЕСПЧ образует общую практику данного органа, которая является не только применением, но и толкованием норм Европейской конвенции. И каждое постановление ЕСПЧ свидетельствует о том, что сама Конвенция является «живым» документом, учитывающим общественный интерес в существующих реалиях [5, с. 197].

Одной из дискуссионных тем, обсуждаемых в международном юридическом сообществе в связи с изучением практики ЕСПЧ, является несение ответственности информаторами, разгласившими сведения, признаваемые государственной тайной и иной секретной информацией. Согласно решениям ЕСПЧ, применение санкций за обнародование подобной информации, зависит от того, пропорционален ли ущерб, причиненный раскрытием информации, и общественный интерес, защищаемый этим раскрытием.

Выделяется три подхода, которые применяются в странах Европы в отношении информаторов. Первый подход устанавливает полный запрет на разглашение информации, содержащей какие-либо секретные сведения. Второй – предполагает, что сотрудник подлежит ответственности только в том случае, если общественный интерес в информации превышает соображения национальной безопасности. Для третьего подхода характерна защита от санкций, если действия информатора не подпадают под признаки преступления, закрепленного законодательно в закрытом перечне, исключающем расширительное толкование [2, с. 65].

Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» еще одно подтверждение, что обеспечение национальной безопасности тесно связано с защитой основных прав и свобод человека и гражданина. Дан-

ный закон направлен не только на сотрудничество государства с различными организациями, как на внутреннем, так и на международном уровне, в целях предотвращения террористических акций, но направлен на помощь жертвам, подвергшимся террористическим нападениям.

В научной литературе выделяются следующие категории жертв:

- 1) непосредственные жертвы терактов;
- 2) жители, пострадавшие в результате терактов;
- 3) мирные жители, пострадавшие в результате борьбы с терроризмом;
- 4) военнослужащие, участвующие в ликвидации террористических групп;
- 5) граждане, которых эскалация насилия превратила в заложников террористов.

Каждая категория имеет свои особенности по восстановлению нарушенных прав. Следовательно, методы, средства, приемы и иные формы помощи в каждом случае должны быть различными. Поэтому для государства важно выработать тактику реабилитации, которая сможет задействовать наиболее обширное количество сфер и областей для оказания поддержки пострадавшим. Такая помощь может заключаться как в оказании юридических услуг и выплате материальных компенсаций, так и в мерах морального, психологического и иного медицинского характера.

Таким образом, можно сделать вывод, что прав и свободы человека могут быть ограничены в интересах национальной безопасности, но только с учетом принципа пропорциональности. Согласно этому принципу, средства должны соответствовать характеру и не превышать необходимых мер для достижения поставленных задач.

Нельзя не отметить, что обеспечение национальной безопасности должно осуществляться во взаимосвязи с правом каждого человека на безопасность, необходимую для реализации его неотъемлемых прав. Национальная безопасность и защита прав человека имеют общий интерес, поэтому деятельность по обеспечению одного из этих направлений не должна противоречить деятельности, осуществляемой во второй сфере. Государство должно заботиться о соблюдении разумного баланса между обеспечением защиты прав человека и интересами национальной безопасности.

Список использованной литературы

1. Андрейцо С.Ю. О некоторых проблемах защиты конституционных прав и свобод иностранных граждан в современной России / С.Ю. Андрейцо, Р.Б. Булатов // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 8. – С. 42–45.

2. Гончарова С.Г. Защита прав человека как необходимое условие национальной безопасности / С.Г. Гончарова // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. – 2014. – № 3. – С. 60–70.

3. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2006 год // Российская газета. – 2007. – 13 апр.

4. Канина Ю.С. Механизм обеспечения прав человека в системе национальной безопасности / Ю.С. Канина // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2008. – № 4 (60). – С. 408–411.

5. Кравчук Н.В. Европейская система защиты прав человека и национальная безопасность / Н.В. Кравчук // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 2018. – № 3. – С. 196–201.

6. Кузьминых Н.В. Защита конституционных прав субъектов оппозиционной деятельности в судебном порядке в России и за рубежом / Н.В. Кузьминых // Современное право. – 2016. – № 7. – С. 28–35.

7. Романовский Г.Б. Правовые основы противодействия терроризму в Бельгии / Г.Б. Романовский, О.В. Романовская // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2018. – № 3. – С. 77–81.

Информация об авторе

Попова Екатерина Константиновна – магистрант, кафедра «Государственно-правовые дисциплины», Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, e-mail: katarinap95@mail.ru.

Author

Popova Ekaterina Konstantinovna – undergraduate student, chair of state legal disciplines, Penza State University, 40, Krasnaya str., Penza, 440026, e-mail: katarinap95@mail.ru.

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ И КИТАЕ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье проанализирована сущность нематериальных духовных ценностей и их правовое регулирование в документах стратегического планирования Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Подчеркивается, что культура – это национальный интерес и стратегический приоритет, делается акцент на необходимости введения легальной дефиниции культурного суверенитета и принятия Концепции культурной безопасности России, так как давно назрела необходимость выделения культурной безопасности в отдельный вид национальной безопасности. Объясняется, почему политика «мягкой силы» Китая распространяется в области культуры, проанализирован Закон КНР «О нематериальном духовном наследии». Выявленные достоинства данного Закона авторы предлагают рассмотреть отечественному законодателю.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, культурный суверенитет, документы стратегического планирования России и Китая, культурная безопасность.

A.K. Rozhkova

APPROACHES TO UNDERSTANDING THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE IN RUSSIA AND CHINA: ISSUES OF LEGAL REGULATION OF CULTURAL SECURITY

The article analyzes the content of intangible spiritual values and their legal regulation. It is emphasized that culture is a national interest and a strategic priority, emphasis is placed on the need to introduce a legal definition of cultural sovereignty and adopt the Concept of cultural security of Russia, since the need has long been ripe for highlighting cultural security as a separate type of national security. Explains why the policy of "soft power" is spreading in the field of culture, the PRC Law "On Intangible Spiritual Heritage" is analyzed. The revealed advantages of this Law, the authors propose to consider the domestic legislator.

Keywords: intangible cultural heritage, cultural sovereignty, strategic planning documents of Russia and China, cultural security.

В XXI в. глобализационные процессы вторгаются во все сферы нашей жизни. Интернализация культурного пространства размывает присущие отдельным цивилизациям идентификационные признаки. Россия и Китай, как и другие страны, испытывает влияние в том числе и культурного кризиса.

Культура – это то, что отличает мир человека от мира природы, основа цивилизации. На сегодняшний день представлена разнообразная палитра подходов в отношении сущности культуры. Мы уже обращали внимание, что ее нельзя сводить к совокупности фресок, картин, глиняных табличек, пирамид и симфоний, это «система всех видов творческой деятельности человека и общества, а также результатов этой деятельности, воплощенных в материальных и духовных ценностях» [10, с. 148].

Культурная сфера сегодня «подвергается разного рода угрозам, вызовам и рискам со стороны стремительно трансформирующихся культурных моделей поведения и жизнедеятельности в глобализирующемся мировом сообществе» [14].

На сегодняшний день сохранение культурной идентичности рассматривается как стратегическая цель национальной безопасности наряду с защитой конституционного строя, развитием экономики страны, сохранением гражданского мира, развитием человеческого потенциала и др.

Вопрос о выделении культурной безопасности в российском законодательстве давно назрел. Эту идею продвигают такие исследователи национальной безопасности как П.Н. Беспаленко, М.Ю. Зеленков, А.А. Мишучков, А.П. Романова и многие другие.

Законодатель безусловно регулирует отношения в этой сфере (например, с 1992 г. действуют Основы законодательства Российской Федерации о культуре, а с 2014 г. – Указ Президента «Об утверждении Основ государственной культурной политики»), но возникают проблемы с механизмом реализации.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2015 г. (далее – Стратегия) в п. 6 содержит перечень видов национальной безопасности. Однако, словосочетания «культурная безопасность» мы не встречаем.

Культура выступает в качестве «национального интереса и приоритета Российской Федерации» [6], она связана и с достойным уровнем жизни российских граждан, экологией (так, в Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. выделяют в качестве вызова экологической безопасности «низкий уровень экологической культуры населения» [7, с. 10]) и другими важнейшими направлениями государственной политики в области обеспечения национальной безопасности.

Обычно, выделяя в отдельный вид национальной безопасности законодатель принимает отдельный документ стратегического планирования, предусматривает механизм обеспечения. Именно поэтому необходимо выделять культурную безопасность как самостоятельный вид безопасности. Кроме того, законодатель в Стратегии оперирует понятием культурный суверенитет. Впервые на законодательном уровне подобная формулировка появилась в 1992 г. в Основах законодательства Российской Федерации о культуре: «Российская Федерация самостоятельно реализует на своей территории соглашения и иные акты, регулирующие отношения Российской Федерации в области культуры с другими государствами, объединениями государств, а также международными организациями» [5]. Авторы уже подчеркивали, что «легальная дефиниция данного понятия отсутствует» [9, с. 281] как в тексте Стратегии, так и в других нормативно-правовых актах.

Любое государство отстаивает суверенитет, а него входит в том числе и культурная составляющая.

Приведем пример КНР. В ст. 23 закона Китая «О государственной безопасности» установлено, что государство «твердо придерживается курса на развитие передовой социалистической культуры, продолжает и развивает прекрасные традиции традиционной культуры китайской нации, воспитывает и практикует важнейшие социалистические ценности, предупреждает и дает отпор негативному культурному влиянию» [13].

Китайское руководство, по мнению проф. Н.Н. Пузыни, «призывает к созданию новой модели международных отношений, основанной на взаимовыгодном сотрудничестве» [8, с. 136], в том числе и в сфере культуры.

Безусловно, сегодня Китай – лидер не только в экономике, формирующий геополитическое (ШОС и БРИК), а также культурное пространство. Так называемая политика «мягкой силы» направлена на привлечение «иностранцев к пониманию китайского языка и глубоких смыслов китайской культуры, внедрение и распространение китайской цивилизации, в том числе, путем создания Института Конфуция» [2].

С 2011 г. года в КНР действует Закон «О нематериальном культурном наследии», предмет правового регулирования которого охватывает общественные отношения, возникающие в связи с охраной и распространением влияния культурного наследия Китая в мире.

Китайская политика, в том числе и в сфере безопасности культуры консервативна и последовательна, а важной духовной детерминантой на протяжении тысячелетий является коллективизм, беззаветное служение родине, способность стойко переносить лишения, готовность к самопожертвованию. «Любая китайская стратегия является результатом тщательного анализа условий, при которых возможно успешное достижение поставленной цели» [1], считает А.А. Бартош.

Под нематериальным культурным наследием согласно ст. 2 Закона КНР понимается – различные «формы представления традиционной культуры, передаваемые от поколения к поколению различными народами и считающиеся составной частью культурного наследия данных народов, а также материальные ценности и места, связанные с формами представления традиционной культуры; включая»:

- 1) «устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия»;
- 2) «традиционные изящные искусства, каллиграфия, музыка, танец, театр, акробатика»;
- 3) «традиционные ремесла, медицина, способы летосчисления»;
- 4) «традиционные обряды и празднества»;
- 5) «традиционные виды спорта и развлечений»;
- 6) «иное нематериальное культурное наследие» [3].

Термин «культурное наследие» встречается и в законодательстве Российской Федерации. Так в разделе «Общие положения» Основ государственной политики в сфере культуры раскрывается легальная дефиниция данного терми-

на: «совокупность предметов, явлений и произведений, имеющих историческую и культурную ценность» [4]. Культурное наследие содержит как материальную составляющую, то есть все предметы материального мира, сохраняющие представление об особенностях жизни людей в прошедшие эпохи (например, здания, памятники, исторические и культурные ландшафты, монументы, произведения искусства, документы, книги, фотографии и т.д.) и нематериальную («языки и диалекты, традиции, обычаи и верования, фольклор, традиционные уклады жизни и представления об устройстве мира народов, народностей, этнических групп, русская литература и литература народов России, музыкальное, театральное, кинематографическое наследие, созданная в стране уникальная система подготовки творческих кадров» [4]). Обе составляющих культурного наследия в России являются объектами государственной культурной политики, в которую помимо этого включают творческую деятельность, науку, информационное пространство, а также культурные и гуманитарные связи.

Китайский законодатель также определяет культурное нематериальное наследие через перечисление входящих в него элементов, оставляя перечень открытым в отличие от российского законодателя.

Нематериальное культурное наследие укрепляет, по мысли китайского законодателя, культурную идентичность национальностей КНР, способствует защите единства государства и национальной сплоченности, общественной гармонии и устойчивому развитию.

Связь культуры, истории и идентичности очевидна и для российского законодателя. В Стратегии национальной безопасности одной из основных целей считается сохранение и развитие общероссийской идентичности народов России, основой которой являются «исторически сложившаяся система духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» [6].

Основы в отличие от доктрин, концепций и стратегий определяют главные направления государственной культурной политики и представляют собой «базовый документ для разработки и совершенствования законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих процессы культурного развития в Российской Федерации, а также государственных и муниципальных программ» [5]. В них отсутствует выраженный компонент стратегического планирования. Именно поэтому следует разработать, например, Концепцию или Доктрину культурной безопасности Российской Федерации, чтобы эта составляющая могла задавать направление другим нормативным актам в сфере обеспечения безопасности культуры в целом, и сохранности культурного наследия России в частности.

Что касается Китая, то там традиционная культура давно признается политической ценностью. Она становится фактором «мягкой силы» в вопросе распространения национальных интересов за пределами КНР. Этот подход вывел внешнюю политику Китая на новый уровень развития, даже «экспорт продукции радио и телевидения, экспорт китайской литературы, перевод китайских книг и фильмов на языки мира являются средствами достижения стратегических задач КНР не только по обеспечению культурной безопасности госу-

дарства, но и по расширению влияния своего социокультурного пространства на другие страны» [11], верно указывает К.С. Хатькова.

Отметим, что «в современную эпоху культура становится все более значимым источником национальной сплоченности и творчества, важным фактором в конкурентной борьбе национальных идеологий» [12], поэтому необходимо выделить культурную безопасность в самостоятельный вид национальной.

В связи с этим, необходимо не просто декларировать культурный суверенитет в России, а предусмотреть как в Китае реальные механизмы его обеспечения в целях противодействия угрозам и вызовам современности. А для этого необходимо принять и Федеральный закон, регулирующий область культуры (ведь с 1992 г. прошло достаточно времени, чтобы выработать более совершенный понятийно-категориальный аппарат и механизм реализации, а также документ стратегического планирования Концепцию культурной безопасности).

Стоит отметить, что общественное сознание китайского социума является по своей цивилизационной природе стратегическим. «В Китае все: и власть, и мораль, и философия, вообще жизнь носит стратегический характер. Все, что китаец не делает, работает на определенную стратегию» [1]. Неудивительно, что влияние Китая со временем будет только возрастать, и немалую роль сыграет культурная политика КНР, направленная как на сохранение культурного наследия, так и на популяризацию китайской культуры в мире.

Список использованной литературы

1. Бартош А.А. Особенности стратегической культуры Китая и ее роль в межгосударственном противоборстве / А.А. Бартош // Независимое военное обозрение. – URL: http://nvo.ng.ru/nvo/2019-06-07/1_1047_china.html (дата обращения: 20.03.2020 г.).

2. Борисенко О.А. Культурная безопасность в условиях современной цивилизации (Интерпретация китайских исследований) / О.А. Борисенко // Гуманитарные научные исследования. – URL: <http://human.snauka.ru/2017/07/24298> (дата обращения: 20.03.2020 г.).

3. О нематериальном духовном наследии: Закон КНР от 25.02.2011 г. – URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_intangible_cultural_heritage_law_2011_russian (дата обращения: 20.03.2020 г.).

4. Об утверждении Основ государственной культурной политики : Указ Президента РФ от 24.12.2014 г. № 808 // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 52 (I). – Ст. 7753.

5. Основы законодательства Российской Федерации о культуре утв. Верховным Советом РФ 09.10.1992 г. № 3612-1 (в ред. от 01.04.2020 г.) // Российская газета. – 1992. – 17 ноября.

6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (ч. 2). – Ст. 212.

7. Приходько Т.В. Право на благоприятную окружающую среду в контексте обеспечения экологической безопасности: проблемы федерального и регионального правового регулирования (на примере Иркутской области) / Т.В. При-

ходько, А.К. Рожкова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 2. – С. 8–12.

8. Пузыня Н.Н. Особенности обеспечения национальной безопасности в КНР / Н.Н. Пузыня // Проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте изменения геополитической ситуации : материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 28 апр. 2017 г. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. – С. 133–138.

9. Рожкова А.К. Культурный суверенитет в контексте обеспечения национальной безопасности / А.К. Рожкова // Материалы Международного Байкальского форума Конференции «Евразийский интеграционный проект: цивилизационная идентичность и глобальное позиционирование» / под ред. Е.Р. Метелевой. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. – С. 279–282.

10. Рожкова А.К. Сохранение и развитие общероссийской идентичности как стратегическая цель обеспечения национальной безопасности в области культуры / А.К. Рожкова // Материалы международной научно-практической конференции «Основные направления государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности» / под ред. Е.М. Якимовой. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. – С. 146–151.

11. Хатькова К.С. Культурные стратегии КНР как инструмент обеспечения культурной безопасности страны / К.С. Хатькова, Н.А. Абрамова // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6 (2). – URL: <http://expeducation.ru/ru/article/view?id=5221> (дата обращения: 20.03.2020 г.).

12. Ху Яньли Концепция китайской культуры в контексте глобализации / Яньли Ху // Общество: философия, история, культура. – 2016. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-kitayskoj-kultury-v-kontekste-globalizatsii> (дата обращения: 20.03.2020 г.).

13. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя аньцюань фа [Закон КНР «О государственной безопасности»]. – URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_state_security_law_2015_russian/ (дата обращения: 20.03.2020 г.).

14. Щукина Е.Л. Культурная безопасность современной России как элемент национальной безопасности / Е.Л. Щукина // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-bezopasnost-sovremennoy-rossii-kak-element-natsionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 20.03.2020 г.).

Информация об авторе

Рожкова Анна Константиновна – преподаватель, кафедра правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: rannette@mail.ru.

Author

Rozhkova Anna Konstantinovna – Lecturer, Department of Legal Support of National Security, Baikal State University, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: rannette@mail.ru.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА*

В статье проведено исследование, посвященное взаимодействию конституционных ценностей «права человека» и «безопасность». Рассмотрены различные варианты нахождения баланса между ними в условиях противодействия терроризму. Особое внимание уделено анализу обязанности граждан по обеспечению безопасности государства. Сформулированы различные точки зрения, высказанные по этому поводу в российской юридической литературе. Проанализировано содержание законодательных актов, посвященных общей обязанности защищать отечество.

Ключевые слова: права человека, обязанность, безопасность, государство, национальная безопасность, воинская обязанность.

V.G. Romanovskiy

TO THE QUESTION OF THE RESPONSIBILITY OF CITIZENS TO ENSURE THE SECURITY OF THE STATE

The article conducted a study on the interaction of constitutional values of «human rights» and «security». Various options for finding a balance between them in the context of countering terrorism are considered. Particular attention is paid to the analysis of the obligation of citizens to ensure the security of the state. Various points of view expressed in this regard in Russian legal literature are formulated. The content of legislative acts on the general duty to protect the fatherland is analyzed.

Keywords: human rights, duty, security, state, national security, military duty.

Термин «безопасность» активно используется в Конституции Российской Федерации, только смысл норм имеет определенные различия. Так, в ст. 13 безопасность выступает условием запрета для создания и деятельности общественных объединений. В ст. 37 Конституции РФ безопасность обозначена как условие труда гражданина. А в ст. 55 Конституции РФ безопасность – основание для возможного ограничения прав человека (в ст. 57 – условие введения чрезвычайного положения, аналогичный подход в ст. 74).

Применительно к полномочиям органов государственной власти безопасность уже выступает как объект регулирования или управления (ст. 71 (п. «м») и 72 (пп. «б» и «д»), ст. 114). Обратим внимание, что текст присяги Президента Российской Федерации (ст. 82) также содержит указание на обязанность главы государства защищать безопасность государства.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00096.

Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» в отличие от ранее действовавшего нормативного акта (Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности») ушел от легального общего определения безопасности. Оно присутствует только в Указе Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в котором помимо расшифровки национальной безопасности Российской Федерации можно найти дефиниции угрозы национальной безопасности, обеспечения национальной безопасности, некоторых иных понятий. Указанные акты рассматривают безопасность в достаточно узком толковании, применительно к государству, к его интересам. Это достигается путем включения в категорию прилагательного – «национальная». Кстати, когда принималась Стратегия национальной безопасности высказывались обвинения в подражании американской модели, где безопасность как раз формулируется с данной приставкой. Однако следует учитывать, что «национальная безопасность» в американском понимании трактуется как «государственная безопасность».

11 сентября 2001 г. стало вехой в развитии прав и свобод человека и гражданина. Как оказалось, даже такое могущественное государство, как США, с огромной армией, масштабными тратами на оборону, уязвимо перед террористами-одиночками. Напомним, нападение на Всемирный торговый центр унесло больше человеческих жизней, чем атака трехсот японских самолетов на Перл-Харбор в 1941 г. Практически сразу было высказано обвинение в том, что сложившаяся система защиты прав человека (формировавшаяся не один десяток лет) не смогла показать свою эффективность. Появились разговоры о катастрофическом терроризме (этот термин введен в научный оборот в странах западной демократии), когда один теракт, нацеленный на критическую инфраструктуру, может нанести урон, ставящий под сомнение существование всего государства (либо способное нанести существенный вред) [4].

Научные дискуссии стали строиться вокруг соотношения таких ценностей как «права человека» и «безопасность». Что именно обладает приоритетом в вопросах защиты? Как должна строиться правовая политика при их конкуренции? «Горячие головы» высказывали крайнее мнение, что послевоенная система защиты прав человека показала свою полную неспособность. Более того, она мешает эффективным мерам противодействия терроризму.

После 11 сентября 2001 г. в США был принят Патриотический акт, существенным образом ограничивающий основные права и свободы американцев, легализующий тотальную слежку вне наличия подозрений в преступной деятельности. Президент США Дж. Буш-младший объявляет войну террору, ставшую национальной доктриной противодействия мировому злу. Союзники США по НАТО последовательно обновили свою антитеррористическую базу (в частности, Великобритания, Германия). В рамках ООН был создан Контртеррористический комитет (как вспомогательный орган Совета Безопасности ООН и как главный орган, отвечающий за многостороннюю борьбу с терроризмом). Ему были переданы функции по координации мировой политики противодействия терроризму, формированию международных списков террористических организаций и международных террористов. Некоторые действия данного ор-

гана критически оценивались многими странами. Были совершены и некоторые ошибки, когда граждане без оснований попадали в список международных террористов. Данные факты были обнародованы при обращении в международные судебные инстанции. На все эти обвинения в «закрытии глаз» на нарушения прав человека, руководитель данного Комитета произнес емкую фразу: «Комитет не считает защиту прав человека частью своего мандата» [2].

Подобные дискуссии актуализировали поиск баланса между безопасностью и необходимостью защиты прав человека. Необходимо было выработать общие критерии соотношения выделенных понятий. Один из подходов основывается на оценке права человека и безопасности как равнозначных ценностей. При таком подходе ссылаются на часть 2 статьи 3 Договора о Европейском Союзе: «Союз предоставляет своим гражданам пространство свободы, безопасности и правосудия без внутренних границ...» [6]. Нетрудно увидеть, что свобода и безопасность находятся в одном терминологическом ряду. Смещение баланса в сторону безопасности в зарубежной юридической доктрине получило свое специфическое название – «секьюритизация» [1; 3].

Кстати, Патриотический акт принимался как временный документ. Его необходимость обосновывалась сложностью складывающейся ситуации. В странах Западной Европы тоже многие антитеррористические акты были приняты как экстраординарные. В преамбуле каждого из них подчеркивалось, что создание особого правового режима обусловлено временными факторами усиления террористических угроз [7].

Появилась и иная концепция: право на безопасность – такое же право человека, как иные, включенные в основные международные акты. В этом случае может возникать конкуренция между правами. Сами государства получили дополнительный аргумент в закреплении дополнительных полномочий спецслужб и иных правоохранительных органов. Получается, что в позитивной деятельности государства реализуется его обязанность защищать и гарантировать права и свободы человека и гражданина. Таким образом государство не ограничивает права человека, а выполняет свою базовую функцию по соблюдению прав и свобод.

На фоне указанных научных представлений появляются и иные предложения. Так, Ю.Г. Федотова предлагает расширить воинскую обязанность граждан, предусмотренную статьей 59 Конституции РФ, включив в ее содержание обязанность гражданина по обеспечению безопасности государства [8; 9]. Не все российские ученые разделяют данное мнение. В.А. Винокуров [5] высказался критически к столь вольной трактовке воинской обязанности. Его подход основан на формальном подходе и анализе текста Конституции РФ. В Основном законе нашей страны нет такой обязанности каждого гражданина обеспечивать безопасность государства. Текст Конституции не подлежит расширительному толкованию, приводящему к возникновению специфических обязанностей граждан России.

Есть различная аргументация. Статья 59 Конституции РФ предусматривает: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации». Полного текстуального совпадения нет с обязанностью обес-

печивать безопасность государства. Но конституционная обязанность находит свое воплощение в ряде базовых документов, среди которых:

– Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»;

– Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»;

– Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», который как раз определяет содержание воинской обязанности;

– Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

В каждом из них предусматриваются те или иные обязанности граждан по обеспечению защиты Отечества. Так, в Законе «О воинской обязанности и военной службе» представлена содержательная характеристика воинской обязанности, которая включает в себя различные элементы: от постановки на воинский учет до прохождения военной службы по призыву и призыва на военные сборы.

Статья 18 Федерального конституционного закона «О военном положении» закрепляет перечень обязанностей граждан, находящихся на территории, где объявлено военное положение. Но и в данном случае логика правового акта несколько иная. Предусматриваются обязанности по выполнению законных требований органов военного управления, законных предписаний, участвовать в мероприятиях по восстановлению инфраструктуры, пострадавшей от вооруженных нападений и некоторые другие. Закон «Об обороне» уточняет, что в целях обороны предусматриваются воинская обязанность граждан и военнотранспортная обязанность (распространяемая не только на граждан).

Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» нацелен на установление правового режима деятельности органов управления, организаций, предприятий и учреждений в условиях объявленной крайней ситуации. Закон определяет допустимые ограничения прав граждан, но, не вменяя им прямую обязанность по обеспечению безопасности государства.

Статья 10 Федерального закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» устанавливает ряд обязанностей граждан, но и в том перечне не найти обязанность граждан обеспечивать безопасность государства.

Можно лишь отчасти согласиться с мнением, что в подобных актах обязанность обеспечивать безопасность государства предусматривается косвенным путем через обязанность выполнять требования органов военного управления. Публичные институты формируют цели и задачи по обеспечению безопасности, а уже обязанность граждан выполнять конкретные требования, которые в совокупности своей формируют безопасный режим функционирования государства.

Но необходимо предусмотреть и иную ситуацию. Во-первых, должен ли гражданин в условиях мирного времени постоянно заботиться об обеспечении

безопасности государства. Представляется, что такой подход будет слишком широким. Получается, что человек должен постоянно выставлять приоритет государственных интересов по отношению к собственным, личным. Конечно, это вечная дискуссия о первенстве частных и публичных интересов. Но в любом случае она всегда происходит вокруг баланса, а не того момента, что публичный интерес приобретает высшую ценность. В противном случае, мы можем наблюдать определенные злоупотребления со стороны должностных лиц. Можно привести пример (который, кстати, неоднократно повторялся в разных субъектах Российской Федерации) с принудительной остановкой автомобиля и выстраиванием щита по требованию сотрудников ГИБДД для принудительной остановки правонарушителя. Именно против такого понимания следует выступать при отстаивании тезиса об отсутствии обязанности обеспечивать безопасность государства.

Список использованной литературы

1. A More Secure World: Our Shared Responsibility. Report of the High-level Panel on Threats, Challenges and Change, 2 Dec. 2004 (A/59/565). – URL: http://www.un.org/ar/peacebuilding/pdf/historical/hlp_more_secure_world.pdf.
2. Council Hears over 40 Speakers; Committee Chairman Says Aim Is to Upgrade Government Performance against Terrorism. – URL: <https://www.un.org/press/en/2002/SC7276.doc.htm>
3. McGhee D. Building a Consensus on «National Security»: Terrorism, Human Rights and «Core Values» // Security, Citizenship and Human Rights. Palgrave Politics of Identity and Citizenship Series. Palgrave Macmillan, London, 2010. – P. 38–65. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9780230283183_3.
4. Безрукова О.В. Терроризм, права человека и демократические ценности в России и за рубежом / О.В. Безрукова, Е.А. Капитонова, Г.П. Кулешова и др. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 232 с.
5. Винокуров В.А. Безопасность государства: конституционно-правовой аспект / В.А. Винокуров // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 12. – С. 33–36.
6. Договор о Европейском Союзе. – URL: <http://eulaw.ru/treaties/teu>.
7. Романовская О.В. Акт о патриотизме: ограничения права на неприкосновенность частной жизни в США в целях противодействия терроризму / О.В. Романовская // Наука. Общество. Государство. – 2017. – Т. 5. – № 2. – С. 10–16.
8. Федотова Ю.Г. Доктринальная характеристика участия граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства / Ю.Г. Федотова // Современное право. – 2015. – № 9. – С. 29–37.
9. Федотова Ю.Г. Формы и виды участия граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства, не связанные с включением в состав военной организации государства / Ю.Г. Федотова // Современное право. – 2016. – № 2. – С. 18–30.

Информация об авторе

Романовский Владислав Георгиевич – ассистент кафедры «Уголовное право», Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, e-mail: vlad93@sura.ru.

Author

Romanovskiy Vladislav Georgievich – Assistant, Department of Criminal Law, Penza State University, 440026, Penza, str. Krasnaya, 40, e-mail: vlad93@sura.ru.

ВОЙНА ПРОТИВ ТЕРРОРА КАК ОСОБЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

В статье рассматривается содержание концепции войны против террора, озвученной Президентом США Дж. Бушем-младшим в ответ на теракт, совершенный 11 сентября 2001 г. Показано, что террористическая угроза выступает как универсальный предлог для введения дополнительных ограничений прав человека, расширения полномочий правоохранительных органов и спецслужб. Рассматриваются отдельные аспекты антитеррористического законодательства таких стран, как США, Германия, Великобритания, Франция.

Ключевые слова: терроризм, права человека, угроза, ограничения, войн против террора, спецслужбы.

G.B. Romanovskiy

WAR AGAINST TERROR AS A SPECIAL LEGAL REGIME OF NATIONAL SECURITY

The article discusses the content of the concept of the war against terror, voiced by US President George W. Bush in response to the terrorist attack of September 11, 2001. It is shown that the terrorist threat acts as a universal pretext for introducing additional restrictions on human rights, expanding the powers of law enforcement agencies and special services. Some aspects of the anti-terrorism legislation of such countries as the USA, Germany, Great Britain, France are considered.

Keywords: terrorism, human rights, threat, restrictions, wars against terror, special services.

11 сентября 2001 г. стало поворотным моментом для Соединенных Штатов Америки в их антитеррористической политики. Атака на башни-близнецы Всемирного торгового центра повлияла на весь мир. Прошло почти 20 лет со дня этого значимого события, но до сих пор многие страны ощущают его последствия.

В этот же день, спустя несколько часов после обрушения зданий, Президент США Дж. Буш-младший обратился к народу Америки. Тогда еще не было ясно, кто стоит за столь масштабной атакой, но уже тогда была заявлена полная решимость в борьбе с угрозой, откуда бы она не исходила. Через несколько дней (а именно – 20 сентября) Президент США, выступая перед Конгрессом, четко заявил, что против Америки был совершен «акт войны» [3]. С этой даты антитеррористическая кампания была обозначена как «война против террора».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00096.

Была обозначена официальная позиция, согласно которой любое государство, сотрудничающее с террористами, рассматривалось как враг США. Атака на США оценивалась как акт агрессии. Таким образом США, объявляя «войну против террора», указывала всем государствам, что такие боевые действия могут быть совершены против любого противника.

Концепция «войны против террора» имела далеко идущие последствия. Ее правовым оформлением (то, что почувствовали граждане США, в первую очередь) стал Патриотический акт (полное название – Акт «О сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» [1]). Документ имеет значительный объем, что придало дополнительных оснований различным конспирологическим теориям о каком-то сговоре официальных властей и террористов. Здесь следует сделать небольшую ремарку: теракт 11 сентября стал, действительно, неожиданностью для спецслужб многих стран мира. Это связано с изменением личности террориста-смертника. До этого времени он представлялся как малообразованный человек с посредственным представлением о религии, психологически обработанный, малообеспеченный, имеющий определенные проблемы с психикой. Исполнители же теракта были полной противоположностью: из обеспеченных семей. В США в основном они прибыли по образовательной визе, знали несколько иностранных языков, не отличались наличием психологических проблем. Это открытие вызвало определенный шок среди спецслужб. Подобные преступники вряд ли могут быть остановлены актами устрашения. В психологической научной литературе появились новые исследования, посвященные личности террориста-смертника, идущего на такой поступок сознательно и вне какой-то личной заинтересованности.

В то же время Агентство национальной безопасности США в последовавшем отчете указало, что один из участников теракта совершил подозрительный звонок, который был отмечен до захвата самолетов 11 сентября 2001 г. Однако расположение абонента нельзя было определить в силу законодательных ограничений. Патриотический акт на основе представленной информации существенно образом расширил полномочия правоохранительных органов, предоставив им право сбора метаданных, осуществлять разведывательные действия в электронном информационном пространстве. Появился специальный ограничивающий документ, выдаваемый в административном порядке, обязывавший лицо, которому такой документ направлялся, не распространять информацию, которая ему стала известна в результате расследования. Подобные документы направлялись адвокатам, чтобы исключить разглашение сведений, полученных в рамках уголовного преследования.

Патриотический акт легализовал хакерские атаки на компьютеры, мобильные устройства, упростил процедуру получения ордера на ведение электронного наблюдения по делам о терроризме. Для этого были расширены полномочия специального суда (суд FISA), который создавался для рассмотрения дел в отношении шпионов и иностранных организаций [4]. Здесь следует оговориться: в США терроризм рассматривается как внешняя угроза. Например, убийства, совершенные гражданами США, по каким-то причинам, схожим с

террористическими, будут рассматриваться как общеуголовные преступления. Не будет считаться терроризмом убийство на расовой почве, хотя в ходе следствия могут быть выявлены организационные связи между участниками какой-то тайной организации [2].

Опыт установления контроля за гражданами и обществом был воспринят многими западноевропейскими странами. В Великобритании и Франции после масштабных атак были приняты экстраординарные законы (некоторые из них ограничивались временными рамками), в которых вводились значимые административные запреты. Жесткой критике были подвергнуты правила об установлении административного контроля в отношении лиц, подозреваемых в причастности к деятельности террористической организации. Причем не требовалось наличия прямых улик, указывающих на преступную деятельность. Достаточно было выявления потенциально опасных социальных связей: посещение религиозных общин, находящихся на особом контроле, заинтересованность в специфической литературе (хотя прямо не запрещенной), поездки в страны, в которых повышенная активность террористических организаций. Правозащитники указывали, что административные меры применяются к лицу, которое не совершало каких-то конкретных действий, квалифицируемых как состав уголовного преступления. По сути, гражданина могут подвергнуть социальной изоляции за мысли (точнее за предположение о наличии экстремистских мыслей). Меры, применяемые к такому подозреваемому, достаточно суровы. Как в Великобритании, так во Франции может быть осуществлена принудительная смена жительства, возможно установление ограничений свободы перемещения (вплоть до домашнего ареста). Предусматривается изъятие средств общения, а также введение контроля всех финансовых операций. Различия законов заключаются лишь в том, что в Великобритании данные меры устанавливаются судьей, во Франции – министром внутренних дел (с возможностью судебного обжалования).

В Германии в 2002 г. был принят Закон о борьбе с международным терроризмом – Gesetz zur Bekämpfung des internationalen Terrorismus (TerrorBekämpfungG). Следует отметить, что немецкий закон не пошел по пути ужесточения административных мер в отношении подозрительных лиц и усиления средств контроля за электронным общением. Основное дополнение закона касалось введения уголовной ответственности за создание террористической организации, хотя и действующей за ее пределами, но против Германии или ее граждан, или ее союзников.

Отличительной чертой антитеррористических законов выступает спешка их принятия. Большинство мер вводилось практически сразу после громких терактов. Представители спецслужб подчеркивали, что тем самым государство быстро реагирует на изменившиеся угрозы. В то же время некоторые закономерности можно наблюдать. В 2016 г. при принятии «Пакета Яровой» предлагалось внести изменения в порядок лишения гражданства России: лицо, получившее гражданство страны, может быть лишено его при совершении теракта. На тот момент данное предложение было встречено «в штыки» правозащитными организациями. Сделаем ремарку: подобные правила есть во многих странах. Но уже в апреле 2017 г. после совершения теракта в метро Санкт-

Петербурга была озвучена данная инициатива, которая практически сразу была реализована в виде проекта. В результате был принят Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и ст. 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», изложивший статью 22 «Основания отмены решений по вопросам гражданства Российской Федерации» Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» в новой редакции.

Обращает внимание, что дополнительные полномочия, предоставляемые спецслужбам, по сбору персональных данных обуславливают формирование огромного массива информационных ресурсов. Систематизация такого объема невозможна без участия машины. Кстати, это одно из оснований для развития искусственного интеллекта, который может классифицировать информацию, обобщать, представлять итоговые заключения о личной жизни гражданина. Это позволяет, в том числе, формировать психологический портрет гражданина. А это, в свою очередь, создает дополнительные возможности манипулирования. Уже сейчас можно наблюдать, как принятие решений, влияющих на повседневную жизнь человека, ставится в зависимость от машинной обработки информации. Особую популярность набирает обезличенное принятие решения о выдаче (невываде) кредита.

Появление на карте мира целого террористического государства – ИГИЛ (запрещено в России) привело также к поиску новых форм противодействия вербовке сторонников такого образования по всему миру. Уже в двух странах – Великобритании и Нидерландах – введена уголовная ответственность за сам факт посещения территорий, находящихся под контролем террористических организаций. Связано это с тем, что поиск адептов происходит по всему миру с помощью различных интернет-технологий. Подобная мера обсуждается во Франции и Бельгии. Следует признать, что подобный подход отличается крайней степенью репрессивности. Законодатель не ставит цели выяснения, какие действия совершались в период нахождения на указанной территории. Сам факт посещения является уголовно-наказуемым деянием. Подобные меры вызывают бурю протеста со стороны правозащитных организаций. В то же время факт остается фактом, что именно «джихад-туризм» стал основой для пополнения сторонников идеологии терроризма и его распространения на европейские страны. Такие экстраординарные меры вызваны реалиями: число адептов пан-исламизма возрастает с каждым годом.

Таким образом появление новой концепции войны против террора обусловило поиск нового баланса между правами человека и необходимостью обеспечения безопасности. Терроризм становится все более изощренным в своих попытках повлиять на национальную и мировую политику. Становясь глобальной угрозой, он ставит под сомнение устоявшиеся принципы реализации отдельных прав и свобод человека и гражданина. Налицо тенденция расширения полномочий спецслужб. В настоящее время она подается как временная, связанная с усилением террористической активности. Однако с момента столь масштабного теракта – 11 сентября – прошло почти 20 лет, но ни одно государ-

ство пока не отказывается от тех дополнительных оснований ограничений прав человека, которые были введены как ответная реакция на терроризм.

Список использованной литературы

1. Act on the «Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism». – URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-107publ56/pdf/PLAW-107publ56.pdf>.
2. Безрукова О.В. Терроризм, права человека и демократические ценности в России и за рубежом / О.В. Безрукова, Е.А. Капитонова, Г.П. Кулешова и др. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 232 с.
3. Внешняя политика США. Хрестоматия / сост. Д.В. Кузнецов. – Благовещенск : Благовещенский гос. пед. ун-т, 2014. – 1058 с. – URL: http://kuznetsov.ucoz.org/books/vneshnjaja_politika_ssha.pdf.
4. Романовская О.В. Акт о патриотизме: ограничения права на неприкосновенность частной жизни в США в целях противодействия терроризму / О.В. Романовская // Наука. Общество. Государство. – 2017 – Т. 5. – № 2. – С. 10–16.

Информация об авторе

Романовский Георгий Борисович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Уголовное право», Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, e-mail: vlad93@sura.ru.

Author

Romanovskiy George Borisovich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department «Criminal law», Penza State University, 440026, Penza, str. Krasnaya, 40, e-mail: vlad93@sura.ru.

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПУБЛИЧНО ЗНАЧИМЫЕ ФУНКЦИИ**

В статье анализируются субъекты, которые осуществляют публично значимые функции, и устанавливается их административно-правовой статус. Исследуется понятие «образования, осуществляющие публично значимые функции» на основе анализа норм законодательства и доктринального толкования, позиций Конституционного Суда РФ и Верховного суда РФ. Отмечается, что организации, выполняющие публичные функции, представляют Российскую Федерацию, муниципальные образования, субъекты РФ. Кроме того, отмечается, что имеется такая категория субъектов, выполняющих публичные функции, которые непосредственно не входят в существующую структуру. Приводится общий перечень субъектов, которые осуществляют публичную деятельность. Изучаются позиции по отдельным проблемам классификации субъектов, осуществляющих публичную деятельность в административном праве, предлагаются пути совершенствования их правового регулирования.

Ключевые слова: субъект права, административное право, публично значимые функции, административно-правовой статус, законодательство, судебная практика.

**A.A. Ryzhova
N.A. Plakhtiy****ADMINISTRATIVE LEGAL STATUS OF SUBJECTS CARRYING OUT
PUBLICALLY SIGNIFICANT FUNCTIONS**

The article analyzes the subjects that perform publicly significant functions, and establishes their administrative and legal status. The concept of «education that performs publicly significant functions» is studied on the basis of an analysis of the norms of legislation and doctrinal interpretation, the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. It is noted that organizations performing public functions represent the Russian Federation, municipalities, and constituent entities of the Russian Federation. In addition, it is noted that there is a category of entities that perform public functions that are not directly included in the existing structure. A general list of entities that carry out public activities is provided. The positions on individual classification problems of subjects engaged in public activities in administrative law are studied, and ways to improve their legal regulation are proposed.

Keywords: subject of law, administrative law, publicly significant functions, administrative legal status, legislation, judicial practice.

На сегодняшний день российское административное право выделяется непростой структурой субъектов административных правоотношений, состав и административный статус которых все время обновляется под воздействием изменений, происходящих в обществе. Например, в последнее время появились такие новые субъекты, как публично-правовые компании, иностранные агенты, саморегулируемые организации [7, с. 102]. При этом совсем недавно в законодательство административного права было введено понятие нового субъекта, так называемых организаций, на которых возложено осуществление публично значимых функций. В рамках исследуемой статьи предполагаем, что стоит выяснить, что необходимо понимать под такой терминологией. Формирование четкого представления по данному определению позволит установить элементы его административно-правового статуса.

В общем смысле под значением понятия «образования, осуществляющие публичные функции» понимаются обозначения следующих субъектов права: муниципальные образования, субъекты РФ, Российская Федерация [5, с. 75]. В этом качестве оно употребляется и в доктрине российского права, и в правоприменительной практике. Вместе с тем введенное понятие субъектов, осуществляющих публично значимые функции, в институт административного права видоизменяет наше представление об определении существующего выше термина. Стоит отметить, что первоначальное появление данного термина и его использование стало общепринятым после дополнения ст. 1 п. 4 закона «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ», где стала использоваться формулировка о том, что действующий процесс рассмотрения обращений граждан или их объединений, юридических лиц устанавливается не только для муниципальных и государственных учреждений, выполняющих публично значимые функции, и их должностных лиц, но и в отношении осуществляющих публично значимые функции иных организаций и их должностных лиц [9]. Получается, наше представление о перечне субъектов, которые выполняют публичные функции, должно расширяться, так как из законодательства вытекает то, что существуют и другие организации, помимо общепризнанных. Параллельно с изменением вышеприведенного закона аналогичную корректировку внесли в ст. 5.59 КоАП РФ, где теперь закреплено, что помимо органов и учреждений государственной и муниципальной власти и их должностных лиц, применение этой санкции возможно и к иным организациям, выполняющим публично значимые функции, и их должностным лицам [6]. Тут стоит отметить, что на примере приведенной нормы четко видно разграничение тех субъектов, которые принято причислять к осуществляющим публичные полномочия, и появление совсем нового элемента, доселе не входящего в доктринальное представление о их классификации. Других нормативных источников, употребляющих данную формулировку, в административном праве нет. В связи с этим возникает вопрос: какие организации стоит относить к субъектам, осуществляющим публично значимые функции? Какие субъекты стоит привлекать к ответственности по ст. 5.59 КоАП РФ?

Сущность термина «организации, осуществляющие публично значимые функции» законодательно в российском праве не закреплено. Нет и норматив-

ного регламентирования перечня субъектов, осуществляющих публично значимые функции. Тем не менее формулировка «публично-правовое образование» встречается часто и в других нормативно-правовых актах России, не связанных с административным правом. Например, в положениях Бюджетного кодекса РФ употребляется восемнадцать раз понятие «публично-правовое образование». И в бюджетном законодательстве можно увидеть понимание этого термина как в общем смысле на основе включения трех видов публично-правовых образований, так и когда данную фразу употребляют в широком понимании, когда круг субъектов остается открытым [2, с. 127].

В правовой литературе общепринятое определение публично значимых функций, равно как и лиц, осуществляющих публично значимые функции, также не сформулировано. Имеются разнообразные точки зрения заслуженных деятелей науки на интерпретацию данного понятия и на схожую интерпретационную терминологию. Например, А.С. Джагарян полагает, что осуществление субъектами публично значимых функций стоит рассматривать как деятельность в принесении общественной пользы. С.Б. Жилина считает, что данную формулировку стоит раскрывать с позиции «публичных функций» и характеризовать их как многоаспектную деятельность в обширных сферах разного рода субъектов, в первую очередь, государственных и муниципальных учреждений по осуществлению широкого объема общественных благ. В.Е. Чиркин рассматривает субъекты публичного права, которые осуществляют публичные функции, как самостоятельные образования, принимающие участия во взаимодействиях с другими субъектами с целью общей выгоды путем использования публичной власти и имеющие свое имущество, свои обязанности и права [4, с. 21].

В связи с отсутствием четкого представления в юридической доктрине и законодательного закрепления в российском праве термина субъектов, осуществляющих публично значимые функции, стоит рассмотреть практическую сторону реализации данных положений на конкретном судебном разбирательстве. Например, возьмем решение Советского районного суда города Нижнего Новгорода № 12-330/14 от 1 сентября 2014 г. Суть дела состоит в том, что мировой судья в своем постановлении установил, что гражданин Т.Г.А., на тот момент директор управляющей компании, предоставляющей жилищно-коммунальные услуги, совершил правонарушение, предусмотренное ст. 5.59 КоАП РФ. Не согласившись с вынесенным по делу решением, Т.Г.А. была подана жалоба. Доводы Т.Г.А. заключались в том, что состав такого правонарушения содержит указание на специальный субъект иных организаций, осуществляющих публично значимые функции, а толкование такого понятия в действующем законодательстве отсутствует. Суд, рассмотрев обстоятельства дела и доводы Т.Г.А., отметил, что из содержания постановления Конституционного суда РФ от 18.07.2012 г. № 19-П усматривается, что в это понятие закладывается работа учреждений, касающаяся прав и свобод граждан, в том числе осуществляющую свою деятельность в сфере образования, культуры, науки, здравоохранения и в других областях. Такое сущностное содержание публично значимых функций соответствует общеупотребительному значению понятия «публичная функция», т.е. общественная работа, обязанность, область деятельности. Исходя из таких

выводов, суд оставил в силе решение мирового судьи и признал Т.Г.А. представителем организации, осуществляющей публично значимые функции [14]. Анализируя выводы суда в данном решении, стоит отметить, что с такой позиции трактовки существующих положений в КоАП к субъектам, осуществляющим публично значимые функции, можно относить практически все организации, связанные с какой-либо общественной деятельностью.

В то же время Конституционный Суд РФ рассматривает данный вопрос с других позиций. Например, в его определении от 27.06.2017 г. № 1361-О [10] и определении от 27.03.2018 г. № 629-О он указывает, что ч. 4 ст. 1 закона «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» невозможно использовать при гражданско-правовых отношениях, образующихся между публично-правовыми образованиями, гражданами и юридическими лицами [11]. Аналогичных позиций придерживается и Верховный Суд РФ. Например, в постановлении от 15.02.2019 г. № 88-АД 19-2 [12] и в постановлении от 15.02.2019 г. № 48-АД19-2 Верховный Суд РФ применяет подобную точку зрения [13].

Рассматривая российскую судебную практику высших инстанций по ст. 5.56 КоАП, можно сделать три основополагающих вывода. Во-первых, до сих пор законодателем не установлено четких критериев определения субъектов, осуществляющих публично значимые функции или их закрытой классификации. Во-вторых, исходя из этого, в судебных инстанциях могут приниматься решения прямо противоположные общей доктрине правоприменительной практики. В-третьих, по ст. 5.59 КоАП к организациям, осуществляющим публично значимые функции, относятся не все учреждения, участвующие в гражданско-правовых отношениях, даже если по своей сути они являются публично-правовыми образованиями.

Вместе с тем стоит отметить, что как показывает практика Конституционного Суда РФ, к субъектам, осуществляющим публично значимые функции, принадлежат:

- арбитражные управляющие и саморегулируемые организации арбитражных управляющих (постановление от 19.12.2005 г. № 12-П);
- третейские суды (постановление от 26.05.2011 г. № 10-П);
- нотариусы (постановление от 19.05.1998 г. № 15-П);
- адвокаты (определение от 01.06.2010 г. № 782-О-О);
- аудиторские организации (определение от 13.05.2010 г. № 685-О-О);
- аттестационные комиссии (определение от 07.06.2011 г. № 767-О-О);
- избирательные комиссии (определение от 16.12.2010 г. № 1722-О-О);
- коммерческие банки, имеющие обязательства по осуществлению государственной поддержки (определение от 19.05.2009 г. № 596-О-О);
- политические партии (постановление от 16.07.2007 г. № 11-П).

Исходя из таких позиций, стоит прийти к заключению, что судебная практика сама устанавливает, кто входит в перечень субъектов, осуществляющих публично значимые функции. Вместе с тем ученые правоведы выделяют определенные критерии, их характеризующие, например:

- а) такие учреждения правомочны осуществлять руководство над лицами, которые не пребывают в служебной зависимости от них;

б) основная задача деятельности, ключевые выполняемые функции и иные элементы правового статуса этого субъекта устанавливается нормативным документом;

в) создан на основе инициативы государства или имеет затрудненные возможности надления правоспособностью [15, с. 82–83].

Если взять за основы вышеперечисленные признаки, то возможно разделение таких организаций на два вида. К числу первых стоит причислять учреждения, формирующиеся непосредственно государством. Это органы публичной власти, различные государственные предприятия и компании, фонды публично-территориальных образований, избирательные комиссии. К числу вторых, полагаю, относятся учреждения, образующиеся с помощью частных субъектов. Это могут быть аудиторские организации или третейские суды [4, с. 22].

Вышеупомянутые организации, реализующие публично значимые функции, в современной России выступают в качестве неотъемлемого субъекта административно-правовых отношений. Основа их административно-правового статуса представляет собой взаимосвязанную систему прав и обязанностей, осуществляемых ими в управленческой деятельности. Равным образом туда включаются и такие элементы, как:

а) занимаемая роль в административно-публичной сфере, подчиненность определенному органу власти или другой вид юридической взаимосвязи с ними;

б) цель осуществляемой работы, основные выполняемые функции, задачи;

в) основная область деятельности;

г) специальные, общие административные обязанности и права;

д) специальная или общая ответственность организации за осуществляемые в административной сфере правонарушения [16, с. 798].

Под общим административно-правовым статусом организаций, выполняющих публично значимые функции, понимается перечень административных прав и обязанностей, условия по их ограничению, а также совокупность положений о возможности привлечения к административной ответственности за совершенные нарушения. Специальный административно-правовой статус таких субъектов представляет собой специальную административно-правовую характеристику, состоящую из различных исключительных административных прав, ограничения данных прав и обязанностей. В части рассмотрения правоспособности таких учреждений стоит отметить, что она обусловлена и вытекает из цели осуществления своих прав и законных интересов по отношению к неопределенному кругу лиц. Что касается права осуществлять деятельность в другой сфере, то она свойственна таким организациям, но только в том случае, если совпадает с основной целью.

Из этого следует, что учреждения, реализовывающие публично значимые функции, выступают субъектами административного права, осуществляющими управленческие полномочия. Классификация субъектов, выполняющих публичные функции, имеет открытый перечень. Он устанавливается судебной практикой, как правило, Конституционного Суда РФ. Вместе с тем изучение различных взглядов на трактовку самого понятия субъектов и признаков, присущих им, позволило выделить два вида в их перечне. Это будет способство-

вать сущностному пониманию определения субъектов, выполняющих публично значимые функции. Неспособность осмысления такой формулировки, отсутствие четкого перечисления таких субъектов в законодательстве сегодня приводит к негативным последствиям в сфере правоприменительной практики. Часто становится не совсем понятно, с кого взыскивать те или иные издержки, кого привлекать к ответственности. Последствия такой ситуации в реальной жизни приводят к тому, что рядовой гражданин в силу отсутствия юридических навыков не может разобраться в положениях законодательства и судебной практики, вследствие чего не может восстановить свои нарушенные права. Также данное положение нарушает одно из основополагающих принципов формирования содержания нормативного акта о том, что не допускается употребление многозначных и неоднозначных слов в тексте закона. Развитие общественных отношений, формирование современных принципов взаимодействия субъектов в российском административном праве еще более усугубляет существующую ситуацию.

В результате считаю, что развитие российского права требует выработки единого подхода к определению данного термина для его последующего нормативного закрепления. Такое нововведение восполнит существующий пробел в праве, а также исключит возможность возникновения коллизий в современном законодательстве. В свете рассмотрения административно-правового статуса этих субъектов стоит отметить, что он включает в себя все необходимые элементы, характеризующие данные организации, как осуществляющие публично значимые функции. В первую очередь, это конечно, их права и обязанности, которые закреплены в действующем законодательстве. Полагаю, что глубокое понимание в юридической доктрине данного термина, существенных признаков субъектов, осуществляющих публично значимые функции, элементов его статуса, которые были рассмотрены, помогут стать основой для совершенствования административно-правового статуса субъектов, осуществляющих публично значимые функции.

Список использованной литературы

1. Братановский С.Н. Административное право : учебник / С.Н. Братановский. – Москва : Директ-Медиа, 2013. – 921 с.
2. Бурмейстер В.А. Публично-правовое образование: законодательство и доктрина (сравнительно-правовые аспекты) / В.А. Бурмейстер // Сибирский юридический вестник. – 2016. – № 1. – С. 126–132.
3. Волков А.М. К вопросу о субъектах административного права / А.М. Волков // Вестник МФЮА. – 2016. – № 1. – С. 176–183.
4. Воскресенская Е.В. Субъекты саморегулирования: теоретико-правовой аспект / Е.В. Воскресенская // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 1 (43). – С. 17–24.
5. Кабанова И.Е. Гражданская правоспособность публично-правовых образований и органов публичной власти: вопросы теории и правоприменительной практики / И.Е. Кабанова // Управленческое консультирование. – 2014. – № 10 (70). – С. 75–82.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1).

7. Нестерова Т.А. Субъекты административных правоотношений и особенности их правового статуса / Т.А. Нестерова, И.Н. Кременов // Молодой ученый. – 2019. – № 31. – С. 102–105.

8. О внесении изменений в статью 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 1 и 2 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федер. закон от 07.05.2013 г. № 80-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 13.05.2013. – № 19. – Ст. 2307.

9. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федер. закон от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 08.05.2006. – № 19. – Ст. 2060.

10. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 г. № 1361-О. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=506813#05739331144010066> (дата обращения 17.03.2020 г.).

11. Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 г. № 629-О. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=537080#06270753898942841> (дата обращения 18.03.2020 г.).

12. Постановление Верховного Суда РФ от 15.02.2019 г. № 88-АД 19-2. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/zX9fHXS2Oxxj/?vsrf-txt> (дата обращения 14.03.2020 г.).

13. Постановление Верховного Суда РФ от 15.02.2019 г. № 48-АД19-2. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/SFBCv7k7BtW8/?vsrf-txt> (дата обращения 14.03.2020 г.).

14. Решение Советского районного суда г. Нижнего Новгорода № 12-330/2014 от 01.09.2014 г. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ESF68RqG1FJT> (дата обращения 14.03.2020 г.).

15. Синюгин В.Ю. Административно-правовой статус субъектов, осуществляющих публично значимые функции / В.Ю. Синюгин // Вестник ОмГУ. Сер. Право. – 2014. – № 2 (39). – С. 81–85.

16. Хабибуллина А.Р. Понятие и содержание административно-правового статуса государственного унитарного предприятия / А.Р. Хабибуллина // Молодой ученый. – 2015. – № 24. – С. 797–799.

Информация об авторах

Рыжова Анастасия Андреевна – кандидат юридических наук, доцент «кафедры Государственно-правовые дисциплины» юридического института Пензенского государственного университета, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, e-mail: 17593r@mail.ru.

Плахтий Николай Алексеевич – магистрант, кафедра «Государственно-правовые дисциплины», Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, e-mail: nikolas-plahtii@yandex.ru.

Authors

Ryzhova Anastasia Andreevna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of State Law Disciplines, Law Institute of Penza State University, Penza State University, 440026, Penza, street Red, 40, e-mail: 17593r@mail.ru.

Plakhtiy Nikolay Alekseevich – undergraduate, Department of «State Law Disciplines», Penza State University, 440026, Penza, street Red, 40, e-mail: nikolas-plahtii@yandex.ru.

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛАДКОСТВОЛЬНОГО
ОХОТНИЧЬЕГО ОРУЖИЯ С МУЛЬТИСНАРЯДОМ КАК СРЕДСТВО
ДОЛЖНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ**

В данной статье рассматривается механизм идентификации экспертом охотничьего гладкоствольного оружия, где мультиснарядом выступает дробь или картечь. Автором работы описывается один из реально применяющихся на практике способов криминалистического исследования оружия и его снарядов. Также показан способ подбора и выбора снаряда для исследования для того, чтобы наиболее точно сформировать представление об основных деталях как самого оружия, так и места происшествия и причинно-следственных связей в последующей квалификации деяния. Спецификой данной работы является рассмотрение способов криминалистического исследования экспертом криминалистом именно охотничьего гладкоствольного оружия с мультиснарядом.

Ключевые слова: криминалистика, мультиснаряд, гладкоствольное оружие, дробь, картечь.

Т.И. Savchenko

**FORENSIC INVESTIGATION OF SMOOTHBORE HUNTING WEAPONS
WITH MULTI SHELL AS A MEANS OF PROPER QUALIFICATION
IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION
OF CRIMINAL LAW POLICY**

The article considers method of identification of hunting plain-barrel guns with multi shell being a small shot or a buckshot by an expert. Author of the article is describing a practical way of forensic weapon and shell research. A way of selection and choosing the right shells for research is also being considered in this article in order to provide an accurate description of general details of the weapon itself, as well as of a site of the crime scene and of all causal links for subsequent classification of the incident. Specific point of the article is consideration of methods of forensic investigation by a forensics who specializes in expertise of hunting plain-barrel guns with multi shells.

Keywords: forensics, multi shell, smoothbore weapons, shot, buckshot.

На сегодняшний день, практически в каждой семье хранится оружие, которое может быть использовано для различных целей. К примеру, для охотничьего промысла, в виде спортивного оборудования, для выпуска сигнальных ракет и др. Конечно, законодателем регламентированы определенные ограничения, однако часть населения, зачастую относящаяся к категории неблагоприятных, получает абсолютный доступ к оружию, в том числе и огнестрельному, создавая

реальную возможность для его использования в противозаконных целях. Огнестрельное оружие является опасным предметом как для каждого человека, так и для общества и государства в целом. Повреждения от такого оружия, обладающего огромной мощностью, даже при малейшем соприкосновении с живым лицом способны повлечь за собой вред здоровью, а также смертельный исход.

Все это создает бесспорную общественную опасность деяний, в которых используется огнестрельное оружие. Зачастую, определение вида оружия и его характеристик влияет на квалификацию общественно опасного деяния.

Первоочередная трудность идентификации любого оружия заключается в том, что необходимо получить экспериментальные образцы, чтобы получить возможность выявить на них одноименные следы, т.е. такие следы, которые оставлены той же частью канала ствола, что и следы, имеющиеся на исследуемой дроби (изъятый с места происшествия во время обыска, извлеченной из тела человека при проведении операции или из тела трупа при осмотре судебно-медицинским экспертом) [5, с. 35].

Исследование следует начинать с непосредственного осмотра дроби либо картечи для того, чтобы выяснить ее индивидуальные характеристики, к примеру, общее состояние, количество, размер, степень деформации и способ ее изготовления. Если же дробь загрязнена, то необходимо перед началом исследования очистить, однако, необходимо не забывать, что механическому воздействию она не должна подвергаться. Далее, как только закончено предварительное микроскопическое исследование, исходная дробь сортируется на группы, которые включают в себя группы, где есть следы канала ствола, либо контактные пятна, либо следы от преграды [6, с. 101].

Далее, необходимо экспертам по следам канала ствола определить калибр оружия. Данную процедуру целесообразнее проводить не менее чем по трем дробицам, а более достоверного результата – от трех и более. Для вышеуказанного исследования следует выбирать дробь с наименее выраженным микроскопическим рельефом поверхности участков. Это делается для того, чтобы избежать внесение дополнительных, искусственно созданных погрешностей в необходимые измерения их размеров.

Исходя из практики экспертов в области баллистики, существует множество успешных примеров идентификации гладкоствольных ружей. Хотя не так давно, такие эксперты могли идентифицировать оружие только лишь по следам на пулях. Однако, с развитием знаний, технологий и способов исследования, получили возможность идентификации оружия и на дроби [4].

В своей деятельности, при криминалистическом исследовании, экспертам, по нашему мнению, следует производить экспериментальные отстрелы картечью, которая покажет наиболее достоверную картину. Данное исследование необходимо для того, чтобы позволить криминалисту приблизить условия образования следов при исследовательской стрельбе к таким условиям, при которых реально проявление следов на дроби. Качество дроби для такого исследования должно максимально четко быть подобрано, в частности, по диаметру, чтобы в каждом ее слое, размещаемом в гильзе при снаряжении патрона, карте-

чины, соприкасающиеся со стенками гильзы, плотно прилегали друг к другу, не образуя промежутков.

Итак, после того, как дробь или картечь были выбраны и согласованы, производится подготовка к выстрелам. Для этого, необходимо зафиксировать положение снаряда в самом патроне. Обращается внимание на тот факт, что следы от выстрела отображаются на дроби только лишь той части ствола, которая непосредственно соприкасалась со снарядом. Поэтому, для максимально приближенной картины выстрелов, необходимо производить серию выстрелов, которые могут гарантировать наиболее полное отображение следов поверхности ствола оружия. Так, с каждым отстрелом, сам патрон, находящийся внутри ствола, следует разворачивать на некий угол, всегда один и тот же, вокруг своей оси, для того, чтобы обеспечить перекрытие рельефа поверхности канала ствола на одной дроби [2, с. 246].

И после проведения таких экспериментальных выстрелов, каждую отдельную дробь или картечь исследуют на соответствие требованиям, установленным в ходе исследования. Произведя отбор таких снарядов, на которых наиболее полно и четко отобразились сходные участки канала ствола исследуемого оружия, которым и были оставлены следы на исходных снарядах. Важно в таком отборе то, чтобы дробь или картечь, поле произведенной сравнительной оценки имело определенные совпадения между экспериментальными и исходными образцами, для того, чтобы криминалист мог сделать обоснованный вывод и тождестве оружия и снаряда.

Что касается рассмотрения статических следов, оставленных на дроби или картечи, или же по-другому – контактных пятен, которые выглядят как круглые вмятины, возникающие в результате сжимания дроби под воздействием пороховых газов, когда гильза еще не раскрылась. На шарообразной дроби такие следы выглядят как притертости овальной формы с трассами поперек длинной оси овала [3, с. 78].

Общий размер следа находится в зависимости от размера дробины – чем крупнее дробь, тем больше размер следа на дроби. Эти следы в конкретных пределах устойчивы, их значимость чрезвычайно высока, так как идентификация охотничьего ружья по иным компонентам патрона невозможна [1, с. 189].

Исходя из вышесказанного, в практике занимает особое место криминалистические исследования, так как именно они позволяют определять и устанавливать факты, которые являются бесспорно важными для правильной квалификации деяния. Благодаря вышеназванным криминалистическим исследованиям охотничьего гладкоствольного оружия с мультиснарядом, а также следов выстрела из данного вида оружия, криминалисты помогают в выяснении сущности происшедшего события, а также позволяют определить место, время деяния, а также установить, вид снаряда и на основании их повреждений, судить об определенном виде оружия. Немаловажным фактом является то, что эксперты-криминалисты при проведении исследований, способствуют установлению причинной связи между действиями лиц и последствиями, к примеру, выявить количество возможных выстрелов, которые были произведены лицом. Несмотря на то, что охотничьи ружья специализированы для осуществления

охотничьей деятельности, нередко являются орудием преступления против людей. И в этом ключе, при наличии повреждений на теле и одежде живых лиц и трупов, эксперты проводят комплексные судебно-баллистические и судебно-медицинские экспертизы.

Список использованной литературы

1. Ищенко Е.П. Криминалистика : учеб. пособие / Е.П. Ищенко, В.А. Образцов. – Москва : Элит, 2007. – 563 с.
2. Коршунов В.М. Следы на месте происшествия: обнаружение, фиксация, изъятие : учеб. пособие / В.М. Коршунов. – Москва : Экзамен, 2001. – 354 с.
3. Криминалистика : учеб. пособие / В.В. Агафонов, Н.А. Бурнашев, В.А. Газизов / под ред. А.Г. Филиппова. – Москва : Высш. обр., 2007. – 441 с.
4. Максименко А.Н. О механизме огнестрельных / А.Н. Максименко // Вести хирургии, 1958. – 170 с.
5. Молчанов В.И. Состояние и перспективы разработки проблем огнестрельной травмы / В.И. Молчанов, Л.М. Бедрин, В.Л. Попов // Судмедэксперт. – 1983. – № 2. – С. 29–45.
6. Молчанов В.И. Огнестрельные повреждения и их судебно-медицинская экспертиза / В.И. Молчанов, В.Л. Попов, К.Н. Калмыков. – Ленинград, 1999. – 603 с.

Информация об авторе

Савченко Татьяна Игоревна – студентка, Иркутский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: tatiana.sav11@gmail.com.

Author

Savchenko Tatiana Igorevna – student, Irkutsk Law Institute (B) FGKOU VO «The university of the Prosecution of the Russian Federation», Irkutsk, Shevtsova, 1, e-mail: tatiana.sav11@gmail.com.

МЕСТО И РОЛЬ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Определяется роль и становление адвокатуры на современном этапе как института гражданского общества, характеризуются причины ее изменения и развития. Анализируются полномочия, установленные законом, и действия адвоката с позиций обвинительного уклона, выделяются четыре идеальных типа стратегий адвокатов, приводится их характеристика и признаки. Основным критерием тактик является использование особого порядка дел судебного разбирательства. Сделан вывод о том, что в тесном сотрудничестве с правоохранительными органами находятся адвокаты, использующие стратегии доминирования и кооперации. Установлено, что данные тактики используются молодыми адвокатами, которые еще не получили достаточного опыта и на которых возможно оказать давление. Характеризуется тенденция по сокращению использования особого порядка дел судебного разбирательства. Предполагается, что это положительно скажется на адвокатском сообществе.

Ключевые слова: адвокатское сообщество, особый порядок судебного разбирательства, стратегия адвоката, доминирование, кооперация, противостояние, нейтралитет.

A.E. Tolzak

PLACE AND ROLE OF THE RUSSIAN BAR IN THE SYSTEM OF ENSURING NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The role and formation of the bar at the present stage as an institution of civil society is defined, the reasons for its change and development are characterized. The author analyzes the powers established by law and the lawyer's actions from the position of accusatory bias, identifies four ideal types of strategies of lawyers, provides their characteristics and characteristics. The main criterion for tactics is the use of a special order of cases in court proceedings. It is concluded that lawyers who use strategies of dominance and cooperation are in close cooperation with law enforcement agencies. It is established that these tactics are used by young lawyers who have not yet received sufficient experience and who may be put under pressure. There is a tendency to reduce the use of special cases in court proceedings. It is expected that this will have a positive impact on the legal community.

Keywords: lawyer community, special procedure of court proceedings, lawyer strategy, dominance, cooperation, opposition, neutrality.

Адвокатура является институтом гражданского общества, однако она не относится к правоохранительным органам и ее системе. Несмотря на это к ее основным целям в самом широком смысле относятся защита основных прав и

свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, конституционного строя, стабильности и единства правовой системы. Поэтому положения, способствующие укреплению национальной безопасности, которые отражены в Указе Президента, приписываются и данному институту [6].

Адвокатское сообщество полноценно сформировалось в конце прошлого века – когда появился свободный рынок. Необходимость в большом количестве получения юридической помощи и иных услуг адвокатов в связи с распадом СССР привела в последующем к созданию новых юридических факультетов и стремительному расширению данного сообщества. По этой причине потребовалось реформировать адвокатуру и ее систему. В результате был издан Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», который заменил Положение об адвокатуре 1980 г., и в настоящее время регулирует адвокатскую деятельность.

Основными нововведениями, отраженными в законе, стали: 1) нормативное определение адвокатуры и адвокатской деятельности, гарантии независимости адвоката и адвокатской деятельности; 2) расширение прав адвоката в оказании юридической помощи, в частности право собирать необходимые сведения и документы для оказания такой помощи; 3) регламентация условий приобретения, приостановления и прекращения статуса адвоката; 4) признание прав адвоката на выбор формы организации; 5) расширение возможностей граждан России получать юридические услуги; 6) определения органов адвокатского самоуправления и их основные функции [1, с. 26].

В настоящее время роль адвокатов по-прежнему возрастает. Это обусловлено несколькими причинами: во-первых, закономерное развитие общества, появление новых институтов, расширения сферы взаимоотношений между различными субъектами; во-вторых, усиления контроля со стороны правоохранительных органов за сферами жизни общества с целью совершенствования правовой системы и правового пространства; в-третьих, развитие системы законодательства, появление все большего количества нормативных документов, за которыми большинство граждан не только не успевает следить, но и не может порою разобраться. Особенно стоит отметить, что востребованы именно высококвалифицированные адвокаты, которые способны оказать качественную юридическую помощь и в более короткий срок, однако не всем они по карману. Поэтому вопрос о развитии и совершенствовании данного института является весьма актуальным – в этом заинтересовано само общество.

Помимо вышеупомянутого закона правовую основу адвокатской деятельности составляют Конституция РФ, положения которой закрепляют необходимость существования адвокатуры и ее основные направления деятельности [4]; Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», другие федеральные законы, процессуальные НПА (УПК, ГПК, АПК, КоАП); «Кодекс профессиональной этики адвоката», принимаемые нормативные правовые акты Правительством РФ и федеральными органами исполнительной власти, а также законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ.

В современной России адвокаты занимают специфическую позицию: во-первых, они являются частью правоохранительной системы и также необходи-

мы, как, например, полиция и прокуратура, во-вторых, адвокатура является независимым сообществом и пользуется большей самостоятельностью, чем прокуратура или следственный комитет.

Адвокатура, являясь негосударственной правоохранительной организацией, обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе в судах и на досудебных стадиях, предупреждает различные виды преступности (коррупционной, должностной, политической и др.) в государственных органах и тем самым вносит свой вклад в обеспечение национальной безопасности Российской Федерации [5, с. 305].

Адвокат обладает довольно широким списком полномочий, одни непосредственно указаны в федеральном законе, другие в нормах уголовного, гражданского, конституционного, арбитражного и административного судопроизводства. Исходя из их положений, к полномочиям адвоката относятся: 1) участие в качестве представителя доверителя в конституционном, гражданском и административном судопроизводстве, а также в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях, которое регламентируется соответствующим процессуальным законодательством; 2) сбор сведений, необходимых для оказания юридической помощи (запрос справок и иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций); 3) опрос лиц, которые предположительно владеют информацией; 4) сбор и представление сведений, документов, предметов, которые служат вещественными и иными доказательствами; 5) привлечение специалистов для решения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи; 6) беспрепятственные встречи со своим доверителем на конфиденциальной основе; 7) совершение иных действий, не противоречащих законодательству и т.д.

Однако адвокат не вправе: 1) принимать поручения от доверителя, носящие заведомо незаконный характер; 2) занимать позицию противоположную воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат уверен в самооговоре доверителя; 3) делать публичные заявления о доказанности вины доверителя; 4) разглашать сведения, сообщенные доверителем, которые стали известны в связи с оказанием юридической помощи; 5) отказаться от принятой на себя защиты и т.д.

Особенно хочется выделить пункт, в котором указано, что адвокат не вправе осуществлять негласное сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Однако возникает вопрос: могут ли адвокаты оказывать содействие правоохранительным органам с позиций обвинительного уклона, и если да, то почему?

Если обратиться к временам СССР, то проведенные преобразования корпорации были направлены не на усовершенствование адвокатуры как правозащитной организации, а с целью создания управляемой государственными органами структуры, которая вписывалась бы в новый общественный и государственный строй, соответствуя политическому курсу коммунистической партии. Поэтому качество и независимость юридических услуг, оказываемых адвоката-

ми, оставляло желать лучшего. Так, согласно статистике, доля оправдательных приговоров составляла лишь небольшую часть, что обусловлено «палочной системой» отчетности и приоритетом стороны обвинения – государству необходимо было избавиться от всех неудобных, несогласных с курсом партии, или найти виноватых в ошибках, допущенных руководством [3].

Анализ действующего законодательства РФ показывает, что адвокатура не принадлежит к системе государственных органов, а является институтом гражданского общества. Данное положение способствует эффективному отстаиванию интересов граждан и подзащитных. Однако существует доля адвокатского сообщества, которая выбирает путь взаимодействия и тесного сотрудничества с другими правоохранительными органами. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, сниженной нагрузкой, как на самого адвоката, так и на иные правоохранительные органы, участвующие в делопроизводстве. Во-вторых, «палочной системой» отчетности (улучшение статистики), которая выгодна обеим сторонам правосудия. В-третьих, позицией самого адвоката, который по каким-либо личным причинам не желает противостоять правоохранителям и отстаивать интересы граждан.

Остановимся на данных причинах несколько подробнее. В 2015 г. А.П. Казун представил на обсуждение доклад, в котором обозначил тактики взаимодействия российских адвокатов с правоохранительными органами. При этом исследователь выделил четыре стратегии: кооперацию, доминирование, противостояние и нейтралитет [7].

Прежде чем рассмотреть указанные тактики взаимодействия адвокатуры с правоохранительными органами, обратимся к понятию особого порядка судебного разбирательства. Основной целью данного порядка уголовного судопроизводства является сокращение судебных издержек. В случае, если обвиняемый признает свою вину, то заключается постановление о проведении особого порядка, и приговор по уголовному делу выносится без проведения судебного разбирательства. В этом случае наказание, исходя из норм УПК РФ, не может превышать двух третей от максимально возможного срока заключения. Такая инициатива принадлежит обвиняемой стороне вместе с адвокатом, при этом решение должно быть согласовано с правоохранительными органами [9].

М.Л. Поздняков и К.Д. Титаев, отмечают, что заключение особого порядка оказывает на обвиняемого и его родственников, скорее психологическое положительное влияние, нежели юридическое [8]. Как правило, максимальный срок наказания очень редко применяется даже в обычном порядке. С другой стороны, это выгодно правоохранительным органам и адвокатам в том числе, поскольку, во-первых, это гарантирует справедливость и мягкость обвинительного приговора, который тяжело обжаловать, что опять же полезно для «палочной системы» отчетности; во-вторых, это уменьшает издержки производства и снижает нагрузку как на правоохранительные органы, так и на самих адвокатов.

Тактики доминирования и кооперации характеризуются тем, что адвокаты при такой позиции в большинстве случаев используют ведение особого порядка рассмотрения уголовных дел, тем самым сотрудничая с правоохранительными органами в направлении обвинительного уклона. Правоохранитель-

ные органы, в свою очередь, идут навстречу таким адвокатам и обеспечивают установление удобных сроков проведения судебного процесса. Что позволяет обеим сторонам осуществлять свою деятельность с небольшими затратами энергии и ресурсов. Различие тактики доминирования и кооперации состоит в том, что при первой адвокат сталкивается с различными правонарушениями со стороны правоохранительных органов, но не реагирует на них.

Анализируя статистику, можно утверждать, что такие тактики используются молодыми, неопытными адвокатами, поскольку возможностей оказать на них давление больше, при этом они чаще всего ведут свою деятельность в малых городах, так как рынок услуг там более узкий. Помимо этого, большинство клиентов попадают по назначению к таким адвокатам. Следовательно, доходы этих адвокатов будут не столь высокими, как и нагрузка при осуществлении деятельности.

Тактики нейтралитета и противостояния, наоборот, характеризуются небольшим количеством случаев, при которых адвокаты используют ведение особого порядка дел судебного разбирательства. Опять же различие состоит в том, что при стратегии противостояния адвокаты замечают и реагируют на частые нарушения со стороны правоохранителей, а при нейтралитете такие нарушения не выявляются. Поэтому адвокаты, придерживающиеся данных тактик, чаще добиваются решения «прекращение дела за примирением сторон в суде», а порою и «прекращение дела по реабилитирующим основаниям на этапе следствия».

По статистике такие стратегии используются более опытными и старшими по возрасту адвокатами. Кроме того, такие адвокаты в большей мере специализируются на гражданском процессе, так как в гражданских делах отсутствует «палочная система» отчетности и «обвинительный уклон». Свою деятельность они в основном осуществляют в крупных городах, прилагая большое количество усилий, так как противостояние правоохранительным органам предполагает более высокий уровень рабочей нагрузки. Поэтому их услуги стоят дороже, а порою и чрезмерно дорого, что обуславливает высокий доход, однако не каждый может себе позволить такую качественную юридическую помощь.

Выделенные тактики взаимодействия адвокатуры в значительной степени являются «идеальными типами». На практике большая часть адвокатов придерживается промежуточной позиции, не имея явной стратегии. Однако в большей или меньшей мере представляется возможным выделить ту или иную тактику, которая преобладает у конкретного адвоката. Наиболее сбалансированным и правильным сочетанием представляется тактика нейтралитета, к которому должна стремиться правозащитная система, поскольку в таком случае отсутствуют нарушения со стороны правоохранительных органов, а адвокат независимо выполняет свою работу в соответствии с законодательством.

Данное стремление осуществляется, во-первых, с помощью усилий адвокатов, придерживающихся методики противостояния, которые реагируют на правонарушения правоохранительных органов, тем самым влияя на их деятельность; во-вторых, политикой и решениями самих правоохранительных органов и государства. К данным действиям относятся непосредственно устранения правонарушений в органах и усиления ведомственного контроля.

Помимо этого, стоит обозначить наметившуюся тенденцию по сокращению использования особого порядка дел судебного разбирательства. Так 19 марта 2019 г. в Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялось расширенное заседание коллегии, на которой Генеральный прокурор Ю.Я. Чайка отметил, что «чрезмерное использование особого порядка рассмотрения уголовных дел – одна из важных причин ухудшения качества расследования». Его поддерживал и глава государства – В.В. Путин, который рекомендовал ответственно отнестись к использованию данного инструмента, «он не должен использоваться для маскировки недочетов следствия». Поэтому можно сделать вывод, что в настоящее время идет совершенствование правозащитной системы России в сторону более требовательного подхода к защите прав граждан. Поэтому возможно, что в скором будущем, применение особого порядка дел судебного разбирательства сведется к минимуму и отразится на деятельности адвокатов, следователей, прокуроров, которым нужно будет более тщательно подходить к своей работе на разных этапах уголовного преследования.

Результаты заседания расширенной коллегии Генеральной прокуратуры РФ получили дальнейшее отражение в законопроекте о внесении изменений в ч. 1 ст. 314 УПК РФ, внесенного в Государственную Думу 17.04.2019 г. Верховным Судом Российской Федерации в порядке законодательной инициативы.

В соответствии с указанным законопроектом предлагается исключить использование особого порядка дел по тяжким составам преступлений, т.е. такая процедура будет возможна лишь для деяний легкой и средней тяжести. На сегодняшний день по сообщениям СМИ и информации с сайта Госдумы нижняя палата одобрила в первом чтении данный законопроект [2]. Помимо этого, действующий Генеральный прокурор И.В. Краснов также высказался против особого порядка по делам о тяжких преступлениях и прямо поддерживает данное нововведение.

Таким образом, для защиты прав и свобод человека и гражданина, в контексте обеспечения национальной безопасности, адвокатура как институт гражданского общества осуществляет взаимодействие с другими правоохранительными органами как в сфере оказания юридической помощи подзащитным, так и при проведении самостоятельного адвокатского расследования. В большинстве случаев адвокаты придерживаются методики доминирования и кооперации, которые предполагают использование рассмотрения дел в особом порядке. Однако в последние годы наметилась тенденция по сокращению использования данного порядка, а некоторые предлагают и вовсе его отменить. Такие изменения могут во многом изменить адвокатскую систему и постепенно направить ее на новые рельсы, исключив сотрудничество с правоохранительными органами в области обвинения лиц, совершивших преступления.

Список использованной литературы

1. Адвокатура в Российской Федерации : краткий курс лекций / А.В. Молчанова, Ш.Н. Хазиев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2013. – 172 с.

2. Законопроект «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/690652-7> (дата обращения 10.03.2020 г.).

3. Захаренков Д.Н. Основные начала организации и деятельности адвокатуры советского периода / Д.Н. Захаренков // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 5 (30). – С. 10–13.

4. Конституция Российской Федерации : принята 12.12.1993 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>.

5. Криминология : учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / под общ. ред. О.С. Капинус ; под науч. ред. В.В. Меркурьева. – 2-е изд., пер. и доп. – Москва : Юрайт, 2019. – 1132 с.

6. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>.

7. Тактики взаимодействия российских адвокатов с правоохранительной системой: между кооперацией и противостоянием. – URL: <https://www.hse.ru/data/2015/04/16/1095671928/доклад.pdf> (дата обращения 10.03.2020 г.).

8. Титаев К.Д. Порядок особый – приговор обычный: практика применения особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) в российских судах / К.Д. Титаев, М.Л. Поздняков. – Санкт-Петербург : ИПП ЕУ СПб, 2012. – 16 с.

9. Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18.01.2001 г. № 174-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>.

Информация об авторе

Тользак Алексей Евгеньевич – студент, Иркутский юридический университет (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ), 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: atolzak@mail.ru.

Author

Tolzac Alexey Evgenievich – student, Irkutsk law Institute (branch) of Academy of Prosecutor General of the Russian Federation, 1, Shevtsova str., Irkutsk, 664035, e-mail: atolzak@mail.ru.

ЗДОРОВЬЕ ГРАЖДАН КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье анализируется здоровье граждан как конституционная ценность в современном мире, рассматривается право на здоровье в международных актах, а также конституциях. Здоровым считается человек физически, психически и социально благополучный и уравновешенный. Для обеспечения права на здоровье гражданина необходима гармоничная жизнь в условиях изменения общей среды развития, максимальные усилия со стороны государства и органов власти в качестве мер обеспечения сохранности данного права, а также информационная пропаганда и активное сотрудничество со стороны общественности. В статье также проводится небольшой исторический экскурс на возникновение права на здоровье в законодательстве. Проводится анализ конституционной нормативной базы регулирования права на здоровье в РФ.

Ключевые слова: право на здоровье, международные акты, Всемирная организация здравоохранения, конституционное право на здоровье.

А.А. Tuzkova

CITIZENS 'HEALTH AS A CONSTITUTIONAL VALUE IN TODAY 'S WORLD

The article analyses the health of citizens as a constitutional value in the modern world, and considers the right to health in international acts as well as constitutions. A person is considered healthy as physically, mentally and socially prosperous and balanced. A citizen must ensure a harmonious life in the face of changes in the general development environment, maximum efforts on the part of the state and authorities. There is a small historical survey of the emergence of the right to health in the legislation. The analysis of the constitutional regulatory framework for the regulation of the right to health in the Russian Federation.

Keywords: anti-international acts, right to health, World Health Organization, constitutional right to health.

Здоровье является наивысшей ценностью человека во всем мире, во все времена. Здоровье населения стран является одним из основных аспектов в процессе достижения мира, оно базируется на взаимодействии и отдельных лиц, и государств. Охрана здоровья является одним из верховенствующих прав, что также нашло отражение и в Конституции нашей страны, и в законодательных актах зарубежных государств.

Имеются различные вариации трактования терминов «здоровье» и «право на здоровье», однако всеми исследователями признается тот факт, что здоровым считается человек физически, психически и социально благополучный и уравновешенный. Для обеспечения права на здоровье гражданина необходима гармоничная жизнь в условиях изменения общей среды развития, максималь-

ные усилия со стороны государства и органов власти в качестве мер обеспечения сохранности данного права, а также информационная пропаганда и активное сотрудничество со стороны общественности.

Вместе с тем здоровье населения является ключевым индикатором уровня жизни, а также качества социально-экономического развития и защищенности государства, при этом сфера здравоохранения тесно взаимосвязана с другими стратегически важными отраслями страны [6, с. 143].

Право на здоровье – это фундаментальное и эксклюзивное социальное право, охватывающее не только сферу медицины, но и все факторы здоровья.

Сама идея права на здоровье впервые появилась во Франции в конце XVIII в. Во время французской Революции, революционеры включили идею социального контракта в их теорию общественного здравоохранения и стремились реализовать право на здоровье (LaBerge, 1992) в конституции. Реформаторы, однако, вскоре столкнулись с политическими и религиозными оппозиционерами. Термин «здоровье» был в конечном итоге исключен из повестки дня Декларации прав человека и гражданина в 1789 г.

Сто лет спустя в Соединенных Штатах было признано право на здоровье и закреплено в Конституции штата Вайоминга в Статье 7, Разделе 20 в 1889 г. С тех пор право на здоровье все чаще фигурировало в законодательных актах.

В 1936 г. СССР стала первой страной, обеспечившей гарантию доступа к медицинской помощи на национальном уровне, хотя статья 120 Конституции СССР была ориентирована исключительно на доступ к здравоохранению, а не на право на здоровье в целом [1, с. 154].

Концепция права на здоровье широко распространилась из конституции социалистических стран к конституциям демократических стран, но было названо «правом на здоровье» а не «право на охрану здоровья». Конституция Итальянской Республики, которая была принята в декабре 1947 г. стала первым демократическим государством в котором было признано фундаментальное право на здоровье.

Таким образом, идея о том, что обязанностью правительства является обеспечение доступа к медицинскому обслуживанию или поддержания адекватного уровня здоровья существовала и раньше, но лишь в последней половине XX в. право на здоровье было включено в национальные и международные законы и начало рассматриваться как правовой инструмент для достижения целей здоровья, подразумеваемых этим правом.

На международном уровне право на здоровье было закреплено впервые в 1946 г. в Конституции Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), и с тех пор отражено в ряду международных договоров и деклараций. Наиболее авторитетная интерпретация Права на здоровье изложена в статье 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных прав. Обзор различных конституций стран показывает, что почти треть государств в настоящее время признают право «здоровье» прямо или косвенно в своих конституциях [7, с. 297].

Следует отметить, что когда любое государство подписывает договор посредством ратификации, присоединения или правопреемства, оно имеет юридическое обязательство принять ряд мер для обеспечения того, чтобы каждый

человек, находящийся под его юрисдикцией, мог пользоваться правами, закрепленными в договоре. По такой же схеме возникают обязательства по осуществлению права на здоровье из национального законодательства.

Однако в тех случаях, когда право на здоровье отсутствует в Конституции, подход, основанный на правах человека, может показаться в определенной степени инородным в контексте общественного здравоохранения.

Национальные конституции являются высшими законами стран. Следовательно, в случае любого противоречия или несоответствия между любыми другими национальными законами и положениями, положение Конституции преобладает. Таким образом, упоминание о праве на Здравоохранение в национальных конституциях предусматривает один из способов обозначения обязательств правительства о защите и осуществлении прав человека. Поэтому включение права на здоровье в Национальные конституции имеют центральное значение для признания прав человека, связанных с охраной здоровья.

Анализ законодательной базы Российской Федерации показывает, что помимо международных нормативно-правовых актов, право на здоровье регулирует Конституция РФ, а также множество кодексов и подзаконных актов, отраженных на рис.

Нормативная база регулирования права на здоровье в РФ [8, с. 127]

На конституционном уровне, право на охрану здоровья закреплено в статье 41 КРФ, которая в том числе устанавливает за каждым гражданином и право на медицинскую помощь. При этом, право на здоровье согласно Конститу-

ции РФ находится в тесной взаимосвязи с обязанностью государства охранять здоровье граждан, согласно части 2 ст. 7.

Также на Конституционном уровне установлено, что государство должно финансировать федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, меры проводить работу по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, а также поощрять деятельность, которая способствует укреплению здоровья человека, развития физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию согласно (ч. 2 ст. 41 Конституции РФ) [9].

В результате анализа сорок первой статьи Конституции РФ, становится возможным выявить следующие основные компоненты содержания права на охрану здоровья:

- сохранение здоровья;
- укрепление здоровья;
- восстановление здоровья.

Все это возможно осуществить посредством получения медицинской помощи. Законодателем установлено девять основных принципов охраны здоровья граждан, каждый из которых играет определенную роль и в конечном счете определяет отношение государства к системе охраны здоровья граждан как части государственной и общественной системы правоотношений.

В основу принципов охраны здоровья легли все общеправовые конституционные принципы: гарантированности и неотчуждаемости прав и законных интересов человека и гражданина; признание прав и свобод непосредственно действующими; охрана достоинства личности, гарантированность социальной защиты и социального обеспечения по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом, и т.д. [14].

Следует отметить, что для обеспечения права на здоровье гражданина необходима гармоничная жизнь в условиях изменения общей среды развития, максимальные усилия со стороны государства и органов власти в качестве мер обеспечения сохранности данного права, а также информационная пропаганда и активное сотрудничество со стороны общественности. Достижения любого государства в деле поощрения и защиты здоровья представляет особую ценность для всех граждан [15].

Многие исследователи в области права отмечают, что на практике достижение права на здоровье тесно связано и зависит от реализации других социально-экономических прав, таких как образование, социальное обеспечение и окружающая среда. Кроме того, правительства мировых стран имеют существенные бюджетные ограничения, которые продиктованы их конституциями; следовательно, эти права должны финансироваться из конкурирующих государственных бюджетов, как и в сфере здравоохранения.

Появление особенно в последнее время судебной активности в отношении здоровья привлекает со стороны исследователей как похвалу, так и критику. Хотя большинство исследователей рассматривают это право как мощный инструмент в борьбе с бедностью и неравенством в отношении здоровья [6–8],

другие критикуют именно искажение распределения ресурсов здравоохранения судебным процессом [16–17].

Таким образом, в статье проанализировано здоровье граждан как конституционная ценность в современном мире, рассматривается право на здоровье в международных актах, а также конституциях. В целом, охрана здоровья является одним из верховенствующих прав, что также нашло отражение и в Конституции нашей страны, и в законодательных актах зарубежных государств. Когда любое государство подписывает договор посредством ратификации, присоединения или правопреемства, оно имеет юридическое обязательство принять ряд мер для обеспечения того, чтобы каждый человек, находящийся под его юрисдикцией, мог пользоваться правами, закрепленными в договоре. По такой же схеме возникают обязательства по осуществлению права на здоровье из национального законодательства. Для обеспечения права на здоровье гражданина необходима гармоничная жизнь в условиях изменения общей среды развития, максимальные усилия со стороны государства и органов власти в качестве мер обеспечения сохранности данного права, а также информационная пропаганда и активное сотрудничество со стороны общественности. Достижения любого государства в деле поощрения и защиты здоровья представляет особую ценность для всех граждан. Также на практике достижение права на здоровье тесно связано и зависит от реализации других социально-экономических прав, таких как образование, социальное обеспечение и окружающая среда. Кроме того, правительства мировых стран имеют существенные бюджетные ограничения, которые продиктованы их конституциями; следовательно, эти права должны финансироваться из конкурирующих государственных бюджетов, как и в сфере здравоохранения.

Список использованной литературы

1. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь / С.А. Авакьян. – Москва : Юстицинформ, 2018. – 281 с.
2. Вопросы Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека : постановление Правительства РФ от 06.04.2004 г. № 154 (ред. от 21.05.2013 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 15. – Ст. 1446.
3. Вопросы Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития : постановление Правительства РФ от 06.04.2004 г. № 155 (ред. от 28.01.2011 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 15. – Ст. 1447
4. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) // Российская газета. – 1995. – № 67.
5. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
6. Ершов В.А. Право социального обеспечения : учеб. пособие / В.А. Ершов, И.А. Толмачев. – Москва : ГроссМедиа ; РОСБУХ, 2018. – 182 с.
7. Капралова Е.В. Конституционное право граждан на охрану здоровья: его содержание и законодательное обеспечение / Е.В. Капралова, Е.С. Сергеев

ва // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 1. – С. 295–302.

8. Колесова Н.С. Обеспечение права на охрану здоровья: демографические и институциональные индикаторы / Н.С. Колесова // Труды Института государства и права РАН. – 2017. – № 3. – С. 124–143.

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

10. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.

11. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации : федер. закон от 29.11.2010 г. № 326-ФЗ (ред. от 28.01.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 49. – Ст. 6422.

12. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 27.12.2019 г., с изм. от 13.01.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

13. Отставнова Е.А. Конституционные основы защиты права человека и гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Отставнова. – Саратов, 2010. – 27 с.

14. Романовская О.В. Модернизация законодательства об оказании специализированной медицинской помощи / О.В. Романовская // Реформы и право. – 2014. – № 2. – С. 3–9.

15. Романовская О.В. Право на охрану здоровья, право на медицинскую и социальную помощь: проблемы соотношения / О.В. Романовская // Социальное и пенсионное право. – 2015. – № 1. – С. 9–14.

16. Садовникова Г.Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Г.Д. Садовникова. – 10-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2016. – 322 с.

17. Холодова Т. Судебные и досудебные способы защиты прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь / Т. Холодова // Социальное и пенсионное право. – 2006. – № 3. – С. 54–56.

Информация об авторе

Тузкова Анна Алексеевна – аспирант, кафедра «Государственно-правовые дисциплины», Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, e-mail: annatuzkova94@mail.ru.

Author

Tuzkova Anna Alekseevna – post-graduate student, department of State Legal disciplines, Penza State University, 440026, Penza, krasnaya street, 40, e-mail: annatuzkova94@mail.ru.

РЕГУЛЯРНАЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ «ГИЛЬОТИНА» В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Вопросы обеспечения равновесности и непротиворечивости правовой системы приобретают особую актуальность в свете цифровизации экономики, ускорения общественных процессов, совершенствования способов и приемов законодательной техники. В работе исследуется проблематика применения регулярной законодательной гильотины в России с целью обеспечения непротиворечивости и четкости правовой системы. Сделан вывод, что существующая в современной России ситуация, когда принимаемый массив нормативно-правовых актов, особенно вносящих изменения в уже действующие акты, нельзя признать позитивной не только для функционирования общественной системы, но и для обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: система законодательства, нормативно-правовой акт, закон, непротиворечивость, «регуляторная гильотина».

А.N. Ustinov

REGULAR LEGISLATIVE GUILLOTINE IN LEGAL CONSISTENCY

The issues of ensuring the equilibrium and consistency of the legal system are of particular relevance in the light of the digitalization of the economy, the acceleration of social processes, the improvement of the methods and techniques of legislative technology. The work explores the application of regular legislative guillotine in Russia in order to ensure consistency and clarity of the legal system. It has been concluded that the current situation in modern Russia, when the adopted array of normative and legal acts, especially those amending existing acts, cannot be recognized as positive not only for the functioning of the public system, but also for ensuring national security.

Keywords: system of legislation, regulatory act, law, consistency, «regulatory guillotine».

Функционирование правовой системы базируется на принципах формальной определенности, непротиворечивости [3], срочности/бессрочности [2] правовых норм и значения юридических фактов. Для всего этого основой является действующая правовая система, следовательно, качество работы нормотворца над правовыми нормами является показателем устойчивости правовой системы. У. Черчиллю приписывают фразу: «Там, где существует десять тысяч предписаний, не может быть никакого уважения к закону». Представляется, что правовые реалии современной России как нельзя лучше подтверждают данный вывод.

Так, согласно ресурсу pravo.gov.ru, на данный момент в Российской Федерации на федеральном уровне действует с изменениями или без изменений более 7 тысяч федеральных конституционных законов, федеральных законов, законов РФ и основ законодательства. В случае, если в поиск добавить постановления Правительства РФ, то перечень нормативно-правовых актов возрастает до более чем до 64 тысяч документов. Также, на сайте Министерства юстиции России размещен перечень нормативно-правовых актов СССР и РСФСР, которые на практике применяются в Российской Федерации: в перечне указаны 725 нормативно-правовых актов.

Исследовав статистику принятия нормативно-правовых актов, можно сделать вывод, что в среднем в месяц принимается около 70 федеральных законов, 140 постановлений Правительства Российской Федерации. Таким образом, для изучения только «свежего» федерального законодательства профессиональному юристу необходимо изучать в среднем по 2 федеральных закона и 3–5 постановлений Правительства ежедневно без выходных. Это только федеральный уровень, только федеральные законы и постановления Правительства, притом, что нормативно-правовые акты также издает Президент Российской Федерации, различные федеральные министерства и ведомства в пределах своей компетенции. Дополнительно нормативно-правовые акты издаются на уровне субъектов Российской Федерации, а также на муниципальном уровне.

Разумеется, знать, хотя бы в общих чертах содержание законодательства не может ни один российский юрист. Фактически его знания ограничиваются некоторым количеством основанных нормативно-правовых актов и знаниями законодательства в узкой сфере, в которой юристу предстоит работать.

В силу указанной проблемы, на уровне Правительства Российской Федерации введен в оборот термин «регуляторная гильотина», целью введения которой является формирование современной, адекватной требованиям времени и технологического развития, эффективной системы регулирования в соответствующей сфере общественных отношений, основанной на выявлении наиболее значимых общественных рисков и их снижении до приемлемого уровня, в том числе путем выбора адекватных способов воздействия на риски и установления таких обязательных требований, которые в наибольшей степени влияют на предотвращение негативных последствий реализации этих рисков.

Механизм «регуляторной гильотины» включает в себя:

– признание утратившими силу или отмену не позднее 1 января 2021 г. всех нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, нормативных документов федеральных органов исполнительной власти, нормативных правовых актов РСФСР, а также признание не действующими на территории Российской Федерации нормативных правовых актов СССР, устанавливающих обязательные требования, соблюдение которых подлежит проверке при осуществлении государственного контроля (надзора) в соответствующих сферах общественных отношений;

– внесение в законодательство Российской Федерации изменений, направленных на изменение не позднее 1 января 2021 г. существующих федеральных законов или принятие новых законов, обеспечивающих систематиза-

цию обязательных требований и исключение установления изъятий из гражданских прав на подзаконном уровне;

– введение в действие не позднее 1 января 2021 г. новых норм, содержащих актуализированные требования, разработанные с учетом риск-ориентированного подхода и современного уровня технологического развития в основных сферах общественных отношений.

Необходимость сокращения правовых актов не является только проблемой современной России. Избыточность правового регулирования осознавалась также руководством СССР. В качестве примера можно привести постановление Центрального комитета КПСС и Совет министров СССР от 25 июня 1975 г. № 558 «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства». Авторы документа признавали, что «хозяйственное законодательство еще не полностью отвечает задачам развития экономики страны на современном этапе. Оно состоит из большого количества актов по одним и тем же вопросам, принятых на различных этапах социалистического строительства. Многие акты устарели, противоречат друг другу или не увязаны между собой. Неоправданно велико количество ведомственных нормативных актов. Министерства и ведомства вносят проекты новых актов, не предусматривая, как правило, предложений об одновременной отмене или изменении ранее установленных норм, в результате чего многие акты и отдельные нормы, потерявшие свое значение и фактически не подлежащие применению, формально не отменены. Нередко законодательные и другие нормативные акты содержат неоправданные ограничения и мелочное регламентирование, сковывающие инициативу предприятий и организаций. Ряд важных вопросов хозяйственной деятельности еще не урегулирован в законодательном порядке. Такое состояние хозяйственного законодательства затрудняет его применение, не отвечает задачам дальнейшего укрепления социалистической законности и в конечном счете отрицательно сказывается на повышении эффективности общественного производства». В связи с этим в документе устанавливалось, что «первоочередной задачей должно быть устранение множественности правовых актов по одним и тем же вопросам, имеющих в них противоречий, неувязок, необоснованных ограничений и мелочного регламентирования, стесняющих инициативу предприятий и организаций».

Отметим, что соотнести количество ныне действующих нормативно-правовых актов в Российской Федерации с их количеством в СССР, и РСФСР практически невозможно, по причине того, что в СССР отсутствовало требование об обязательном опубликовании нормативно-правовых актов. Более того, многие нормативно-правовые акты СССР/РСФСР не только не опубликованы, но и засекречены до настоящего времени. Таким образом, количество нормативных актов в СССР фактически неизвестно.

Представляется, что избыточное количество нормативно-правовых актов более всего характерно для романо-германской правовой семьи. При сравнении с англо-саксонской системой права, романо-германская наиболее подвержена созданию нормативно-правовых актов по любым вопросам. Англо-саксонская система права этому недостатку подвержена в существенно меньшей степени,

поскольку в ней, существенно большее значение имеет юридический и судебный прецедент. При этом прецедент по сравнению со специальным нормативно-правовым актом выглядит предпочтительнее, поскольку применяется главным образом только в суде в случае, если кому то, в результате нарушения прецедента причинен реальный ущерб. В случае, если ущерба нет, или он не достаточно велик для того, чтобы обращаться в суд за восстановлением нарушенного права, норма прецедента фактически может не применяться.

Таким образом, большое количество устаревших прецедентов, гораздо меньше сказывается на населении и субъектах экономической деятельности, чем устаревшие и противоречащие друг другу нормативно-правовые акты.

В случае с Российской Федерацией, врожденные недостатки романо-германской системы права усугубляются фактически господствующей в стране теорией позитивного права, исходя из которой все, что исходит от компетентных государственных органов является правильным, справедливым и истиной в последней инстанции.

Представляется оправданным введение «регуляторной гильотины», а также принципа «One in – Two out» [1] при совершенствовании российской правовой системы, что позволит обеспечить равновесие правовой системы [4], будет способствовать формированию непротиворечивого правового массива.

Список использованной литературы

1. Рукавишникова Т.Л. «Механизм «One in – Two out»: от стабилизации регуляторной нагрузки к ее снижению» / Т.Л. Рукавишникова // Вопросы ОРВ. – 2018. – Вып. 2. – С. 13–15.
2. Слободчикова С.Н. Правовая природа сроков в российском избирательном праве / С.Н. Слободчикова // Академический юридический журнал. – 2014. – № 3 (57). – С. 48–54.
3. Шастина А.Р. Об установлении конкурсных требований к кандидатам для избрания на должность главы муниципального образования / А.Р. Шастина // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2019. – № 3. – С. 14–17.
4. Якимова Е.М. Концепция равновесия системы конституционного регулирования предпринимательской деятельности / Е.М. Якимова. – Москва : Юстицинформ, 2020. – 330 с.

Информация об авторе

Устинов Андрей Николаевич – главный консультант аппарата Уполномоченного по правам человека в Иркутской области, 664011, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 40, офис 807, e-mail: marketgarden@rambler.ru.

Author

Ustinov Andrey Nikolaevich – Chief Consultant, Office of the Commissioner for Human Rights in Irkutsk Region, 40, Karla Marksa str., Irkutsk, 664011, e-mail: marketgarden@rambler.ru.

СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассмотрены проблемы разработки стратегии противодействия коррупции. Обращено внимание на необходимость совершенствования действующего национального законодательства и влияние человеческого фактора на воспроизводство коррупционных отношений. Сделан вывод о целесообразности иного нормативного определения коррупции, с тем, чтобы каждая негативная ее составляющая подлежала нейтрализации посредством активного применения мер правоохранительного воздействия. Высказано предложение о формировании управленческого потенциала в системе условий строжайшего воспитания. Система воспитания потенциального управленца должна строиться на крайне негативном восприятии коррупционных проявлений и исключать возможность личного участия в коррупционных отношениях. Аналогично и кадровый потенциал, осуществляющий непосредственную борьбу с коррупционными преступлениями, должен соответствовать высоким морально-нравственным качествам. Разработка системной стратегии противодействия коррупции должна осуществляться на прочной научной основе.

Ключевые слова: коррупция, стратегия, противодействие коррупции, национальная безопасность.

А.М. Khlus

ANTI-CORRUPTION STRATEGY AS A MEANS TO ENSURING NATIONAL SECURITY

The article considers the problems of developing a strategy for combating corruption. Attention is drawn to the need to improve existing national legislation and the influence of the human factor on the reproduction of corruption relations. The conclusion is drawn on the appropriateness of another normative definition of corruption so that each negative component thereof should be neutralized through the active application of law enforcement measures. A proposal has been made on the formation of managerial potential in the system of conditions for the strictest education. The education system of a potential manager should be based on an extremely negative perception of corruption and exclude the possibility of personal participation in corruption. Similarly, the personnel potential, which carries out a direct fight against corruption crimes, must correspond to high moral standards. The development of a systemic anti-corruption strategy should be carried out on a sound scientific basis.

Keywords: corruption, strategy, anti-corruption, national security.

Коррупция как явление, характерное для любого общества и государства, представляет угрозу для их безопасности. Это не вызывает сомнений у большинства современных людей и воспринимается ими как аксиома. Возникнув одновременно с появлением в глубокой древности первых государств, коррупция сохранилась до настоящего времени и в различной степени проявляет себя во всех современных странах мирового сообщества. Неистребимости этого негативного явления, борьба с которым ведется на протяжении всей истории человечества, способствуют многие факторы, устранению которых не способствуют единичные, разрозненные и не всегда продуманные мероприятия. Для ликвидации либо, по крайней мере, максимального ограничения проявлений коррупции необходима разработка системной стратегии противодействия данному социальному явлению, реализация которой потребует многие десятилетия и смену нескольких поколений людей. Осуществить это, по нашему мнению в силах любого государства, являющегося «субъектом обеспечения национальной безопасности» [2, с. 16–21]. Для этого необходимо только одно: твердая политическая воля.

На пути к достижению этой цели, по нашему мнению, необходимо решить ряд проблем, среди которых главенствующую роль играют те, связанные с формированием правовой системы государства и человеческим потенциалом. На это же обращают внимание и другие исследователи.

Б.А. Жетписбаева, ссылаясь на китайского государственного деятеля XI в. Ван Ань-ши, называет два источника воспроизведения коррупции: «плохие законы» и «плохие люди» [1]. Проанализировав эту мысль в условиях развития современного общества, можно отметить, что она в целом близка к реальному отражению действительности. Она же определяет направления для анализа действующего национального законодательства и влияния человеческого фактора на воспроизводство коррупционных отношений, как составных элементов в системе противодействия коррупции.

Охватить все республиканское законодательство, регулирующее вопросы противодействия коррупции в одной отдельной статье не представляется возможным. Обратим внимание лишь на отдельные проблемы, требующие первоочередной научной разработки и, как следствие, нормативного закрепления.

С момента становления суверенной Республики Беларусь была провозглашена борьба с коррупцией, которая с переменным успехом ведется до настоящего времени. За период в четверть века было принято несколько законов о борьбе с коррупцией. На основе их анализа в целом и в частности действующего Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» [4] можно констатировать, что фактически борьба ведется не с коррупцией, а ее проявлениями, т.е. коррупционными правонарушениями. Причем следует заметить, что речь идет не обо всех их видах, а только о преступлениях. Дисциплинарные, гражданско-правовые и административно-деликтные проступки с коррупционной составляющей остаются вне поля зрения правоохранителей, что, нередко, приводит их трансформации в уголовные деяния.

Такой подход к проблеме противодействия коррупции не способствует ее ликвидации либо максимальной локализации. Содержащаяся в действующем

законе о борьбе с коррупцией формулировка понятия «коррупция» преимущественно характеризует ее уголовно-правовую составляющую, но не отражают сущности данного явления.

Для коррупции свойственен широкий спектр противоправных деяний, охватываемых не только уголовным правом, но и имеющих к ней отношение «гражданско-правовых и административных деликтов, а также дисциплинарных проступков и действий, противоречащих нормам нравственности» [6, с. 77].

Коррупцию следует рассматривать, как в широком, так и узком смысле. В широком смысле под «коррупцией следует понимать изменения (разрушение, деформацию) сложившихся (установленных) на основе норм морали (нравственности) и права общественных отношений, возникающих между субъектами права, от одного из которых, являющегося, как правило, должностным лицом, ожидается принятие на основе служебных полномочий решений либо совершение действий (равно ожидаемых, предполагаемых в будущем) в личных имущественных или неимущественных интересах либо в интересах другого субъекта, представляемого им юридического лица или близких ему лиц (родственников, друзей, знакомых)» [7, с. 42]. Эти деяния предусматривают разные виды юридической ответственности: «уголовную (вымогательство имущества или другой выгоды), гражданско-правовую (принятие имущества (подарков)), административную (мелкое хищение имущества путем злоупотребления служебными полномочиями), дисциплинарную (использование в личных интересах предоставленного имущества)» [5, с. 378]. Для большинства правонарушений коррупционной направленности характерно наличие общего признака: совершение должностным лицом. Исключения составляют взяткодатели и посредники во взяточничестве, которые в ряде случаев не являются должностными лицами, но принимают активное участие в воспроизведении коррупции как явления.

В узком смысле коррупция охватывает собой всю совокупность деяний, нарушающих определенные нормы уголовного права. При этом понятия «коррупция» и «коррупционное преступление» совпадают. «Коррупция (коррупционное преступление) – это противоправные деяния (действия и бездействия), совершаемые государственными служащими (должностными лицами) и приравненными к ним законодательством лицами в личных интересах (имущественного или неимущественного характера) или в интересах иных лиц, связанные с использованием своего служебного положения и направленные на изменение (разрушение, деформацию) установленных (сформированных) на основе норм уголовного права общественных отношений (установленного в обществе и государстве порядка), а равно действия иных физических лиц провоцирующих к таким деяниям государственных служащих (должностных лиц) и приравненных к ним законодательством лиц» [7, с. 42].

Краткий анализ понятий «коррупция» и «коррупционное преступление» позволяют сделать вывод. Разработка стратегии борьбы с коррупцией должна основываться на фундаментальном научном исследовании данного негативного явления, выработке в соответствии с этим четких, нормативно закрепленных представлений о понятиях «коррупция» и «коррупционное преступление». Определение в связи с этим совокупности не только уголовно-правовых кор-

рупционных деяний, но и административно-деликтных, гражданско-правовых и дисциплинарных проступков коррупционной направленности, с которыми непосредственно должна вестись борьба.

Не менее значимую роль в воспроизведении коррупции играет человеческий фактор. При этом важно рассматривать людей в этом процессе не только как участников коррупционных отношений. Не меньший интерес представляют и те лица, которые призваны вести активную борьбу с этим негативным явлением.

Для должностных лиц, совершающих коррупционное преступление, свойственно корыстолюбие. В его основе стремление к благополучию, обеспечению себя, в ряде случаев и своих близких, лучшими условиями жизни. Это стремление характерно для любого человека, поэтому обвинять должностных лиц в наличии этого желания будет несправедливым. Достижению благополучия способствует материальный достаток, формируемый, как легальным, так и нелегальным путем. Легальный путь связан с получением должностным лицом заработной платы и иных законных доходов. Неудовлетворенность материальными доходами в сочетании с обостренным стремлением к благополучию побуждает искать путь к увеличению доходов, но уже, как правило, нелегальным путем, что и приводит к совершению деяний коррупционной направленности.

В таком случае можно предложить следующее. Управленческий потенциал необходимо формировать в системе условий строжайшего воспитания. В идеале система воспитания потенциального управленца должна строиться на крайне негативном восприятии всего, что имеет связь с коррупцией и, не менее важно, исключать различные примеры коррупционных отношений. Реализовать это достаточно сложно, особенно в условиях развития современного потребительского общества. Но мы считаем, что решить эту проблему все же возможно, если будет проявлена в этом направлении политическая воля государства, сочетающаяся с общественным осознанием необходимости достижения цели ликвидации коррупции либо ее максимального ограничения.

С большим сожалением следует отметить, что современная молодежь с младых лет наблюдает примеры поборов в детских садах, школах, гимназиях. Воспринимают молодые люди «благодарности» либо «взятки-благодарности» их родителей медицинским, педагогическим, социальным и иным работникам за оказанные ими профессиональные услуги. При этом отсутствует понимание (как у родителей, так и не формируется оно у детей) того, что оказанная услуга уже оплачена за счет налогов отчисляемых ими же в бюджет, из которого перечисленные работники получают заработную плату. Став взрослыми молодые люди, продолжая обучение в ВУЗах, нередко стремятся индивидуально или в коллективном порядке решать свои проблемы аналогичным образом, так как делали (или делают) их родители. Проблема сдачи зачета или экзамена может сопровождаться подношением подарка преподавателю, а это уже первый (а может не первый) опыт установления коррупционных отношений. Что же может произойти дальше, когда молодой человек с опытом участия в коррупционных отношениях либо их стороннего восприятия, окончив учебное заведение, приходит на службу в государственный орган или организацию, занимает определенную должность? Догадаться о возможных последствиях такого опыта не

сложно. Ускорить становление молодого человека на пути коррупционной деятельности могут иные обстоятельства. Одни из них определены государством: низкая заработная плата для человека с высшим образованием, занимающим должность в государственном органе (организации), воспринимается им как оскорбление, а оскорбленный человек, и это неоспоримый факт, готов совершать поступки, противоречащие интересам государства. Другим обстоятельством являются условия, сложившиеся в самом государственном органе (организации), куда на службу приходит новое поколение управленцев. И здесь достаточно вспомнить высказывание М. Мошкович, что «даже очень нехороший чиновник, чья деятельность ограничена хорошо продуманными жесткими рамками, будет вести себя вполне достойно. И, в свою очередь, человек вроде бы приличный (но слабый, как и все мы) при попадании в соответствующую среду быстро научится действовать по ее негласным правилам» [3, с. 4]. Следовательно, напрашивается вывод, что не «люди плохие», а таковыми их «делают» условия, в которых они оказываются.

Ограничению проявлений коррупционных отношений (правонарушений) будет способствовать нормативная регламентация правила, согласно которому реализация субъективных прав граждан допускается в ситуации отсутствия непосредственного контакта с уполномоченным должностным лицом, принимающим решение в их интересах.

Нельзя не упомянуть и тех, кто призван вести борьбу с коррупцией. От их «кристальной чистоты» зависит не только количество выявленных коррупционных правонарушений, раскрытых и расследованных уголовных дел, но качество и объективность выполненной работы. Ранее мы отметили, что в основе искоренения коррупции необходима политическая воля высшего руководства страны. Но не менее важно оперативное и адекватное реагирование не только на факты конкретных коррупционных деяний, но и на необходимость устранения коррупционных рисков. Автору известен пример, когда представители службы безопасности одного из министерств неадекватно отреагировали на материалы, представленные гражданином для опубликования. Суть негативно воспринятой информации в том, что было высказано предложение усилить контроль за молодыми кандидатами, поступающими или недавно поступившими на службу в эту государственную структуру. Основанием для такого предложения послужило проявленное в ходе общения с гражданином терпимое, снисходительное отношение некоторых молодых людей (будучи государственными служащими) к коррупционным проявлениям. Некоторые из них рассказали о своем личном и наблюдаемом опыте подкупа преподавателей при сдаче зачетов и экзаменов в период их обучения в ВУЗах. Указав на это направление антикоррупционной деятельности службы безопасности, пострадавшим оказался гражданин, обративший внимание на наличие коррупционного риска в системе организации. Он оказался персоной нон грата (нежелательное лицо) для данной организации, о чем гражданину было заявлено представителем ее службы безопасности. Комментарии здесь излишни, но данный пример, несмотря на свою кажущуюся мелочность, заслуживает внимания со стороны разработчиков стратегии борьбы с коррупцией.

Разрабатывая стратегию борьбы с коррупцией, следует обратить внимание на научный потенциал, используемый для этой деятельности. Тенденцией современных наук является их интеграционное взаимодействие. Для наук уголовно-правового цикла, в частности, характерна направленность в развитии междисциплинарной интеграции. Отправной точкой в интеграционном процессе таких наук как уголовное право и криминалистика является унификации их научных категорий. Давно возникла потребность в выработке единого понимания по многим ключевым категориям, характеризующим их объект исследования – преступление. Реализация этого будет способствовать повышению эффективности борьбы с преступлениями коррупционной направленности и, в целом, с коррупцией.

На основе изложенного можно сделать выводы, что стратегии борьбы с коррупцией должны быть ориентированы:

- 1) на четкое нормативное определение коррупции, как явления с тем, чтобы каждая негативная его составляющая подлежала нейтрализации посредством активного применения мер правоохранительного воздействия;
- 2) подготовку кадрового потенциала, призванного осуществлять непосредственную борьбу с коррупцией, который должен соответствовать высоким морально-нравственным качествам;
- 3) создание прочной научной основы для разработки эффективных мер противодействия коррупции.

Список использованной литературы

1. Жетписбаева Б.А. Стратегия борьбы с коррупцией. – URL: <http://docplayer.ru/84001318-Strategiya-borby-s-korruptsiei.html> (дата обращения: 07.03.2020 г.).
2. Куковский А.А. Государство как основной субъект обеспечения национальной безопасности: механизм реализации / А.А. Куковский // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 29. – С. 16–21.
3. Мошкович М. В поисках гена коррупции / М. Мошкович // ЭЖ-Юрист. – 2009. – № 10. – С. 4–6.
4. О борьбе с коррупцией : Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 г. № 305-3 // Эталон – Беларусь Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Хлус А.М. Коррупционные преступления: понятие и меры криминалистического противодействия / А.М. Хлус // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф., 4–6 апр. 2017 г. / сост. В.А. Тарасов. – Пермь : ФКОУ ВО Перм. ин-т ФСИН России, 2017. – С. 376–380.
6. Хлус А.М. Криминалистические методы выявления правонарушений, создающих условия для коррупции / А.М. Хлус // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. – 2013. – Вып. 1/33. – С. 75–80.
7. Хлус А.М. Развитие представлений о коррупции на международном уровне и в Республике Беларусь / А.М. Хлус // Вестник Карагандинского государственного университета. Сер. «Право». – 2017. – № 4 (88). – С. 34–46.

Информация об авторе

Хлус Александр Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, докторант юридического факультета Белорусского государственного университета; Республика Беларусь, 220030 г. Минск ул. Ленинградская, 8; e-mail: hlus.home@mail.ru.

Author

Khlus Alexander Mihajlovich – PhD, Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminology Faculty of Law of the Belarusian State University, 8 Leningradskaya str., 220030, Minsk, the Republic of Belarus; e-mail: hlus.home@mail.ru.

**НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЕМОКРАТИИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ**

Обосновывается, что демократия, верховенство права, права человека являются ключевыми понятиями концептуальной модели современного государства и необходимыми условиями обеспечения национальной безопасности. Показано, что права человека доктринально считаются универсальными, в реальности имеют свои культурно-исторические, политико-правовые и др. особенности и далеко не во всех странах выступают в качестве стандартов взаимодействия личности, общества и государства. Раскрыты и проанализированы основные угрозы и вызовы демократии, правам человека и современному миропорядку. Сделан вывод о том, что для обеспечения как национальной безопасности каждого конкретного государства, так и коллективной безопасности всех государств необходимо, чтобы институты глобального управления могли оперативно адаптироваться к изменяющимся вызовам современности, а также необходимо обеспечить прозрачность их деятельности и конструктивное взаимодействие с гражданским мировым сообществом.

Ключевые слова: демократия, права человека, правовой статус личности, национальная безопасность, институты глобального управления, угрозы.

**V.V. Chuksina
O.V. Bondarenko****NEW CHALLENGES TO DEMOCRACY AND NATIONAL SECURITY
OF STATES IN CHANGING WORLD**

It is proved that democracy, the rule of law, and human rights are the key concepts of the conceptual model of the modern state and necessary conditions for ensuring national security. It is shown that human rights are doctrinally considered universal, but in reality they have their own cultural-historical, political-legal and other features, and not all countries act as standards for interaction between individuals, society and the state. The main threats and challenges to democracy, human rights and the modern world order are revealed and analyzed. It is concluded that in order to ensure both the national security of each individual state and the collective security of all States, it is necessary that the institutions of global governance can quickly adapt to the changing challenges of modern times, as well as to ensure transparency of their activities and constructive interaction with the civil world community.

Keywords: democracy, human rights, legal status of individuals, national security, institutions of global governance, threats.

История свидетельствует о том, что демократия – явление, концептуальной основой которого является понятие «народный суверенитет», сохраняя со времен древнегреческой демократии ряд родовых черт, находится в постоянном изменении. Развиваясь от низших ступеней, от демократии без политического равенства (свободных граждан и рабов, женщин), без выборов, без партий, т.е., от демократии, для которой характерно насилие большинства над меньшинством к демократии как идеальному типу современных политических систем, включая признание и защиту прав и свобод отдельного человека (меньшинства). И, несмотря на многообразные исторические особенности путей развития демократии в разных странах, в реальном мире пока можно оценить только уровень полиархичности государственно-политических систем (т.е. степень «отзывчивости» органов власти на потребности граждан, наделенных, согласно теории Р. Даля, соответствующими необходимыми правами) [3, р. 26].

Безусловно, современная эпоха предъявляет новые требования к обществам, которые претендуют на то, чтобы называться демократическими, как по способу организации государства и форме жизнедеятельности общества, так и по роли индивидуума в нем. В условиях глобализации одним из самых наглядных и эффективных средств унификации процессов демократизации становится право, базирующееся на идее общепризнанных принципов в отношениях между государствами и между людьми внутри государств.

Демократия, верховенство права, права человека являются ключевыми понятиями концептуальной модели современного государства и необходимыми условиями обеспечения национальной безопасности. Несмотря на имеющиеся различия в практике демократического развития государств, права человека позиционируются в качестве глобальной фундаментальной ценности, идеологического мейнстрима национального (в конституционно-гражданском смысле) и международного права.

Главная философская основа прав человека – это вера в существование формы справедливости, действующей для всех народов на земле. Наиболее убедительная мотивация существования человека может опираться на осуществление воображения: попробуйте вообразить мир без прав человека! Развитие концепции прав человека связано с появлением и усвоения различных философских и нравственных идеалов и достигает своей кульминации в создании очень сложного набора юридических и политических документов и институтов.

Ставшая в настоящее время привычно обыденной категория «права человека» сравнительно «молодая». Ее стали использовать только после Второй мировой войны, когда в 1945 г. была создана Организация Объединенных Наций. И тогда же был введен в научный лексикон другой термин – «естественные права». Аналогично было заменено более позднее понятие «права мужчины», так как оно не учитывало права женщин. Таким образом, результат тысячелетних споров и противопоставлений природы (фюсис) и закона (номос), естественного и позитивного права, развития общественных отношений нашел концептуальное и конституционно-правовое выражение в правовом статусе личности.

С позиций современной концепции прав человека, права человека – это данные всем людям равные возможности удовлетворять свои основные потреб-

ности в целях развития личности и обеспечения полноценного участия в жизни общества, закрепленные в нормативных юридических актах. Поэтому практическая эффективность прав человека во многом зависит от их превращения в законные (конституционные) права.

Права человека считаются универсальными в том смысле, что все люди имеют и должны пользоваться ими, более того, они должны быть доступны в качестве стандартов поведения личности, независимо от того, признаются ли они и осуществляются ли они государством на должном уровне.

Права и свободы находят свое непосредственное выражение в правовом статусе личности. Конституционный статус человека и гражданина России плюс нормы различных отраслей права, регулирующие деятельность личности, в совокупности составляют правовой (точнее конституционно-правовой) статус личности. Другими словами, ядром правового статуса личности является ее конституционный статус, определяемый нормами Конституции РФ. Из этого следует, что конституционный статус всех граждан России один. Различные социальные группы российского общества (дети, военнослужащие, медицинские работники, предприниматели, пенсионеры, и др.), имея общий конституционный статус граждан РФ, в соответствии с действующим законодательством могут иметь дополнительные права и/или обязанности, т.е. специальный правовой статус. Конституционное право устанавливает правовой статус личности комплексно во всех основных сферах жизни общества и государства. Конституционно-правовой статус (как юридически закрепленное положение человека в его взаимоотношениях с государством и обществом) является частью общественного статуса личности в обществе. Последний, в свою очередь, определяется не только правовыми нормами, но и другими регуляторами (политическими, моральными, религиозными, и др.), опосредуя многообразные связи человека с обществом и государством. В действительности (по объективным и/или субъективным причинам) юридически закрепленное положение человека в его взаимоотношениях с государством и обществом может быть реализовано не в полном объеме и фактически ограничиваться совокупностью реализуемых прав, свобод и обязанностей, характеризующих реальное правовое положение личности.

Нельзя промолчать про тот факт, что современная модель прав человека весьма далека от идеальной. Так, по примерным оценкам, более трех миллиардов человек живут в странах, где основные свободы серьезно ограничены. Даже в тех государствах, которые когда-то считались примерами для подражания (например, Бельгия, Нидерланды) с политической поляризацией и ростом крайне правых движений в последние годы, произошло усиление слежки за гражданами, применение навязчивых мер безопасности, слабое патрулирование протестов, рост числа нападения на журналистов, и др.

Один из мощных инструментов воздействия на людей, СМИ, которые часто рекламируются как средство эгалитарной прямой, нефильтрованной, точной информации и изначально считались необходимым демократическим инструментом коммуникации, сегодня во многих отношениях стали новой угрозой демократии. Недавние выборы во всем мире сопровождались онлайн-кампаниями дезинформации; фейковые новости могут занимать более 30 % ра-

дио- и телеэфира; тролли, кибер-войска и ботнеты вообще постоянно работают «сверхурочно».

Еще одной новой угрозой демократии, и, соответственно, правам человека и национальной безопасности государств стала обратная сторона цифровой революции. На повестке дня стоит вопрос, как выглядит суверенное государство и свободное общество в цифровом мире? Целый ряд прав и свобод необходимо защищать инновационными способами, так как тотальная цифровизация расширила возможности неправомерного получения информации о частной жизни людей. Незаконно ведется достаточно много разработок, аннулирующих шифрование частной жизни в интернете. Не исключением стала даже «прослушка» рабочих телефонов глав государств, что составляет непосредственную угрозу национальной безопасности.

Необходимо отметить, что в условиях современного мира ни одна страна не может быть полностью изолирована от внешнего воздействия со стороны международного сообщества. Регулярно появляются и развиваются все новые международные отношения и связи самого различного рода и вида, в том числе политические, экономические, культурные, военные и т.д. Конечно, это актуализирует вопрос о совершенствовании форм международного сотрудничества [2, с. 289]. Тем не менее дефицит реальной демократии на национальном уровне повторяется и усугубляется на международном уровне. Многие решения, которые влияют на нашу жизнь, принимаются в штаб-квартире таких учреждений, как ООН, МВФ, Всемирный банк или ЕС. Теоретически мы формируем эти решения через наше национальное членство в глобальных институтах; однако на практике эти институты являются удаленными, зачастую непрозрачными и недоступными. Глобальное управление из концептуально демократического трансформировалось в систему, которая привилегирует государства, а часто и скрытую политическую элиту – корпорации, над людьми.

В XXI в. институты глобального управления оказались как никогда уязвимыми для атак со стороны нового поколения лидеров различных государств и новых угроз для мирового порядка. Тем не менее сегодня как никогда ранее мир нуждается в транспарентном межправительственном секторе, обеспечивающем подлинную гармонию прав человека и демократии, уважающем суверенитет всех без исключения государств. Нам нужны именно эффективные институты глобального управления, которые обеспечат защиту и поддержку, когда власти на национальном уровне злоупотребляют своими полномочиями [1]. Для обеспечения как национальной безопасности каждого конкретного государства, так и коллективной безопасности всех государств необходимо, чтобы институты глобального управления и высшие органы государственной власти всех стран умели быстро адаптироваться к изменяющимся условиям и консолидироваться для решения старых и новейших глобальных проблем, обеспечивая реальное участие в их деятельности мирового гражданского сообщества.

Список использованной литературы

1. Пять ключевых битв за возрождение демократии в радикально измененном мире. – URL: <https://www.openglobalrights.org/five-key-battles-for-reimagining-democracy-i-a-radically-changed-world> (дата обращения 17.03.2020 г.).
2. Якимова Е.М. Международное сотрудничество в борьбе с экологическими преступлениями / Е.М. Якимова и др. // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 2. – С. 288–298. – DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(2).288-298.
3. Politics, Economics, and Welfare: Planning and Politico-Economic Systems Resolved into Basic Processes / Robert A. Dahl, Charles E. Lindblom. – New York : Harper & Brothers, 1953. – P. 26, 557.

Информация об авторах

Чуксина Валентина Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: v-chuksina@yandex.ru.

Бондаренко Ольга Валентиновна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, социологии и истории Иркутского государственного аграрного университета имени А.А. Ежевского, Иркутская область, пос. Молодежный, e-mail: ov-bond@yandex.ru.

Authors

Chuksina Valentina Valerievna – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of legal support of national security Baikal State University, Irkutsk, Lenin Street, 11, e-mail: v-chuksina@yandex.ru.

Bondarenko Olga Valentinovna – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Head of the Department of philosophy, sociology and history Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevsky, Irkutsk region, Molodezhny settlement, e-mail: ov-bond@yandex.ru.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ СЛУЖАЩИХ В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Автор анализирует практическое значение и фактическое соответствие законодательно установленным требованиям к уровню профессионализма и компетентности служащих, на примере прохождения муниципальной службы, в условиях конституционных изменений, связанных с закреплением в конституционных нормах дополнительных ограничений для лиц, замещающих должности публично-правового характера. Рассматривается значение понятий «профессионализм» и «компетентность» в контексте правового регулирования муниципальной службы в Российской Федерации. Обосновывается взаимосвязь повышения профессионализма и компетентности служащих и обеспечения национальной безопасности и укрепления социальной стабильности и благополучия. Предложены меры, направленные на увеличение числа лиц, замещающих должности муниципальной службы и обладающих необходимым уровнем образования и опытом работы.

Ключевые слова: служащий, национальная безопасность, муниципальная служба, профессионализм и компетентность, местное самоуправление.

A.R. Shastina

PROFESSIONALISM AND COMPETENCE OF EMPLOYEES AS AN ASPECT OF NATIONAL SECURITY

The author analyses the practical significance and actual compliance with the legal requirements for the level of professionalism and competence of employees, on the basis of the example of the performance of municipal service, in the context of constitutional changes related to the establishment in constitutional norms of additional restrictions for persons in positions of a public and legal nature. The importance of the concepts of «professionalism» and «competence» in the context of the legal regulation of municipal service in the Russian Federation is considered. The relationship between increasing the professionalism and competence of employees and ensuring national security and strengthening social stability and well-being is justified. Measures are proposed to increase the number of persons serving in the municipal service and having the necessary level of education and experience.

Keywords: employee, national security, municipal service, professionalism and competence.

Внесенные в Конституцию РФ [4] в 2020 г. изменения, коснулись, в том числе, лиц, занимающих публичные должности, как выборные, так и должности государственной гражданской и муниципальной службы. Так, в новой редакции Конституции РФ установлено, что указанные лица не вправе иметь

гражданство иностранного государства, что, по мнению Конституционного Суда РФ, свидетельствует о том, что гражданин Российской Федерации, имеющий гражданство иностранного государства, находится в политико-правовой связи одновременно с Российской Федерацией и с соответствующим иностранным государством, перед которым он также несет конституционные и иные, вытекающие из законов данного иностранного государства, обязанности и значение для него гражданства Российской Федерации как политико-юридического выражения ценности связи с Отечеством снижается [5].

Должностное лицо олицетворяет авторитет органа публичной власти, либо территории, население которой вверило ему свои ресурсы, не только материальные и финансовые, но и организационные. Положение должностного лица таково, что создаются условия для злоупотреблений и использования своих обязанностей и публичных ресурсов не в рамках закона и не в публичных интересах. Можно предположить, что лицо, замещающее публичную должность, должно осознавать всю меру ответственности, возложенную на него обществом, и нравственных ограничений должно быть достаточно для действий в рамках публичных, а не личных интересах. Тем не менее практика России и зарубежных стран, основываясь на многовековом опыте служения государству его гражданами, выработала подход, связанный с установлением правовых запретов, задача которых на законодательном уровне ограничить права должностного лица с целью предотвращения различного рода злоупотреблений, в том числе возможности действовать в интересах зарубежного государства в силу личной заинтересованности.

Однако, национальная безопасность в России не может быть связана только с установлением барьеров от внешнего политического и экономического воздействия, несмотря на то, что предпринятые конституционным законодателем меры имеют важное значение. Большой эффект от действий, направленных на повышение благосостояния российского общества и укрепление национальной безопасности, может быть достигнут в условиях повышения профессионализма и компетентности государственных и муниципальных служащих, которые в своей повседневной деятельности сталкиваются с необходимостью решать значительный объем задач публично-правового характера, которые определяют положения общества и государства в целом.

Так как Конституционный Суд РФ допустил возможность единого правового регулирования статуса публичных служащих [6], рассмотрим на примере муниципальной службы юридическое содержание понятий «профессионализм» и «компетентность». В ст. 4 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» [2] (далее – Федеральный закон № 25-ФЗ) установлены основные принципы муниципальной службы, одним из которых является принцип профессионализма и компетентности муниципальных служащих.

В правовой доктрине профессионализм и компетентность муниципальных служащих – свойство муниципального служащего, отражающее степень овладения служащим профессиональной деятельностью [8]. Оно состоит из таких элементов как знания, умения, навыки, представления о видах порученной деятельности и этапах ее реализации, человеческие качества, запрещенные к

проявлению и обязательные для проявления, состояние здоровья (энергии), необходимого для выполнения результативной работы. Профессионализм также определяют как «высший уровень психофизиологических, психических и личностных изменений, происходящих в процессе длительного выполнения человеком служебных обязанностей, обеспечивающих качественно новый, более эффективный уровень решения сложных профессиональных задач в особых условиях» [7, с. 51].

В понятие «компетентность» включают все те знания, которые необходимы служащему для реализации своих функций, а именно – суть и значимость своей работы, принципов ее организации и выполнения, правил осуществления своей деятельности. Также компетентность служащего определяется его способностью применять, в том числе, оперативно, в зависимости от ситуации, свои знания и навыки, обеспечивая должный результат при решении поставленных задач, что, в свою очередь, стимулирует продвижение по службе и является индикатором личного успеха [3; 8].

Профессионализм и компетентность не являются статичным состоянием муниципального служащего. В современном мире различные инновационные процессы находят свое отражение, в том числе в организации муниципального управления. В сочетании с постоянно изменяющимся законодательством о местном самоуправлении, в котором, как правило, увеличивается количество вопросов местного значения, профессионализм и компетентность служащих нуждается в повышении, а знания и навыки, полученные ими до поступления на муниципальную службу – в актуализации.

Конечно, к фундаментальным для муниципальных служащих знаниям относятся понимание системы организации местного самоуправления, внутреннее устройство административного аппарата, иерархия должностей муниципальной службы, порядок взаимодействия между муниципальными служащими и выборными должностными лицами, органами местного самоуправления и многое другое.

В связи с этим, при поступлении на муниципальную службу, к лицам, претендующим на замещение должности, предъявляются квалификационные требования, которые, в соответствии со ст. 9 Федерального закона № 25-ФЗ, едины и устанавливаются муниципальными правовыми актами на основе типовых квалификационных требований для замещения должностей муниципальной службы, которые определяются законом субъекта Российской Федерации в соответствии с классификацией должностей муниципальной службы. Так, квалификационные требования предъявляются к уровню профессионального образования, к стажу муниципальной службы (государственной службы) или стажу работы по специальности, к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей.

Тенденция к смягчению требований наблюдается в малочисленных городских и, особенно, сельских поселениях. Это объясняется общей нехваткой кадров, так называемый «кадровый голод», который давно испытывает муниципальная власть. По сведениям Министерства юстиции РФ, деятельность органов местного самоуправления по сведениям органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по состоянию на 1 марта 2019 г. обеспечива-

ют около 299,1 тыс. муниципальных служащих, из которых 283,6 тыс. работают в местных администрациях (включая их отраслевых и территориальных органы), 3,1 тыс. в аппаратах представительных органов и 7,4 тыс. в иных органах местного самоуправления [1].

Из представленных Министерством юстиции РФ данных (табл.), можно сделать вывод, что лучше всего с квалифицированными кадрами, имеющими высшее образование, дела обстоят в городских округах, а сельские поселения, традиционно уступают по этому показателю остальным муниципалитетам.

Муниципальные служащие	Всего, тыс. чел.	С высшим образованием	
		тыс. чел.	%
сельских поселений	51,2	31,8	62
городских округов	119,0	105,7	89
муниципальных районов	109,5	93,6	85
городских округов	119,0	105,7	89
городских округов с делением	2,7	2,5	91
внутригородских территорий городов федерального значения	3,8	3,6	95

Насколько такая ситуация соответствует природе муниципальной службы как профессиональной деятельности граждан? Ответить на этот вопрос сложно, действительно, не каждая должность требует наличия высшего образования, но большинство из них. Острота вопроса состоит еще и в том, что именно сельские поселения составляют большинство среди муниципальных образований и именно сельские поселения ощущают максимальную нагрузку в процессе решения вопросов местного значения, так как существенно ограничены источники финансовых поступлений (и без того скудные, для российского местного самоуправления). В этом случае профессионализм и компетентность муниципальных служащих могли бы обеспечивать принятие оптимальных решений применительно к конкретной задаче, стоящей перед муниципалитетом. Ошибочно предполагать, что национальная безопасность обеспечивается защитой только от внешних угроз. Необходима внутригосударственная социальная стабильность, которая достигается, во многом, за счет обеспечения жизнедеятельности граждан на достойном уровне, что и является прямой задачей местного самоуправления.

Не отрицая факта того, что действий муниципальных служащих, какими бы профессиональными компетенциями и навыками они не обладали, не будет достаточно для фундаментального улучшения сферы местного самоуправления, тем не менее, можно предложить комплексный подход для повышения профессионализма и компетентности муниципальных служащих. Следует направить усилия на развитие системы образования, которая осуществляет профессиональную подготовку лиц для работы в органах публичной власти. Это профессиональное образование должно быть доступно в первую очередь, для лиц, проживающих в сельской местности. Возможно осуществление целевого наборо-

ра, когда получение соответствующего профессионального образования обуславливает дальнейшее прохождение муниципальной службы в муниципальном образовании, нуждающемся в соответствующих кадрах. Необходимо соответствующее материальное вознаграждение как основной стимул для замещения должности муниципальной службы, а также обязательная и эффективная система гарантий муниципальным служащим, закрепленная в муниципальных правовых актах. Так как профессионализм и компетентность, как было установлено в данной работе, развиваются по мере приобретения профессионального опыта служебной деятельности, комплексный подход должен также включать меры, которые позволят стимулировать лиц, достигших высокого уровня компетентности, применять свои навыки в дальнейшем именно в служебной деятельности, т.е. обеспечить постоянство кадрового состава внутри публичных органов власти, при этом открывая возможности для продвижения по службе и замещения должностей более высокой группы (с соответствующим повышением оплаты труда).

Список использованной литературы

1. Информационно-аналитические материалы о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2018 г. – начало 2019 г.). Доклад Министерства юстиции РФ. – URL: <http://www.minjust.ru/razvitie-federativnyh-otnosheniy-i-mestnogo-samoupravleniya/doklad-o-sostoyanii-i-osnovnyh> (дата обращения 16.03.2020 г.).

2. О муниципальной службе в Российской Федерации : федер. закон от 02.07.2007 г. № 25-ФЗ (ред. от 16.12.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 10. – Ст. 1152.

3. Осипова И.Н. Комментарий к Федеральному закону от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (постатейный) / И.Н. Осипова, М.А. Беляев, А.В. Колесников, А.О. Макаров, Н.А. Захарова. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.03.2020 г.).

4. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 16.03.2020. – № 11. – Ст. 1416.

5. О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : заключение Конституц. Суда РФ от 16.03.2020 г. № 1-3 // Собрание законодательства РФ. – 23.03.2020. – № 12. – Ст. 1855.

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Забродина Петра Ивановича : определение Конституц. Суда РФ от 10.04.1997 г. № 60-О. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 16.03.2020 г.).

7. Охотский Е.В. Государственная служба: теория и организация / Е.В. Охотский, В.Г. Игнатов, Б.В. Лытов и др. – Ростов-на-Дону, 1998. – 501 с.

8. Шкатулла В.И. Комментарий к Федеральному закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» / В.И. Шкатулла, М.В. Сытинская, В.В. Надвикова. – Доступ из системы ГАРАНТ (дата обращения 18.03.2020 г.).

Информация об авторе

Шастина Анжелика Размиковна – старший преподаватель, Байкальский государственный университет, адрес: г. Иркутск, ул. Ленина, 11, 664003, e-mail: shastina.ar@gmail.com.

Author

Shastina Anzhelika Razmikovna – senior Lecturer, Baikal State University, st. Lenin, 11, Irkutsk, 664003, e-mail: shastina.ar@gmail.com.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И КОРРУПЦИЯ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРЕНДОВ

В данной статье рассматриваются глобальные тренды в области коррупции с 2000 по 2015 г. и по отдельным элементам – до 2017–2020 гг. Исследование касается анализа на основе данных БИИПС, которые составляют исследование стран посткоммунистического пространства и смежных с ними по вопросам инфраструктуры, сложностей ведения бизнеса и так далее. Первичная база данных содержит порядка 1 700 показателей. Автор провел анализ этих данных на основе современного статистического анализа в среде программирования R, который позволил выделить глобальные тренды в указанном регионе.

Ключевые слова: коррупция, посткоммунистическое пространство, формы коррупции, явления коррупции, виды коррупции, тренды коррупции.

А.А. Shemetev

NATIONAL SECURITY AND CORRUPTION: A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF GLOBAL TRENDS

This paper discusses global trends in the field of corruption from 2000 to 2015 and for individual elements until 2017–2020. The study concerns analysis based on the data of the BEEPS, which compile a study of the countries of the post-communist space and related countries on infrastructure issues, the difficulties of doing business, and so on. The primary database contains about 1 700 indicators. The author analyzed these data on the basis of modern statistical analysis in the programming environment R, which allowed us to identify global trends in the specified region.

Keywords: corruption, the post-communist space, forms of corruption, the phenomena of corruption, types of corruption, corruption trends.

Исследование деловой среды и эффективности предприятий (до 2020 г.) (далее по тексту: BEEPS) представляет собой обширное экономическое исследование, проведенное в рамках совместной инициативы Всемирного банка и Европейского банка реконструкции и развития. Исследование собирает данные из 37 стран с 1999 по 2015 г. (некоторые индикаторы использованы до 2007–2020 гг.); всего 59 619 наблюдений по 1 672 переменным. Опрос состоит из 17 разделов, ни один из которых не посвящен коррупции напрямую (такие темы, как инфраструктура, продажи, конкуренция и т.д.).

Вопросы исследования: что такое коррупция и какие факторы влияют на нее больше всего; Какие страны наиболее коррумпированы?

Сначала были просмотрены данные BEEPS. В опросе было много переменных и много противоречивых данных. Даже страны не всегда было легко определить. Например, код страны 46 представляет Швецию, которая имеет ряд

наблюдений, хотя она не должна быть в базе данных в соответствии с инструкциями, предоставленными для данных. Некоторые данные представляют собой уникальные тематические исследования только нескольких стран. Например, был опрос, посвященный только Украине и Узбекистану. Во-вторых, были отмечены показатели, которые могут быть полезны для оценки потенциального уровня коррупции в странах, представленных в опросе.

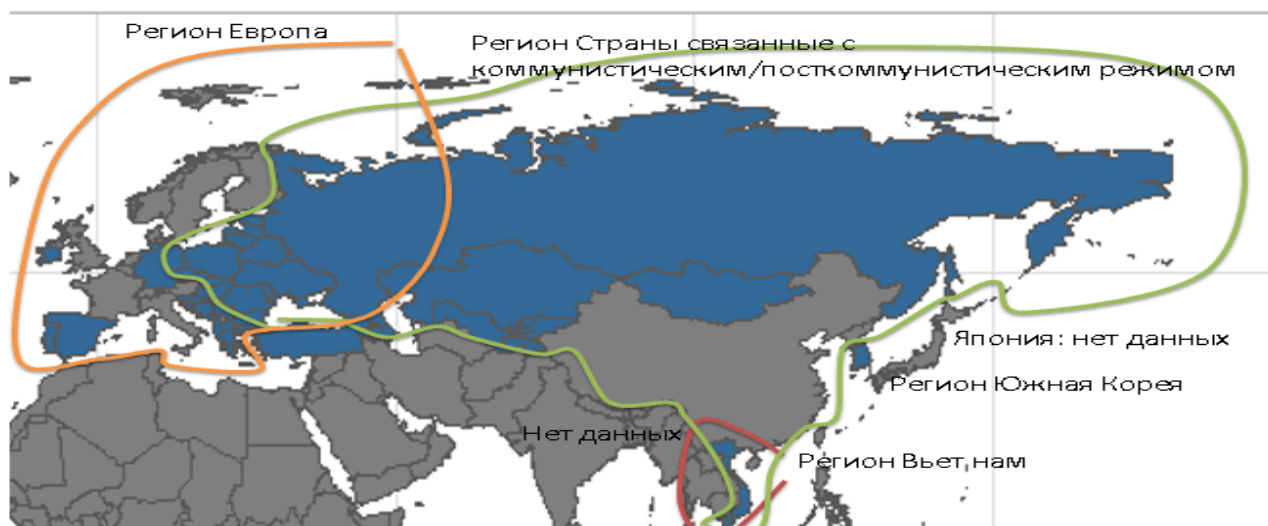

Рис. 1. Страны в исследованиях ВЕЕПС 2000–2020

Было обращено внимание на то, что можно выделить 2 вида коррупции. Коррупция первого типа делает бизнес-процессы более плавными, например, фирма может предоставить подарок, чтобы получить лучшее электроснабжение или более качественную телефонную связь (такие данные можно найти в опросе). Второй тип коррупции должен давать преимущества бизнес-единицам, как, например, получение правительственного гранта.

Также была отмечена общая модель опроса: он посвящен развитию посткоммунистического мира (около 98 % данных) и некоторых тесно связанных стран (около 2 % набора данных). Мы можем разделить все страны на несколько регионов: регион, связанный с посткоммунистическими странами; Регион Европа (имеет некоторые совпадения с предыдущим регионом); регион Вьетнам, регион Южная Корея и страные регионы (Швеция сохраняется в кодах страны 46; Швейцария сохраняется в качестве кода страны 41 – обе страны необычны для обследования ВЕЕПС и могут быть ошибками данных или ошибками ввода в первичные данные).

Это деление может показать нам, есть ли какие-то региональные закономерности в данных. Например, в Турции бакшиш не считается взяткой; в Корее подарки можно считать нормальным явлением. Некоторые географические регионы могут иметь уникальный путь развития, который может показать разные результаты в функционировании фирм.

Рис. 2. Население стран в исследованиях ВЕЕПС 2000–2020

Методология

В этом анализе используются три основных метода: описательная статистика, которая обобщает данные обследования ВЕЕПС с использованием таких индексов, как средние значения, корреляции, стандартные отклонения, и логическая статистика, которая делает выводы из данных ВЕЕПС, которые подвержены случайным колебаниям (например, ошибки наблюдений (например, с данными из «Швеции»)) и методы, связанные с методами машинного обучения для классификации данных панели ВЕЕПС, называемые `hcluster` [метод промышленных стандартов для MLT]).

Наибольшее количество наблюдений в обзоре посвящено России и некоторым другим населенным странам; корреляция между количеством наблюдений в опросе и населением страны составляет 91 %; однако, если мы оценим количество населения в стране, разделенное на количество наблюдений в опросе ВЕЕПС, мы обнаружим, что, например, Россия недооценена вдвое по сравнению с другими странами (меньшее количество наблюдений на ограниченное число населения страны).

Данные ВЕЕПС были объединены с 5 базами данных (источник: DBNomics [1] и национальные статистические управления [3]). Оценены основные параметры. Таким образом, мы проанализировали население в каждой стране, ВВП, ВВП на душу населения; Данные из местных статистических управлений использовались для проверки соответствия данных, представленных в звуковых сигналах, с данными национальных статистических управлений. Эти данные используются для проверки закономерностей данных в опросе ВЕЕПС: если данные, которые мы видим в опросе ВЕЕПС, коррелируют со статистикой, взятой из других источников.

Рис. 3. ВВП стран в исследованиях ВЕЕПС 2000–2020

Рис. 4. ВВП на душу населения стран в исследованиях ВЕЕПС 2000–2020

Например, Россия, как страна с максимальным количеством наблюдений в опросе, выбрана в качестве одной из наиболее важных стран для сравнения. Результаты совпали в пределах 20 % доверительных интервалов между данными в ВЕЕПС и местных статистических управлениях. Это показывает, что опрос ВЕЕПС более или менее надежен для анализа.

В данных обнаружено несколько странных вещей: все респонденты либо функционируют в точке, заполненной знаком X, либо работают в некотором секторе; база ВЕЕПС – это 2 исследования вместе взятых. Менее 52 % фирм имеют только одного владельца; 88,8 % фирм являются отечественными (не иностранными); 1/3 владельцев фирмы – женщины.

Примеры коррупции в опросе ВЕЕПС: 15,27 % фирм использовали коррупцию для получения электроэнергии; Только у 40 % фирм не было значительных проблем с отключением электроэнергии (не более 2 часов). Коррупция существует в каждой стране в базе ВЕЕПС: корреляция между ответами, когда люди утверждали, что они знают о коррупции и ответили, и людьми, которые сказали, что они не знают ничего о коррупции, составляет «–94 %». Таким образом, в странах с потенциально низким уровнем коррупции мы видим, что все больше

людей отказываются отвечать «да» или «нет». Это может означать, что в странах, где мы не наблюдаем коррупцию, уровень коррупции все еще может быть значительно выше, чем это можно непосредственно оценить из опроса BEEPS.

Основная используемая стратегия

Выполнено 3 вида анализа:

1) анализ ответов, в которых люди ответили, что знают о коррупции (без упоминания сумм и т.д.); это использовалось в качестве прокси-переменной для вида коррупции, который можно условно назвать «смазывание колес» – когда компании используют коррупцию, чтобы сделать свои бизнес-процессы более гладкими;

2) анализ ответов, когда фирмы отвечали, что они дали определенный процент от контракта для получения контракта – он использовался в качестве прокси-переменной для коррупции преимущества – когда компании используют коррупцию, чтобы превзойти своих конкурентов и получить важные контракты и сделки;

3) кластерный анализ методом машинного обучения по коррупции (оба типа коррупции) по отраслевым моделям, шаблонам размера компании и типам коррупции (среди этих 2 упомянутых) моделей. Результаты всех 3 методов были очень похожи. Результаты кластерного анализа показали: Коррупция в основном связана с корпоративным размером: ни отрасль, ни география не имеют такого сильного влияния на участие в коррупции, как корпоративный размер. Два предыдущих типа анализа использовались, чтобы проверить, не имеет ли выход MLT ничего странного или необычного в тех или иных предположениях.

Важно отметить, что 4 кластерные группы могут быть обнаружены в данных BEEPS с использованием технологий машинного обучения. Кластеры C1-C3 ранжируются по технологии кластеризации с машинным обучением в соответствии с ожидаемой коррупцией, которую использует бизнес от 1 – минимальной до 3 – максимальной. В «кластере минимальной коррупции» (C1) – коррупция является более редким явлением, и, как ожидается, ее обычно используют для «сглаживания» деловых операций, и, как правило, крупные фирмы могут иметь больше сделок с коррупцией в этом кластере. «Сильный коррупционный кластер» (C3) показывает, что наиболее часто следует ожидать второго типа коррупции, как, например, использование подарков для заключения контрактов; мы можем ожидать, что фирмы в этом кластере платят до 100 % за гарантии заключения контрактов и за ведение бизнеса. «Промежуточный кластер коррупции» (C2) является промежуточным кластером между C1 и C3, который имеет признаки обоих типов коррупции на более высоком уровне, чем в C1, и на более низком уровне, чем в странах C3; фирмы платят подарки, обычно от 20 до 50 % контрактов. «Потенциально высокий уровень коррупции» (CX) относится к странам, в которых машинное обучение не может установить четкую схему коррупции, связанную с кластером C2 или C3, хотя схема отличается и от C1; поэтому мы можем предположить, что в таких странах уровень коррупции может быть потенциально высоким, но человеческое признание относительно низкое, поэтому обследования BEEPS недостаточно, чтобы полу-

чить идеальную картину в этих странах. Эти страны не могут быть напрямую классифицированы по данным BEEPS.

Рис. 5. Кластеры коррупции в исследованиях BEEPS 2000–2020

Основным значимым фактором, объединяющим все кластеры, является размер компании – крупные компании чаще используют коррупцию второго типа, чтобы получить преимущество, в то время как мелкие пытаются использовать ее для обеспечения более плавных бизнес-процессов (например, уменьшения потерь от проверок). Интересные результаты можно увидеть из кластерного анализа: грузинские менеджеры говорят, что уровень коррупции такой же, как в Германии; У Турции есть уникальная модель корпоративной коррупции, которая не похожа ни на одну другую страну (согласно ответам). Вьетнам, хотя и предоставил мало данных, может иметь сходные картины корпоративной коррупции в кластерах: Македония; Румыния; Казахстан; Азербайджан; Армения. Такие результаты получены на основе вывода технологий машинного обучения для кластеризации.

Выявлена еще одна интересная закономерность: каждая компания признает только один тип коррупции (0 случаев, когда это не так) во всех странах во все периоды опроса. Ни одна фирма не платила, скажем, подарок за более чем 1 вещь, например: если компания платила за поставку электроэнергии – она не платила за что-либо еще.

Таблица 1

Описательная статистика исследований BEEPS 2000–2020

	N	Среднее	Стандартное отклонение	Мин	25 %	Медиана	75 %	Макс
Прокси1	4,090	0.980	0.140	0	1	1	1	1
Год	59,619	2,007.129	3.996	1,999	2,005	2,008	2,009	2,014
Тип Коррупции 1	16,854	1.350	2.060	–9	1	2	2	2
Тип Коррупции 2	16,577	1.036	6.037	–9	0	0	0	100
Тип Коррупции 3	2,697	0.857	3.166	–9	2	2	2	2
Тип Коррупции 4	30,176	1.286	2.239	–9	1	2	2	2
Тип Коррупции 5	6,287	0.788	3.124	–9	1	2	2	2

	N	Среднее	Стандартное отклонение	Мин	25 %	Медиана	75 %	Макс
Тип Коррупции 6	59,619	0.067	0.250	0	0	0	0	1
Размер компаний	21,516	1.776	0.796	1	1	2	2	3
Отрасль	35,255	38.236	17.412	2	24	45	52	72

Примечания: Прокси1 – это вспомогательная переменная, связанная с ожидаемым значением качества исходных данных, предназначенных непосредственно для оценки коррупции (смоделированная оценка); недостающие данные моделировались с использованием технологий машинного обучения, а затем сравнивались с исходным шаблоном на предмет отсутствия противоречий. Что касается размера фирмы в современных волнах исследований, мы сравнили данные с данными, полученными из российского статистического управления (для моделирования и более точных ожиданий относительно отсутствующих значений в исследовании).

Типы коррупции от 1 до 5 – представляют различные вопросы, связанные с коррупцией в базовом опросе ВЕЕПС с закодированными ответами (–9 – отказались отвечать). Коррупция типа 1 – это платежи за реализацию основных потребностей для функционирования любого бизнеса (основная прокси-переменная – это подключение к электроснабжению, без которого в стране не может работать никакой бизнес (за редким исключением). Коррупция типа 2 связана с лицензированием и получением необходимых юридических документов, чтобы функционировать в этой стране официально. Лицензирование берется в качестве прокси-переменной для оценки данного типа коррупции. Тип коррупции 3 служит для оценки того, какой процент от продаж фирма должна заплатить в качестве «подарков», чтобы обеспечить свое нормальное функционирование. Мы работали только с данными, когда мы уверены в процентах от контракта. Коррупция типа 4 связана с иностранными компаниями, которые потенциально могут захотеть выйти на местный рынок страны (или уже сделали это), и если они должны быть готовы к столкновению с коррупцией для этого. Одной из прокси-переменных, принятых для этой оценки, являются неофициальные подарки и платежи, необходимые для получения лицензии на импорт. Тип коррупции 5 связан с возможностью столкнуться со взяточничеством со стороны инспекторов и проверяющих (таких как пожарные инспекторы, санитарные инспекторы, инспекторы по охране труда, налоговые инспекторы), что может означать дополнительные расходы за сглаживание бизнес-процессов. Тип коррупции 6 – это переменная, созданная для оценки общей интенсивности взаимодействия с государственными органами с точки зрения коррупции на основе системы оценки ожидаемого уровня коррупции, смоделированной по результатам опросов ВЕЕПС. Соединяя временную переменную и тип коррупции, мы получили оценку тенденций коррупции, представленных на диаграммах в презентации к данной статье (в России может наблюдаться рост коррупции с 2010 до 2017 г., с точки зрения ответов бизнесов). Мы понимаем, что все виды коррупции могут быть как-то взаимосвязаны, и даже коррупции в странах могут быть взаимосвязаны – для оценки этих эффектов необходимы более качественные данные исследований. Размер компаний – отраслевой расширенный индикатор, представляющий закодированные значения для классифицированных в данном анализе размеров компаний и отраслей.

Таким образом, сравнивая результаты анализа ответов на опрос и результаты кластерного анализа коррупции, можно сказать, что размер компании является основным фактором, влияющим на коррупцию. Поэтому законодательство должно разрабатываться исходя из данного принципа: крупные чиновники могут потенциально получать крупные вознаграждения от крупного бизнеса, более мелкие чиновники – подарки от обычно более мелких компаний за облегчение их бизнес-процессов. Таким образом, антикоррупционное законодательство должно учитывать тот факт, что в случае угрозы правовых последствий,

чиновники смогут использовать часть средств, вырученных от компаний, которые они «обслуживают» на минимизацию правовых последствий. Эти риски особо высоки для стран, отнесенных к кластерам С3 и СХ и частично С2. Ввиду данных рисков последствия коррупционных преступлений могут быть таковы, что должностное лицо, повинное в данных преступлениях, может избежать или минимизировать ответственность тем выше – чем ближе страна может быть отнесена к определенному коррупционному кластеру. Законодателю важно прорабатывать механизмы нейтрализации данного явления.

Список использованной литературы

1. DBnomics Official Site. Statistical Databases of the population and GDP. – URL: <https://db.nomics.world> (дата обращения: 26.03.2020 г.).
2. European Bank for Reconstruction and Development. 2014. Business Environment and Enterprise Performance Survey (BEEPS). Dataset V. – URL: <https://www.ebrd.com> (дата обращения: 26.03.2020 г.).
3. Официальные базы данных ГКС РФ. – URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения: 26.03.2020 г.).

Информация об авторе

Шеметев Александр Александрович – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, СЗИУ РАН-ХиГС при Президенте РФ, 191000, г. Санкт-Петербург, Средний проспект Васильевского острова, 57, e-mail: shemetev-aa@ranepa.ru.

Author

Shemetev Aleksandr Aleksandrovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, SZIU RANEPА, 191000, St. Petersburg, Sredny Prospect of Vasilyevsky Island, 57, e-mail: shemetev-aa@ranepa.ru.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ УГРОЗЫ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Рассматривается информационная безопасность, как неотъемлемый компонент национальной безопасности. Приводятся результаты мониторинга информационной среды на наличие информационных угроз, цели распространения деструктивного контента. Характеризуется негативное воздействие на формирование установок и мировоззрение индивида, замена индивидуальных установок на групповые. Сделан вывод о необходимости проработки запретительных правовых норм по распространению информационных угроз с целью формирования безопасной среды оборота достоверной информации и устойчивой к различным видам воздействия информационной инфраструктуры в целях обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: национальная безопасность, информационные угрозы, информационная война, деструктивный контент, информационный суверенитет, замена ценностей, формирование поведенческих шаблонов.

E.A. Shishina

INFORMATION THREATS AS A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION: STATEMENT OF THE PROBLEM

Information security is considered as an integral component of national security. The results of monitoring the information environment for the presence of information threats, the purpose of the distribution of destructive content are presented. Characterized by a negative impact on the formation of attitudes and the individual worldview, the replacement of individual attitudes to group. It is concluded that it is necessary to develop prohibitive legal norms on the dissemination of information threats in order to create a safe environment for the circulation of reliable information and information infrastructure that is resistant to various types of impact in order to ensure the constitutional rights and freedoms of man and citizen, as well as the national security of the Russian Federation.

Keywords: national security, information threats, information war, information sovereignty, replacement of values, existing behavioral patterns.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет, что информационная безопасность является компонентом национальной безопасности.

Сегодня каждый человек обладает широким спектром возможностей, связанных с доступом к новейшим технологиям и высоким уровнем глобализации информационного пространства. Нарастает свой потенциал во Всемирной сети и преступный мир, что порождает новые информационные угрозы и вызовы, в том числе и национальной безопасности.

Реализация национальных интересов в информационной сфере направлена на формирование безопасной среды оборота достоверной информации и устойчивой к различным видам воздействия информационной инфраструктуры в целях обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, стабильного социально-экономического развития страны, а также национальной безопасности Российской Федерации.

Возможности трансграничного оборота информации все чаще используются для достижения геополитических, противоречащих международному праву военно-политических, а также террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей в ущерб международной безопасности и стратегической стабильности. При этом практика внедрения информационных технологий без увязки с обеспечением информационной безопасности существенно повышает вероятность проявления информационных угроз.

Деструктивная информация представляет собой информационные угрозы и посягает на суверенитет Российской Федерации в информационном пространстве. То есть информационное пространство под воздействием информационных угроз утрачивает свою независимость, что противоречит национальным интересам в информационной сфере. Через пробелы в информационном суверенитете происходит замена системы взглядов идей, мировоззрения, что необратимо влечет к дестабилизации общественно-политической обстановки Российской Федерации.

На пороге XXI в. мир вновь вернулся к противостоянию государств. Однако сегодня на международной арене нет места традиционным войнам, ввиду того, что исторический опыт раз за разом свидетельствует о значительных потерях, измеряемых не только количеством человеческих жертв, но и крахом экономической и политической систем. Сегодня пришло время сразиться в сфере компьютерных технологий, поэтому все чаще в научных исследованиях можно встретить выражения информационная война, информационное оружие, гибридная война, психологическая война, холодная война, пропагандистская война, война нового поколения и т.д.

С целью обеспечения национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере еще в 2000 г. была утверждена первая Доктрина информационной безопасности России. Спустя 16 лет киберпространство претерпело ряд изменений, что в свою очередь повлекло изменение системы взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной инфраструктуре. Данные обстоятельства способствовали отмене положений предыдущего нормативного правового документа и принятию новой Доктрины информационной безопасности, положения которой действуют и по сей день.

В соответствии с указанным документом в числе информационных угроз определены: использование информационных технологий для пропаганды экстремистской идеологии; оказание спецслужбами отдельных государств информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств; наращивание информационного воздействия на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Площадкой для реализации всего арсенала разрушительного воздействия безусловно является интернет, в частности ресурс социальных медиа.

Данные медиаизмерений свидетельствуют о том, что мобильные и социальные медиа стали неотъемлемой частью повседневной жизни людей во всем мире. На начало 2020 г. в мире уже более 4,5 млрд человек пользуются интернетом – это на 7 % больше, чем в прошлом году. Из них в соцсетях – 3,8 млрд. Это почти 60 % населения мира. В среднем, каждый россиянин тратит 2 часа и 26 минут день на соцсети [1].

Если социальные медиа играют в нашей жизни такую большую роль, то очень важно понимать, каким контентом они наполнены и как влияет потребляемый контент на формирование личности и создание ценностных ориентаций.

На сегодняшний день депрессивно-(ауто)агрессивный контент составляет значительную часть содержания сотен массовых (от десятков и сотен тысяч до нескольких миллионов подписчиков) постоянно обновляемых пабликов, целевой аудиторией которых является молодежь, в первую очередь, подросткового возраста [5, с. 59]. Информационное содержание сайтов различно: тексты, графическая, звуковая информация, видеоматериалы и др.

Проводя мониторинг социальных медиа часто можно встретить суицидальный и околосуицидальный контент. Это информация, прямо призывающая к совершению самоубийств либо содержащая суицидальные риски. То есть информация, побуждающая к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью.

Просторы интернета переполнены контентом, содержащим в себе информацию, которая оказывает губительное воздействие на психику человека. Формирует фантастическое иллюзорное восприятие мира, стремление уйти от реальности, способствует утрате мотивации к полезной деятельности, которая обычно приносит удовольствие (спорт, увлечения, культура, социальное взаимодействие и т.д.). Культивирует оторванность, отрешенность и замкнутость в реальном мире.

Широкое распространение в социальных сетях имеет так называемое «несуицидальное самоповреждение» (non-suicidal self-injury, NSSI) – селфхарм, т.е. осознанные попытки навредить своему телу без намерения совершить самоубийство. Чаще всего, это самостоятельно нанесенные порезы, синяки и ожоги, расцарапывание кожи (дерматилломания), контакт с горячими пред-

метами, прыжки с высоты и даже укусы животных, от которых человек не пытается уклониться и т.д.

Пользуется популярностью постоянно увеличивающиеся аудиторию приверженцы молодежной субкультуры – сатанисты (дьяволомания). Сатанизм представляет собой поклонение сатане, как символу зла. Основными принципами сатанизма является потворство инстинктам, воздаяние окружающим за их заслуги вместо любви к неблагодарным, ответная месть, готовность к насилию и т.д. Сатанизм формирует богоотступничество, мизантропию. Ритуалы сатанистов связаны с вандализмом, издевательствами и жертвоприношениями животных, а иногда и людей.

Еще одна популярная молодежная субкультура – АУЕ (А. У. Е. – Арестантский уклад един (или Арестантское уркаганское единство) не сдает своих позиций в информационном пространстве. Это молодежное сообщество пропагандирует среди несовершеннолетних воровские понятия российской криминальной среды, романтизирует преступный мир, требует соблюдения «воровского кодекса» со сбором денег на «общак», взамен обещая поддержку и защиту в настоящем и будущем. Кодекс АУЕ запрещает любое взаимодействие и помощь полиции, другим органам обеспечения безопасности и правопорядка. Сотрудники правоохранительных органов свидетельствуют о том, что на сегодняшний день уже не единичны случаи совершения имущественных преступлений молодыми людьми, причисляющими себя к сторонникам указанной субкультуры.

Широкое распространение получили колумбайн-сообщества – группы, посвященные массовому расстрелу учащихся в американской школе «Колумбайн». Эти группы распространяют информацию о радикальном движении «колумбайнеров» («скулшутинг»), призывы к массовым убийствам в учебных заведениях. До недавнего времени группы в социальных сетях, посвященные трагедии в «Колумбайне» не были запрещены. После нападений на учебные заведения в Перми, Улан-Удэ, Стерлитамаке, Керчи и т.д. многие из этих пабликов заблокировали. Но запрещенные группы продолжают жить в виртуальном пространстве под измененными названиями, администраторы некоторых пабликов заранее позаботились о резервных копиях.

По запросу «анорексия» в социальных медиа также можно найти огромное количество групп. При этом контент в них похож до степени смешения: картинки и тексты, мотивирующие отказ от употребления пищи, объявления о продаже лекарств, лишаящих аппетита. Их можно было бы считать просто группами по интересам, если бы от романтизируемого в них заболевания не умирало до 20 % больных. Анорексия – это синдром полной потери аппетита.

В описании тематических групп, как правило, указано, что в них не пропагандируют и не романтизируют психические и пищевые расстройства, никогда не призывают худеть и не несут ответственности за действия подписчиков. Правда, грань между публикацией фотографий истощенных девушек для вдохновения, наслаждения и любования «тем, что вы считаете поистине прекрасным», и пропагандой очень зыбкая. Посты появляются постоянно и довольно сильно отличаются по тональности. От дружеской поддержки до оскорблений,

унижений, идущих рука об руку с той самой романтизацией пищевых расстройств. В сообществах анорексичек для этого заболевания придумали имя – Ана. Есть еще Мия – булимия (приступы переедания, сопровождающиеся самостоятельно вызываемой тошнотой). И в постах администраторы сообществ обещают подписчикам, что богини Ана и Мия придут за ними и унесут их, только не уточняется в каком направлении.

Отдельно хотелось бы остановиться на аудитории сторонников компьютерных игр. Данные исследований говорят о том, что 4 из 5 пользователей в возрасте от 16 до 64 лет во всем мире играют в видеоигры каждый месяц, что равняется общему глобальному игровому сообществу, насчитывающему более 3,5 млрд человек, если применить эту цифру к общей численности интернет-пользователей. Люди также проводят больше времени, наблюдая, как в игры играют другие люди. Каждый пятый пользователь интернета в возрасте от 16 до 64 лет смотрел стрим игры в течение последних 30 дней, а каждый седьмой следил за киберспортивным турниром [1].

Сегодня все более популярны игры, содержащие сцены насилия, убийств, пыток и др. Вопросы влияния компьютерных игр на психику человека до конца не исследованы. Наиболее остро стоит проблема воздействия компьютерных игр на развитие детей. С учетом индивидуальных особенностей их психики, негативное влияние компьютерных игр в совокупности с потреблением деструктивного контента на формирование личности ребенка, систему его ценностных установок является неоспоримым фактом.

В статье приведены примеры лишь немногих направлений деструктивного контента. Речь идет об информации, сосредоточенной в обычном интернете (поверхностном интернете) - Clear Web/Clear Net/Surface Web, где пользователи ежедневно проверяют почту, заходят в Facebook и Twitter, осуществляют покупки на Amazon и т.д. То есть используют все сайты и страницы, которые «видит» поисковая система, например, Google, Яндекс, Bing, Yahoo и т.д.

По данным исследований, только 4 % всего Интернета видны широкой публике. Это означает, что оставшиеся 96 % Интернета приходятся на так называемую «глубокую паутину» (The Deep Web). Разнообразие сайтов черной сети Dark Web порой удивляет [3]. Здесь можно найти наркотики, оружие, все, что запрещено в гражданском обороте. Инструкции по противодействию правоохранительным органам при задержании по различным видам преступлений, хакерские сайты, страницы для взрослых, биткоин-миксеры (Bitcoin Mixers) и даже сайты для найма киллеров. Не исключение и деятельность организаций, официально признанных террористическими и экстремистскими.

Технологическая сложность большинства сетевых процессов и значительный объем данных, передаваемых, хранящихся и выявляемых в электронном виде [4, с. 366] не позволяет документировать преступную деятельность на «просторах» черного интернета. Проблема существует и в выявлении и распознавании закрытых групп и сообществ в социальных сетях, которые распространяют и пропагандируют экстремистскую идеологию [2, с. 104], обмениваются иной оперативно-значимой информацией, имеющей значение для противодействия киберпреступности.

В целом, деструктивный контент содержит пропаганду экстремистских взглядов, информацию, подрывающую авторитет действующей власти, призывы к массовым беспорядкам, к террористической деятельности, транслирование информационных «вбросов», пропаганду безнравственного и аморального поведения, насилия, оружия и т.д. На ряду с перечисленным, культивируется феномен одиночества, безысходность, замкнутость, отрешенность, демотивация личностной активности, культ смерти, формирование взглядов «безбожия», меланхолия, ангедония, эскапизм и т.д.

Целевое распространение деструктивного контента может преследовать разные цели. Это, может быть материальная цель. Создание групп и распространение востребованного контента в социальных медиа, с целью получения прибыли за счет размещения рекламы, увеличения количества потребляемых товаров среди целевой аудитории. Может преследовать и более опасные цели, скрытые от взгляда интернет пользователей. Распространяя вредоносный контент параллельно происходит мониторинг настроений общества, по аналогии социологических исследований. Но ввиду характера потребляемой информации участниками сообщества, соответственно исследуется их готовность к различного рода негативным девиациям (алкоголизм, наркомания, проституция, терроризм, экстремизм, готовность совершить преступление, самоубийство и т.д.).

Воздействие на психику облегчает дальнейшее внедрение желаемых поведенческих шаблонов. Состояние индивида характеризуется конформностью. То есть гибкостью мировоззренческих установок, готовностью копировать или производить изменения в поведении или мнении под влиянием реального или воображаемого «давления» со стороны отдельного участника социальной группы или всей аудитории социальных медиа. Позиция индивида становится зависимой от позиции группы. Происходит принятие или отвержение им определенного шаблона поведения, мнения, оценки, утверждения, присущих социальной группе. На смену личной идентичности приходит групповая. Как следствие, осуществление личностных перемен соотносимо приемлемым установкам, мнениям, доминирующим в сообществе или группе. При этом господствующая позиция не обязательно должна быть выражена явно или даже вообще существовать в реальности. Механизм воздействия на психику индивида происходит через использование способности добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, предпочтений, симпатии и привлекательности для индивида. Как следствие, подконтрольность поведения индивида, позволяющая в определенный момент подтолкнуть к совершению суицидальных или наоборот, агрессивных (преступных) действий, которым, в зависимости от контекста, может придаваться – или не придаваться – общественно-политическая, религиозная или иная мотивация.

Существующий механизм запретительных правовых норм по распространению информационных угроз в настоящее время продолжает оставаться малоэффективным. Установить личность администратора групп практически не представляется возможным. Значительно затрудняет их поиск, создание фейкового профиля, как правило, находящегося за пределами Российской Федерации. При этом на международном уровне отсутствуют правовые нормы, определя-

ющие единые критерии оценки информационных угроз, запреты на их распространение, а также регламентированный порядок взаимодействия по противодействию информационным угрозам и киберпреступности.

Существующий механизм закрытия вредоносных групп также малоэффективен. Это довольно длительный процесс, который часто может длиться до двух месяцев. В то время, как создание резервных копий вредоносных сайтов, без труда позволяет перемещать сформированную аудиторию на другое интернет пространство, с новым названием, но с тем же содержанием, не говоря уж о скорости и масштабности появления новых деструктивных групп.

Все население нашей планеты на современном этапе, являясь пользователями сети интернет вовлечено в неконтролируемый процесс порабощения, подчинения сознания манипуляционным практикам и ограничения свободы мысли. Огромные массивы информации в настоящее время не только не вызывают доверие, но и создают реальную угрозу, как отдельной личности, так национальной безопасности Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. Digital 2020: ежегодное глобальное исследование от We Are Social и Hootsuite. – URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2020-ezhegodnoe-globalnoe-issledovanie-ot-we-are-social-i-hootsuite/> (дата обращения 01.04.2020 г.).

2. Иванов С.И. Проблемы профилактики радикального религиозного экстремизма и некоторые направления их решения в современных условиях / С.И. Иванов, Е.А. Шишина // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : материалы 7-й Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня образования службы уголовного розыска. – 2019. – С. 100–107.

3. Как попасть в Dark Web: пошаговое руководство и предостережения. – URL: <https://hype.tech/@id126/kak-popast-v-dark-web-poshagovoe-rukovodstvo-i-predosterezheniya-j54nbz4j> (дата обращения 01.04.2020 г.).

4. Шишина Е.А. «Хизб ут-тахрир аль-ислами» как фактор радикализации населения республики Крым / Е.А. Шишина // Криминалистика: теория и практика : материалы 7-й Международ. науч.-практ. конф., 2019. – С. 365–368.

5. Щербак Я.А. Предотвращение деструктивного поведения молодежи / Я.А. Щербак // Управленческие механизмы противодействия идеологии экстремизма и терроризма : материалы науч.-практ. конф., 2018. – С. 58–61.

Информация об авторе

Шишина Елена Александровна – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Академика Х.Х. Стевена, 14, e-mail: etolena8483@mail.ru.

Author

Shishina Elena Aleksandrovna – Senior Lecturer, Department of Investigation Activities and Special Equipment, Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 14, Academician H.H. Stevena str., Republic of Crimea, Simferopol, 295053, e-mail: etolena8483@mail.ru.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

В современных научных дискуссиях все больше времени уделяется поиску и выбору оптимального пути развития общества и государства. Во многих развитых странах с приходом демократического режима наиболее остро встает проблема реформации правовой системы, формирования гражданского общества и правового государства, легитимации государственной власти и закрепления существующего порядка, идей и ценностей. Автором сделаны выводы, что формирование правовой идеологии связано с восприятием и внедрением аксиологических принципов в правовое поле, процесс идеологических формообразований не прекращается до настоящего времени, а между различными правовыми идеологическими программами идет конкурентная борьба.

Ключевые слова: нормы права, идеология, глобальная идеология.

M.V. Yakimov

FEATURES OF THE FORMATION AND REALIZATION OF A GLOBAL LEGAL IDEOLOGY

In modern scientific discussions, more and more time is devoted to the claim and choice of the optimal way of development of society and the state. In other developed countries, with the advent of a democratic regime, the problem of reforming the legal system, forming a civil society and a State governed by the rule of law, legitimizing State power and consolidating existing order, ideas and values was most acute. The author concluded that the formation of legal ideology is connected with the perception and introduction of axiological principles in the legal field, the process of ideological formations does not stop until now, and there is competition between various legal ideological programs.

Keywords: norms of law, ideology, global ideology.

Единства в понимании понятия правовая идеология в юридической науке не сложилось. Каждый исследователь выводит свой подход к пониманию этого явления. Данное обстоятельство создает определенную трудность в изучении данной темы. Некоторые исследователи рассматривают правовую идеологию как систему правовых идей [см. 4], что приводит к ошибочному причислению идейно-правовых систем к идеологиям. Так, философия права будет пониматься как идеология. Другие исследователи определяют правовую идеологию как «систематизированное научное выражение правовых взглядов, принципов, требований общества, различных групп и слоев населения» [3, с. 442], это определение несколько шире, однако также не позволяет отграничить идеологию от науки и философии.

Некоторые ученые склоняются к мнению, что правовая идеология является рациональным уровнем познания [6, с. 69–71]. Следует отметить, что правовая идеология является системой в том числе ценностей и взглядов, которые не нуждаются в рациональном осмыслении. Считаем, что такое сужение правовой идеологии только до рационального уровня отрицает иные характеристики (ценностные и эмоциональные), таким образом усложняя изучение данного феномена.

Считаем, что правовая идеология – это целостный и единый механизм воздействия системы идей на групповое, индивидуальное и общественное правосознание с целью легитимации права, оформления единства правовой системы, ее воспроизводство с помощью перевода правовых идей в нормативные установки сознания и формирования соответствующих моделей поведения.

Вопросы правовой идеологии отражены в Конституции РФ, в которой установлено, что «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной». Возникает вопрос, а есть ли в России единая государственная идеология? Соблюдается ли этот принцип?

В процессе научных дискуссий возникло две точки зрения: в России отсутствует единая идеология и противоположная точка зрения – Конституция РФ сама по себе устанавливает идеологию, конституционную идеологию, которая завязана на целях, принципах и идеях, закрепленных в Основном законе страны.

Интересна позиция судьи Конституционного Суда РФ – Г.А. Гаджиева, который, опираясь на текст Конституции, сделал вывод, что у «государства может быть идеология, но она не должна быть эксклюзивно-обязательной» [1, с. 40]. Представляется, что Конституция РФ, декларируя многообразие, как идеологическое, так и политическое, не устанавливает запрета на существование единой национальной идеи, которая может стать предметом идеологии гражданских и политических институтов.

Механизм правовой идеологии тесно связан с сущностными элементами и содержанием правовой идеологии. В основе правовой идеологии лежит система ценностей. Она относительна и иерархически структурирована. Правовые ценности в системе идеологии обретают форму правовых идей. В системе правовой идеологии нет идей без ценностного основания. Верно и обратное. Ценности воспринимаются как элементы правовой идеологии только в идеях. Также и идеи воспринимаются только если основаны на ценностях.

Можно выделить первичный элемент идеологии – основные идеи: порядка, справедливости, свободы, ответственности, социального государства, федерализма, разделения властей, правового государства, гражданского общества, государственности, гражданственности и многие другие. В большинстве своем они закреплены в Конституции Российской Федерации. К примеру, идея демократии закреплена в 1 и 3 статьях, идея федерализма – в статье 5. Вторичным элементом является правовой миф. Являясь одновременно и элементом правовой идеологии, и результатом действия механизма правовой идеологии он устанавливается в различные правовые концепции. Правовые мифы имеют

большое значение для оценки содержания правовой идеологии, и для характеристики ее структуры.

Пример правового мифа – миф о юридическом правопонимании. Он убеждает в отсутствии альтернативных форм, в единственности права государства. Это позволяет государству монополизировать правотворчество. Этот миф особенно крепко укоренен в идеологической составляющей юридической теории.

Еще один миф – миф о правовом государстве. В современных государствах преобладают правовые формы легитимации власти государства, поэтому сегодня этот миф широко распространен. Он нужен для того, чтобы с помощью права показать ложную «ограниченность» государства, снять часть ответственности с него, при этом не уменьшая воздействия государства на общество. С помощью этого мифа государство, с одной стороны, порицает тоталитарность и говорит о своей ограниченности и эффективности, имитирует борьбу различных «ветвей» власти, а с другой – увеличивает воздействие на гражданское общество.

Здесь затронут такой миф, как миф о гражданском обществе, но в силу ограниченности объема данной работы глубоко рассмотрен он не будет. С помощью парламента правящий класс может как снимать ответственность со своих членов, так и «жертвовать» политическими фигурами для поддержания этого мифа. Мы считаем это самым эффективным, самым важным мифом для современности. Он позволяет стабильно поддерживать выгодную государству ситуацию в обществе. Также миф о правовом государстве позволяет самому государству постоянно подвергаться процессу легитимации. Следовательно, государство постоянно легитимируется через правовые формы, которыми может управлять.

Таким образом, функционирование механизма правовой идеологии проявляется в сочетании правовых предписаний и представлений о действии права.

Особенно ярко особенности правовой идеологии проявляются в формировании так называемой глобальной правовой идеологии. Действительно, рассмотрев аспекты единой идеологии, закрепленной в Конституции Российской Федерации, напрашивается вопрос – а есть ли мировая, глобальная идеология?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо рассмотреть классификации идеологий. Некоторые исследователи делят правовые идеологии на мегаидеологии и идеологии, на глобальные и частные идеологии, на классические и постклассические.

Глобальные идеологии претендуют на ответы на все вопросы мироздания, частные же затрагивают какую-то одну проблему, обычно остро стоящую перед конкретным обществом. Классически к глобальным идеологиям относятся консерватизм, либерализм. К частным идеологиям относится национализм, затрагивающий проблему только этносов, феминизм, направленный на преодоление сексизма, на обеспечение равных политических, личных, социальных и других прав для женщин и др.

Классификация на мегаидеологии и идеологии очень близка к классификации на глобальные и частные. Считаем, что главным отличием является степень охвата территорий. Мегаидеология – это основа «высшего» порядка, ос-

нова для дискуссий по узким вопросам, идеологии же как раз-таки и дискутируют по какому-то одному вопросу.

С середины XX в. существовавшие идеологии перестали попевать за развитием человечества, за развитием таких наук, как история, политология и иными науками. Как результат стали появляться новые идеологии на базе старых, старые ценности заменялись на новые, подчас на антиценности. После таких преобразований (поправок) и возникли постклассические идеологии. Поясняющий пример: либерализм и неолиберализм, консерватизм и неоконсерватизм, коммунизм и еврокоммунизм (справедливости ради стоит отметить, что многие коммунисты после развала СССР перешли на позиции социал-демократии, а то и вовсе отказались от коммунистических ценностей).

Весь смысл данных классификаций, на наш взгляд, сводится к тому, что различные исследователи считают возможным в будущем создать глобальную идеологию, единую систему идей и ценностей. Посредством выделения идеологии высшего порядка в классификациях исследователи, таким образом, допускают ее существование. Причем в создании единой глобальной идеологии каждая частная идеология стремится к господству над другими идеологиями, каждая система тем или иным путем пытается получить контроль над массами, навязать свои ценности и интегрировать в мышление личности свои установки.

Нам представляется, что создание единой глобальной правовой идеологии невозможно. Даже если допустить, что такая идеология и будет создана, ее роль в установлении международного порядка будет минимальной. Де-юре эта идеология будет закреплять базовые права, ценности, идеи, концепты, но де-факто эти закрепленные элементы не будут иметь практической ценности, права будут нарушаться в угоду интересам политической и финансовой элите какой-либо страны.

Уже с XX в. ведется работа по созданию такой идеологии. Создаются международно-правовые документы, определяющие права человека (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция о правах ребенка, Декларация о принципах терпимости и многие другие документы), успешно функционирует Европейский Суд по правам человека, хотя некоторые его решения странами-участницами признаются вторгающимися в национальный суверенитет государства [8], институт омбудсманов приобретает общемировое распространение [9], принципы проведения демократических выборов становятся универсальными [5], обсуждаются новые направления глобализации (по оси Юг-Юг), создаются различные экспертные клубы, на европейских конференциях обсуждается региональная экономическая интеграция.

Как представляется, глобализация и интеграция экономик и политических сил приравнивается к созданию новой глобальной идеологии. При создании единого экономико-политического пространства на мировой базе необходимо будет обосновать новый миропорядок, идею единства, неотъемлемости базовых человеческих прав, что приводит к созданию новой идеологии, не просто «прикручивание» новых ценностей к старым, а глобальное переосмысление всех идейно-правовых течений. Это связано с невозможностью совместить некото-

рые ценности различных идеологий (национализм с глобализмом, социализм с консерватизмом).

Следует отметить, что «на Западе в 70-е гг. прошлого столетия возникла концепция общественного развития, получившая название «нового мирового порядка»» [7, с. 71]. Она предусматривала реорганизацию международных политических, экономических и культурных взаимосвязей. Все это должно было способствовать снижению конфликтности, кризисности, должно было помочь человечеству в том числе и избежать ядерной катастрофы. Итоги данной концепции были неутешительны. Да, научное сообщество заинтересовалось идеей и стали выходить различные научные исследования, посвященные этой теме. Однако, интересы отдельных стран стали выше концепции, национальные интересы оказались важнее, чем глобальные.

Эта ситуация показательна. Современный глобализм не может решить проблемы своего уровня, в частности, ЕС не может разрешить миграционный кризис. Имея единый центр принятия решений, единый механизм, все равно проявляется воля различных стран в своих, национальных интересах. Некоторые страны отказались принимать беженцев в том количестве, который был обговорен, а некоторые и вовсе отказались принимать мигрантов. Из более «свежих» примеров – Греция наложила вето на заявление НАТО, которое готовилось в поддержку Анкары после активизации столкновений в сирийской провинции Идлиб. В Греции посчитали необходимым включить предложение сделать ссылку на соблюдение декларации между ЕС и Турцией по проблеме беженцев и мигрантов, подписанной в 2016 г. [2]. Национальные интересы Греции перевесили интересы всех остальных участников НАТО.

Следует отметить, что для создания единой, глобальной правовой идеологии необходим, как представляется, единый центр принятия решений. Это подтягивает к идеологии глобализма мондиализм (установление мирового правительства). Создание наднационального центра, переход от мультикультурализма к американской концепции «плавильного тигеля» (смешение народов, культур). Мы считаем, что идея мондиализма и глобализации мировой экономики взаимосвязаны. Это взаимосвязанные утопии. Невозможно создать мировое правительство, как и невозможно создать единую правовую идеологию, основанную на глобализме.

Приведем два примера несостоятельности мондиализма. Примеры политической несостоятельности мондиализма — идея созданной в XX в. Лиги Наций сводилась к как можно большему разоружению, следованию международным договорам, выполнению международных обязательств, поддержанию мира и безопасности, однако Лига Наций не смогла предотвратить Вторую Мировую войну. Примерами экономической несостоятельности глобализации мировой экономики является то, что за последние 10 лет рост международной торговли отстал от роста мирового ВВП больше чем в 2 раза, национальные интересы получают большую экономическую опору, чем интересы глобализации, многие страны начали пересматривать существующие договоры (выход США из НАФТА, выход Великобритании из ЕС).

Таким образом, роль нарождающейся глобальной правовой идеологии в установлении международного порядка спорна. Глобальная правовая идеология создает новые проблемы в международном праве, а также «подталкивает» право интенсивней проникает в взаимоотношения государств.

Опираясь на предыдущие суждения в нашем исследовании можно сделать вывод о том, что глобальная идеология на данный момент недостаточно регулирует мировой порядок. Однако констатируем, что глобализация проникает во все новые взаимоотношения между государствами.

Список используемой литературы

1. Гаджиев Г.А. Отечество – не корпорация / Г.А. Гаджиев // Российская газета. – 2014. – № 38. – С. 40.

2. Заявление НАТО в поддержку Турции заблокировали. – URL: <https://news.rambler.ru/conflicts/43769596-zayavlenie-nato-v-podderzhku-turtsii-zablokirovali> (дата обращения 04.03.2020 г.).

3. Общая теория государства и права: академический курс : в 3 т. / М.Н. Марченко, С.Н. Бабурин и др. – Москва : Норма : НИЦ Инфра-М, 2013. – Т. 3. – 816 с.

4. Сатышев В.Е. Идеи диггеров и формирование буржуазной политико-правовой идеологии / В.Е. Сатышев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1981. – № 5. – С. 62–67.

5. Слободчикова С.Н. Принцип свободных выборов как международный избирательный стандарт / С.Н. Слободчикова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 6 (73). – С. 67–73.

6. Сподынец Л.В. Соотношение и взаимосвязь правовой психологии и правовой идеологии / Л.В. Сподынец // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2007. – № 4 (10). – С. 62–71.

7. Хорина Г.П. Глобализм как идеология / Г.П. Хорина // Глобализация и гуманитарное знание. – 2005. – № 1. – С. 71–78.

8. Чуксина В.В. Право на свободу мирных собраний: страсбургская интерпретация российского правового регулирования / В.В. Чуксина, К.В. Мирвода // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 12. – С. 64–66.

9. Якимова Е.М. Государственные специализированные органы по защите прав предпринимателей в механизме обеспечения равновесия экономической системы общества / Е.М. Якимова // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2019. – № 4. – С. 44–47.

Информация об авторе

Якимов Михаил Владимирович – студент, Сибирский Федеральный университет, 660041, г. Красноярск, Свободный просп., 79, e-mail: yakimov12-2000@mail.ru.

Author

Yakimov Mikhail Vladimirovich – student, Siberian Federal University, 79, avenue Svobodniy, Krasnoyarsk, 660041, e-mail: yakimov12-2000@mail.ru.

**ПУБЛИЧНЫЕ УСЛУГИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОПРАВOK
В КОНСТИТУЦИЮ РОССИИ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ
КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ**

Современный мир – мир глобальный, что отражается не только на взаимовлиянии государств друг на друга, но и взаимосвязи различных процессов. Постепенное изменение законодательного массива приводит к претворению в жизнь различных теоретических конструкций, различные вызовы современному правопорядку приводят к изменению привычных методов работы как общественных, так и государственных институтов. В статье рассматриваются вопросы, связанные с влиянием принятия поправок в Конституцию РФ в 2020 г. и распространение коронавирусной инфекции на институт публичных услуг. Сделан вывод о том, что рассматриваемый институт должен совершенствоваться в целях повышения уровня обеспечения национальной безопасности России и безопасности ее граждан.

Ключевые слова: государство, органы публичной власти, публичные услуги, коронавирусная инфекция, поправки.

**E.M. Yakimova
I.A. Pulyaevskaya****PUBLIC SERVICES THROUGH THE LENS OF AMENDMENTS
TO THE CONSTITUTION OF RUSSIA AND THE SPREAD
OF CORONAVIRUS INFECTION**

The modern world is a global world, which is reflected not only in the mutual line of States on each other, but also in the interrelationship of different processes. The gradual change of the legislative mass leads to the implementation of various theoretical structures, various challenges to the modern legal order lead to a change in the usual working methods of both public and state institutions. The article considers issues related to the impact of amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 and the spread of coronavirus infection on the institution of public services. It was concluded that the institution under consideration should be improved in order to improve the level of national security of Russia and the security of its citizens.

Keywords: state, public authorities, public services, coronavirus infection, amendments.

Формирование поправок в Конституцию Российской Федерации привело к окончательному оформлению института публичной власти, а следовательно, публичных органов власти, публичных услуг и т.п. То, что в научных работах признавали необходимым для терминологической унификации [1; 3], стало

нормой права. В данной связи стремление к приведению к общему конституционному знаменателю государственных и публичных услуг, аргументированное в различных научных работах, стало востребовано в законодательстве. Представляется корректным в связи с внесением обозначенных поправок в Конституцию РФ, более четко и уже с отсылками к Основному закону страны формировать институт публичных услуг в единой композиционной целостности.

Публичные услуги встречаются во всех сферах жизнедеятельности современного общества, поскольку являются основной формой взаимодействия населения с публичной властью и сопровождают человека на протяжении всей его жизни, начиная с рождения.

Главным мерилom отношения населения к государству, государственным органам и органам местного самоуправления является качество предоставления публичных услуг, что обусловлено их производностью от власти народа [5, с. 12]. В связи с этим перед государством стоит задача сделать такое взаимодействие как можно более доступным, открытым и комфортным, поскольку транспарентность процедуры получения публичной услуги повышает уровень удовлетворенности населения, что приводит к повышению уровня национальной безопасности [4, с. 145].

Недостаточная информированность населения о процедурах предоставления государственных и муниципальных услуг и обязательное участие граждан в данном процессе, сопряженное с личным взаимодействием с сотрудниками органов, территориальная разобщенность органов, предоставляющих публичные услуги, и отсутствие информационного обмена между такими органами и, как следствие, необоснованное привлечение граждан к процессу сбора различного рода документов и справок, неудобное для большей части населения время работы органов, предоставляющих публичные услуги, несогласованность графиков работы различных органов и неприиспособленные помещения органов для длительного ожидания, волокита и многократность обращения в органы, долгое ожидание результата и другое явились основой для изменения принципов и подходов в системе государственного управления, стандартов предоставления публичных услуг, отношения государства к населению, однако правоприменительная практика еще далека от совершенства.

Введение режима повышенной готовности показало все недостатки организации предоставления публичных услуг: хотя многие органы перешли на бесконтактное общение с заявителями, остались такие проблемы как: получение справок и т.п. в документарном виде стало практически невозможным, а органы, требующие от заявителя их предоставления, не перешли на межведомственное взаимодействие; многие справки и т.п. имеют небольшой срок «действия», однако в такой неординарной ситуации необходимо принять централизованное решение о продлении их действия; органы публичной власти зачастую не готовы на общение с заявителями посредством электронно-информационной системы «Интернет», предпочитая бумажные носители, что выражается в предложении предоставить документы в конверте в почтовый ящик, расположенный на здании органа (применение такого способа получения информации представляется неприемлемым как для заявителей, которые нарушают режим само-

изоляции, отправляясь с документами в орган публичной власти, как и для сотрудников органа власти, поскольку на бумажных носителях заявителей может содержаться коронавирусная инфекция).

Представляется, что современные вызовы личной и государственной безопасности ставят новые вопросы системе оказания публичных услуг, которые необходимо решать при помощи взвешенных управленческих решений, что позволит в дальнейшем их инкорпорировать в ситуации, когда система оказания публичных услуг будет функционировать в штатном режиме без существенных ограничений прав заявителей публичных услуг [2, с. 18].

Список использованной литературы

1. Барциц И.Н. Понятие «публичная услуга» в контексте Федерального закона № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и вне его / И.Н. Барциц // Государство и право. – 2013. – № 10. – С. 40–51.

2. Приходько Т.В. Понимание ограничения прав и свобод человека и гражданина с позиции вмешательства / Т.В. Приходько // Академический юридический журнал. – 2019. – № 2 (76). – С. 13–18.

3. Пуляевская И.А. Правоприменение в сфере оказания публичных услуг: перспективы адаптации зарубежного опыта в России / И.А. Пуляевская // Правоприменение. – 2019. – Т. 3. – № 4. – С. 82–90.

4. Рожкова А.К. Сущность правосознания в контексте обеспечения общественной безопасности / А.К. Рожкова // Проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте изменения геополитической ситуации : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2017. – С. 144–148.

5. Слободчикова С.Н. К вопросу о конституционно-правовой регламентации принципа свободных выборов в России / С.Н. Слободчикова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 4. – С. 11–15.

Информация об авторах

Якимова Екатерина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: yakimova_katerin@mail.ru.

Пуляевская Инна Александровна – аспирант, кафедра государственно-правовых дисциплин, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, e-mail: inna-just@yandex.ru.

Authors

Yakimova Ekaterina Mihailovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, the Chair of Legal Support of National Security, Baikal State University, 11 Lenin str., Irkutsk, Irkutsk region, 664003, Russia, e-mail: yakimova_katerin@mail.ru.

Pulyaevskaya Inna Aleksandrovna – post-graduate student, Chair of State and Legal Disciplines, Baikal State University, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: inna-just@yandex.ru.

Научное издание

**ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Материалы международной научно-практической конференции

Иркутск, 24 апреля 2020 г.

Издается в авторской редакции

ИД № 06318 от 26.11.01.
Подписано в пользование 28.05.20.

Издательство Байкальского государственного университета.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
<http://bgu.ru>.